ИВАН ПОПОВ

ЛОЖЬ

ЗАПИСКИ КУЛАКА

ЧАСТЬ 1

ИВАН ПОПОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга повествует о изломанных судьбах самых трудолюбивых жителей Воронежской области, признанных по разнарядке кулаками, лишенных всего имущества и высланных из родных мест вместе с семьями на лесоповал.

- ЛОЖЬ
  - От автора
  - Часть 1

ЛОЖЬ
Записки кулака. Часть 1

…Некий чудак и поныне за правду воюет,-
Правда, в речах его правды — на ломаный грош:
— Чистая правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.

В.С.Высоцкий

От автора

Уважаемый читатель! Вы держите в руках книгу, которая повествует о трагичной странице в истории нашей Родины, связанной с периодом насильственного насаждения колхозного строя в стране. Изданию книги послужили воспоминания и размышления непосредственного участника и очевидца событий того времени — моего отца, Попова Ивана Сергеевича, ныне покойного. Искренне убежден, что отец был бы очень доволен, узнав, что этот труд читает человек, который сможет его оценить и тем самым взглянуть другими глазами на прошедшую эпоху, в которой жили миллионы его соотечественников. Эпоху, когда фальсификация образа жизни людей и пропаганда лжи были возведены в ранг государственной политики. Когда страх людей за свою жизнь перед властью, было нормой поведения миллионов. Возможно, кто-то подумает, что в основу книги взята избитая тема. Не спешите так думать, не торопитесь делать скоротечных выводов. Согласен, что у нас достаточно издано научных исследований и художественной литературы о политических заключенных, репрессиях, лагерях. Но нигде вы не найдете описания судеб раскулаченных со слов самих очевидцев событий — кулаков. Среди заключенных в ГУЛАГе было немало людей грамотных, порой высокообразованных, имеющих отношение к науке и творчеству. Впоследствии они, либо сами написали о репрессиях, либо поделились своими личными воспоминаниями и рассуждениями с известными литераторами. Раскулаченные же, в основной своей массе, были забитыми и малограмотными деревенскими людьми, которые не только написать, но не могли даже связно рассказать о своих злоключениях, а тем более о причинах их вызвавших. К тому же были до смерти напуганы и молили бога, чтобы о них лишний раз даже не вспоминали.

Отец умер неожиданно, просто не проснувшись однажды утром. Поэтому уже после его смерти, выполняя свой сыновний долг, я постарался творчески обработать и придать вид художественного произведения оставшимся после него записям, дополнив их тем, что смог узнать сам. Тем самым осуществить мечту отца заполнить информационный пробел в истории многочисленной армии наших сограждан, вся вина которых заключалась в том, что они умели и хотели работать на земле, за которую воевали и проливали кровь на фронтах гражданской войны. Донести до всех, кому интересна история государства и Воронежского края, правду о гонениях на этих людей в местах

проживания, затем об издевательствах на поселениях, вдали от родных мест. О выпавшим на их долю тяжелых испытаний голодом, непосильным трудом, болезнями, отчего больше половины несчастных отдали богу душу. Из рассказов отца я знал, что тем, кому посчастливилось вырваться из этого ада, еще долгое время были объектом унижений. С ними старались не связываться, с опаской брали на работу, связанную даже с самым тяжелым и неквалифицированным трудом, не допускали к учебе. Попав под бесчеловечный эксперимент массового психологического внушения в сознание безграмотной толпы большевистского лозунга «земля — крестьянам, фабрики — рабочим», русский народ оказался одураченным. Откуда люди могли знать, что понятия «пользоваться» и даже «владеть» далеко не всегда сочетаются с понятием «распоряжаться». Что не для того враги России тратили огромные деньги, сначала на содержание революционеров всех мастей, а затем на организацию октябрьского переворота 1917 года, чтобы большевики, захватившие власть на волне террора и развязанной братоубийственной гражданской войны, вдруг позволили русскому народу самостоятельно распоряжаться плодами своего труда. Тем более от земли — основного богатства такой страны, как Россия. Описанные события действительно происходили в небольшом селе, расположенном неподалеку от Воронежа. Все персонажи были реальными людьми, среди них нет ни одного вымышленного. Большинство названы своими настоящими именами, многих я знал лично.

С уважением,

Попов Александр Иванович

Часть 1

Дом Пономарёвых располагался в середине Большака, между церковью и рекой. Был он кирпичным, под железом, и состоял из двух половин, разделённых между собой холодными сенями. Под домом находился обширный подвал. Двор ограничивали многие сараи и сарайчики, хлева для скота, навесы для инвентаря, амбары и поветки. Среди строений приютилась чёрная баня. Все было сделано добротно, со знанием дела. За двором раскинулось обширное гумно с вместительной ригой и сад с пасекой. Здесь чувствовались чистота и порядок, не в пример загаженному скотиной двору. Во дворе старались всё делать так, чтобы скотине было уютно и тепло, но ничего не делали для удобства домочадцев. Весной, осенью, да и летом, в дождливую погоду, во дворе стояла непролазная грязь, а мужчины, женщины и дети лаптями месили липкую землю, обильно сдобренную навозом. И никому не приходило в голову завезти во двор несколько телег песку или, не дай бог, установить в укромном уголке уборную. Нужник на дворе иметь было не принято. Оправлялись в хлеву, используя для сидения кусок сломанной оглобли, заделанной своими концами в смежные стены одного из углов. Обычный дом в селе состоял из одной комнаты и сеней, сделанных из красного кирпича. Объяснялось это не богатством и зажиточностью крестьян, а тем, что не было строевого леса. Все лесные массивы в округе принадлежали барину Сомову, который никогда и никому не продавал лес, а если соглашался продать, то заламывал такую цену, что дешевле было построить мраморный дворец. Поэтому крестьяне приглашали всех своих родных или соседей, копали глину, песок, делали замесы, резали кирпичи и обжигали их в примитивных печах, вырытых в земле. Если хозяин имел такую возможность, то он строил дом на две комнаты, большую и малую, с холодными сенями посередине. Почему-то комнату называли избой. Именно в таком доме проживала семья Пономарёвых. В каждой избе стояла русская печка, которая занимала, чуть ли не половину всей площади. В большой избе от печки и до противоположной стены под потолком размещались полати. По всем стенам, ниже подоконников, тянулись широкие деревянные лавки. Лавка, стоящая у входа, была забрана досками до самого пола и называлась коником. Та, что находилась возле печки — судницей. В углу, под божницей, стоял большой стол, а у судницы — низкая кадка для помоев, именуемая дежой. Вот и вся обстановка. Но всё было продумано и служило по своему назначению. Печь служила спальней для бабки и деда, куда они

брали маленьких внучат. Полати отводились детворе постарше. Когда в зимнее время появлялись швецы, вальщики или другие мастера, то полати предоставлялись им, а детворе на полу стелили на солому полушубки и тулупы. Если в это время начинался отел и окот скота, то в избу помещали телят, поросят и ягнят вместе со свиньей и овцой, а ребятишкам приходилось делить с ними своё ложе. Так было заведено испокон веку, и хоть бы кто догадался взять и утеплить сарай, сложить там печку и поместить в нем долгожданный приплод. Если в избу помещали мелкую живность, то сени предоставляли ожеребившимся лошадям и отелившимся коровам. И делали это не потому, что не было хлева, а потому, что боялись воровства, которое случалось в селе довольно часто. На лавках, пододвинув к ним скамейки, стелили женатым мужикам, а на конике укладывали неженатого парня или прохожего гостя. Рукомойников не было, да о них и не имели понятия. Просто не знали, что это такое. Все умывались над дежой. В неё же ночью справляли малую нужду, а утром мужики выносили на двор. В малой избе, в отличие от большой, не было ни полатей, ни лавок, ни коника с дежей. В углу избы стояла русская печка, рядом большой стол, окруженный скамейками. Рядом с печкой, у задней стены, были установлены деревянные топчаны. Здесь не готовили еды, не держали скотину, даже мужикам не разрешалось без надобности заходить в неё. Здесь было женское царство, где вместе с матерью размещались взрослые девчата, девочки-подростки и учились шитью, вышиванию и грамоте. В отличие от большой избы, здесь мыли полы и даже протирали окна, старались поддерживать чистоту. В таких, практически скотских условиях, веками жило всё село и продолжало жить. Особенно невыносимой была судьба у женщин. Во-первых, женщины не имели даже элементарных условий для личной гигиены, а во-вторых, многовековые традиции, условности, тупость и бескультурье ставили их в абсолютную зависимость от мужей, что вызывало пренебрежение к женщине, как к человеку. Даже Пономарёвы, имея относительный достаток, лишь изредка привозили из города кусок самого дешёвого хозяйственного мыла, которое резали суровой ниткой на небольшие кусочки и выдавали снохам в качестве подарка. Смертность среди женщин намного превышала смертность мужчин, поскольку выполняли ту же работу, что и мужчины. Они пахали, сеяли, косили и молотили. Кроме того, они варили, ухаживали за детьми, стирали. Иногда, даже в трескучий мороз, на реке в проруби палками били постельное белье, предварительно прокатав его в золе. Они же ездили с мужьями в лес за дровами, пилили дрова в снегу по пояс и все это с голыми

ногами. Женщина не могла даже и подумать, чтобы надеть на себя не только трусы, но и подштанники мужа. Если кто из них и сделал бы это, то её посчитали бы ведьмой, и если не убили, то сожгли вместе с детьми. Для женатых строили времянки, называемые поветками, где супружеская пара проводила ночи в летнее время, но спать им приходилось мало. В уборочную все обязаны были ехать в поле, где женщины работали наравне с мужчинами и никому из них не давали поблажки, даже беременным. Зачастую женщины рожали в поле и им помогали другие, а если начинались только схватки, то роженицу отправляли домой на попечение старух или повитухи. Роженица не пользовалась никакими благами, ни особым вниманием. Её кормили, как всех, квасом, картошкой и другой немудрёной пищей и никто не догадывался сварить для неё отдельно куриный бульон, молочную кашу, накормить сметаной или творогом, хотя по двору ходили сотни кур, в хлеву стояло полдюжины коров и другой живности. И это была не жадность, не чёрствость, а тупость окружавших людей, говорящих про беременных: «Авось, не барыня!».

Во главе семейства Пономарёвых стоял Егор Иванович — худощавый, небольшого роста человек, с усами и бородкой клинышком на довольно симпатичном, загорелом лице. Хотя Егор Иванович и числился главой семейства, но полной хозяйкой в доме являлась его мать, бабушка Вера, которая обычно не вмешивалась в действия своего сына, но при обсуждении серьезных вопросов всегда оставляла за собой последнее слово. Дело было в том, что дом, надворные постройки и часть инвентаря принадлежало бабушке. К тому же, не только в семье, но и в селе не было более грамотного и начитанного среди крестьян человека, равного ей. Бабушка Вера выросла и воспиталась в доме попа.

Однажды местная матушка, во время церковной службы, обратила внимание на красивую черноглазую девочку лет семи-восьми, опрятно одетую в домотканый сарафан и новенькие лапти по ноге. Узнав, чья она, матушка вскоре побывала в семье этой девочки. Ее визит домашних не удивил, ибо матушка частенько наведывалась к крестьянам, интересуясь их семейными делами, и в случае необходимости, оказывала посильную помощь. В этот раз она пришла с необычной просьбой взять на воспитание к себе в дом, увиденную в церкви девочку. Когда она заговорила о цели своего визита, то встретила со стороны родителей такую стену отчуждения, словно нанесла непоправимое оскорбление. Отец девочки заявил, что хотя у него и десять ртов, но в их роду еще не было случая, чтобы кого-нибудь отдавали людям на

прокорм. Слава богу, все дети накормлены, одеты, обихожены.

— Вы, Никита Акимович, неправильно меня поняли, — старалась объяснить матушка, — и если что не так, то простите меня. Вот вы говорите, что у вас десять ребятишек, а у меня нет ни одного и профессора в городе сказали, что детей не будет вообще. Я прошу Веру не на прокорм, как вы сказали, а на воспитание. Я богата, образована, и дам ей всё, что в моих силах. Причём, я прошу ее не на всё время, а только на некоторый срок, но если ей понравиться, то пусть живет хоть до замужества. Я освобожу её от барщины, обеспечу на всю жизнь, а не понравиться, пусть возвращается домой в любое удобное для неё время. Разрешите мне помочь Вере стать человеком грамотным и образованным, а крестьянская доля — доля крестьянки, от нее никогда не уйдет. Так что, Никита Акимович, по рукам?

В итоге, богатство попадьи, обещание освободить Веру от барщины, да и обыкновенная боязнь навлечь на себя гнев влиятельного священника, склонили чашу весов в пользу матушки. И родители Веры, после некоторого колебания, дали свое согласие. Так Вера, безграмотная крестьянская девочка, крепостная барина Сомова, волей случая попала в другой мир, мир для нее необычный, но очень интересный и так не похожий на тот, в котором она жила до этого. Матушка Софья оказалась хорошим педагогом и отдалась делу воспитания девочки с жаром всей своей души. Вера впитывала в себя знания, словно губка живительную влагу, а матушка учила Веру всему тому, что знала сама. Кроме грамоты, она познакомила её с правилами поведения, умению одеваться, шитью и кройке, кулинарии, правилам ухода за огородом. Со временем привила ей любовь к литературе, и они частенько разбирали те или иные произведения русских и иностранных авторов. Теперь Вера ходила не в домотканых нарядах, а в сатинах, на ногах красовались не липовые лапти, а изящные ботиночки. С возрастом девочка расцвела, налилась соком, округлилась и превратилась в прелестную девушку, писаную красавицу. Когда девушке исполнилось семнадцать, матушка присмотрела ей жениха из работящей семьи Пономарёвых и успешно отрекомендовала его родителям Веры. Нареченный, Иван, был крепким, выше среднего роста парнем, с густыми, волнистыми русыми волосами на аккуратной голове. Матушка выполнила свое обещание и освободила Веру от барщины, построила молодоженам дом, подарила молодым широкую кровать, что было новинкой в селе, подарила английскую швейную машинку, зеркало, паровой утюг и часы-ходики. Она же справила им свадьбу и одела молодых к венцу. Потом снабдила их скотом и

некоторым инвентарем. Так, нежданно и негаданно, молодые сразу встали на ноги, вызвав среди односельчан чёрную зависть. Но молодожёны, упиваясь своим благополучием, ничего не хотели замечать и жили душа в душу. Спустя несколько лет после свадьбы Пономарёвых, отменили крепостное право. К этому времени у них уже родилось два мальчика. Первенца назвали Егором, второго-Митрофаном. Спустя два года родился третий мальчик, Алексей. Впоследствии родились еще три девочки. Несмотря на большое хозяйство, родители не заставляли детей исполнять непосильную работу, но и не дозволяли им бить баклуши. Каждому был определен круг обязанностей, за исполнение которых строго спрашивали. Все дети Пономарёвых учились. Учились они хорошо, и успешно окончили церковно-приходскую школу, за исключением Митрофана, который, несмотря на все старания и страдания матери, окончил два класса и заявил, что отныне будет пасти овец. Мать махнула на него рукой и разрешила ему заняться выпасом скотины, считая, что сын скоро разочаруется. Но тот с таким желанием и стремлением управлялся со своими блеющими подопечными, что мать решила больше не навязывать ему своей воли. Шло время, дети росли в достатке и заботе. Мать хотела, чтобы они не только хорошо разбирались в сельском хозяйстве, но освоили и какое-нибудь ремесло. К сожалению, мастеровых в селе было — кот наплакал. Вальщики, сапожники, жестянщики, швецы, портные, даже плотники и столяры приходили со стороны. Не было даже своего кузнеца. У кого учится?

В это время барин Сомов, местный помещик, решил жениться. Приглядел себе невесту в Питере, и начал готовиться к свадьбе. Покойный отец оставил ему новый, добротный дом, многочисленные службы, даже вместительную стеклянную теплицу, но для молодой, да еще городской избранницы этого было явно недостаточно. Для престижа светской дамы, по мнению жениха, требовался выезд с шикарной каретой и вальяжными кучерами. Нужна была тройка красивых, породистых рысаков, в облегченной сбруе с кистями, серебряным набором, султанами и другой упряжной роскошью. Чтобы не ударить в грязь лицом, барин пригласил из Воронежа лучших мастеров и распорядился изготовить прогулочную карету, упряжь и все необходимое в лучшем виде, не жалея средств на приобретение лучших материалов. Немец, управляющий имением, проявляя заботу, предложил хозяину подобрать пару смышлёных мальчиков из крестьянских детей и приставить их к мастерам. Пусть, мол, числятся на побегушках, но одновременно присматриваются и перенимают азы мастерства. Он говорил барину, что одно дело

уметь изготовить инвентарь, но потом за ним все равно ведь придется присматривать, содержать в порядке, ремонтировать, а для этого нужно иметь своего, знающего дело работника. Но сколько немец не ходил по домам — все попусту. Крестьяне отказывали ему, ссылаясь на нехватку рук в семье или находя иные причины. Ларчик открывался просто. Среди крестьян бытовало стойкое мнение, что все мастеровые люди никчёмные — шалопаи, пьяницы и прощелыги, а поэтому отдать ребенка на учение мастеровым равносильно тому, что толкнуть ребенка на порочный путь. Пономарёвым, точнее матери, эта идея наоборот понравилась, и было решено отдать старшенького, Егорку, в учение. Мать сказала немцу, что сын у нее грамотный, послушный, серьёзный не по годам, и лучшего ученика ему не найти. Егору шел уже четырнадцатый год, и он был хорошим помощником отцу, но было решено пожертвовать благополучием семьи ради будущего своего сына.

Мастеровым, грамотный и мыслящий подросток, пришелся по душе ровным характером и исполнительностью. Оторванные от семей, они любили болтать с Егором, скучая по оставленным дома ребятишкам, и с желанием открывали ему секреты своего мастерства, доверяя инструмент и поручая выполнять отдельные, несложные задания. Егор хорошо усваивал теорию, навыки практической работы и за год учебы освоил столько, что другим потребовались бы на это годы. Работа подходила к концу, но барин вдруг неожиданно приказал управляющему рассчитать всех нанятых работников, отказавшись от их услуг. Поговаривали, что невеста, не дождавшись свадьбы, вышла замуж за другого и уехала за границу. Работники, получив расчет, разъехались по домам, но Егора барин не отпустил, распорядившись, чтобы он закончил работу, которую мастера не успели доделать. В итоге Егор прослужил у барина почти четыре года. Возмужал, набил руку на многочисленных заказах барина и вырос в первоклассного специалиста столярных и плотницких дел — мастера «золотые руки». В восемнадцать лет его женили на Домне из рода Дымковых, людей спокойных, серьёзных и трудолюбивых. Однако, женившись, Егор забросил инструмент и вплотную занялся землёй, хотя в ней плохо разбирался и был крайне непрактичным в этом вопросе. Очевидно, Егор Иванович, как и его односельчане, считал, что ремесло — занятие для хлебороба недостойное. И если бы не совместное с родителями проживание и советы матери, то Егор Иванович быстро бы прогорел и оставил семью без куска хлеба.

Прошли годы. Многое изменилось в семье Пономарёвых. Женился брат Егора Ивановича — Митрофан, и ему построили

хороший дом рядом с родительским. Отделили Алексея, построив ему небольшой домик ближе к реке. Сестры подросли, заневестились и разбежались замуж. У самого Егора Ивановича народилось три сына и четыре дочки. Когда самая старшая из детей, Вера, вышла замуж и уехала с мужем в Воронеж, второму ребёнку, Сергею, исполнилось восемнадцать лет. Пришло время задуматься о его судьбе. Женитьба братьев, постройка им домов, выделение имущества и скота отрицательно сказалось на благополучии семьи и лишило Егора Ивановича сна и покоя. Он плохо спал, порой терял аппетит, осунулся, все валилось из рук. Мать, конечно, прекрасно видела муки сына, но в отличие от него держалась с достоинством и не высказывала своего беспокойства. По-прежнему была деятельна, шустра и весела. Отец в расчет не брался, он был хорошим работником, но не стратегом. За последнее время, к тому же, сильно сдал и больше отлеживался на печке. Выбрав момент, когда в доме никого не было, мать позвала сына в избу, усадила за стол и повела разговор:

— Вот смотрю я на тебя, Егорка, и не узнаю! Совсем ты раскис, распустил нюни, все забросил и сам на себя не похож. Правда, ты и раньше звёзд с неба не хватал, но тогда с тобой рядом был здоровый отец, братья, сыновья и ты ходил героем, делая умный вид, хотя умом никогда не отличался. А теперь помощи со стороны нет, и ты раскис, опустил руки, совсем растерялся! А растерялся, скажу я тебе, потому, что не знаешь, что тебе делать. Ты всегда считал себя пупом земли и не замечал, что за тебя думала я, думал отец, братья, а теперь, когда ты остался один, ударился в панику и ходишь как неприкаянный. Думать, Егорка, думать нужно! Земли у нас хватает, скотины достаточно, есть весь инвентарь, хозяйственные постройки, а будет мало, сделаешь еще своими руками, ведь они у тебя из нужного места растут! Да что там говорить! Будешь теперь делать то, что я тебе скажу, а то от тебя самого толку, как с козла молока. Слушай меня! Завтра, чуть свет, запряжешь молодую кобылу в дрожки и поедешь в Усмань. Найдешь управляющего табачной фабрикой и договоришься с ним о поставках табака, цене и сроках. Оговори обязательно объем поставок и чем больше, тем лучше. Все условия напишешь на бумаге, а управляющий пусть подпишет и поставит печать. Тебе все понятно?

Егор Иванович застыл, глядя на мать, и долго молчал, двигая вверх — вниз головой, словно услышал какую-то несуразицу и, наконец, произнес:

— А где мы возьмем столько табака?

— Ничего ты, баран, не понял! Пора тебе, Егорка, не только

слушать недалекого своего братца Митрошку, но иногда читать газеты. Ведь, слава богу, мы получаем «Ведомости». В газете, Егор, все чаще и чаще пишут о войне, а раз начали поговаривать о ней, значит, она обязательно будет. Солдатам на войну потребуется махорка, а поэтому наверняка будут военные заказы и табак начнут закупать. А много его сеют в селе? Мало. Разве что несколько грядок для себя!

— А разве солдатам не будет нужен хлеб?

— Нужен, но в России сейчас столько хлеба, что его хватит на три года вперед. Причем, в первую очередь, будут брать у крупных поставщиков, а у таких, как мы, все скупят спекулянты за гроши. Поэтому нужно выращивать то, чем пока не занялись ни помещики, ни крестьяне. Я понимаю, что для выращивания табака требуется много рабочих рук, одна прополка чего стоит, но таких рук на селе в избытке. Вот у тебя три девки, которые обиходят не одну десятину. А если их подружек, да еще других девчат пригласить и пообещать им всем денег на приданое? Вот тебе и рабочая сила! Хлеба сей столько, чтобы хватило только на еду, да на корм скотине, а всю остальную землю засей табаком. Махорка — это деньги и деньги немалые, не чета хлебу. Все! Иди и готовься в дорогу!

Егор Иванович приехал через три дня, приехал довольный и веселый. Рассказал, что его встретили на фабрике хорошо, даже угостили чаем с пряниками. Он показал матери договор и отдал ей двести рублей задатку, который ему вручили на фабрике. Ещё сказал, что сначала предложили в качестве задатка золотые червонцы, но он отказался, боясь обмана. Тут мать обозвала его дураком и предупредила, что впредь все расчеты будет вести с купцами лично. На фабрике, рассказывал дальше Егор, он встретил Шурку Черноусову из Подклетного, с которой ему приходилось встречаться и раньше. Она сейчас живет вдвоём с мужем в небольшом домике, земли не имеет и, кроме лошади, другой скотины у них нет. Люди они бездетные, занимаются скупкой в окрестных селах табака для Усманских и Елецких купцов. На фабрике ему сказали, чтобы он время не тратил и в Усмань табак сам не возил, а сдавал Шурке, которая будет с ним рассчитываться. Внимательно выслушав рассказ Егора Ивановича о поездке в Усмань, мать завела разговор на другую тему, которая давно её беспокоила. Разговор пошел о запланированной в этом году женитьбе Сергея, старшего сына Егора Ивановича. Тому пришла пора жениться, да и руки невестки в семье были бы не лишними. Но мать повернула по — своему:

— Ты, Егорка, отложи свадьбу Сергея на год! Он — не девка, ничего с ним не случится. Вот соберём урожай, продадим табачок

и часть скотины, по — человечески оденем и обуем его, а потом справим свадьбу, да такую, чтобы не стыдно было перед людьми. А сейчас нам трудно будет справиться. Сам знаешь, что построили твоим братьям дома, отдали замуж сестер, отец вон стал немощным и помощи от него никакой, а поэтому со свадьбой мы залезем в кабалу и лишимся последнего хлеба вместе со скотиной. Давай подождём до следующей осени!

И мать оказалась права. Год выдался удачным. Собрали богатый урожай колосовых, овощей и даже яблок, но особенно порадовал табак, который вырос высоким, лопушистым, на диво душистым. Но насколько мудрой и прозорливой оказалась мать, заставив его заняться махоркой, Егор Иванович понял только тогда, когда получил сполна все деньги за свой товар.

Невеста Сергея, Полина, не дождавшись сватовства, вышла замуж, и Сергей остался свободным. Он возмужал, налился силой, расцвел. Был он красив, статен, роста выше среднего, с покатыми плечами, пышной волнистой русой шевелюрой на голове. Если учесть, что Пономарёвы пользовались в селе большим авторитетом, то Сергей считался завидным женихом. Уже неоднократно мужики, имевшие дочерей на выданье, заговаривали с Егором Ивановичем, намекая ему о женитьбе сына, о желании породниться с ним. Но он уходил от ответа или переводил разговор на другую тему. В конце концов, люди решили, что Егор Иванович просто-напросто зазнался и копается в невестах, набивая себе цену. Но ни те, ни другие не догадывались об истинной причине нежелания говорить про свадьбу сына. У Егора Ивановича была другая задумка. Шурка Черноусова уже давно мечтала отдать свою родную племянницу замуж и с завидной настойчивостью обрабатывала Егора Ивановича. Её доводы в пользу такого союза выглядели довольно убедительными. Она говорила, что племянница выросла в бедной семье, не знает радости и ласки. Ее отец, Сергей Кирсанович, человек грубый, пьяница, бабник и драчун. Домашними делами не занимается, свалил все заботы по хозяйству на своего отца. Всё содержание племянницы тетка взяла на себя. Она одевает и обувает её, готовит ей приданое. Главное, уговаривала Шурка Егора Ивановича, заключается в том, что выросшая в нищете и грубости, она, попав в семью Пономарёвых, будет век молиться на своих благодетелей.

Народная мудрость гласит: «Если хочешь иметь ласковую и рачительную хозяйку — не женись на бедной», но Егор Иванович никому, даже сыну, не открыв своей тайны, дал опрометчивое согласие на брак сына с племянницей Шурки. Наконец, собравшись с духом, Егор Иванович признался в этом своей

матери. Выбор своего сына она не одобрила, рассудив, что соседи даже корову не дадут продать на сторону, если она дает много молока, а тут девку с богатым приданым, в другое село решили отправить. Егор Иванович возражал, говоря, что многие хотели бы заполучить её к себе в дом, но тетка подыскивает ей ровню. Тетка бездетная, богатая и всё свое богатство завещает ей. К тому же, породнившись, Шурка поможет выгодно продавать нам махорку и дальше, а значит, легко можно будет поженить остальных ребят и отдать замуж дочерей. Мать сначала упорствовала, а потом махнула на всё рукой. Делай мол, как знаешь! Только спросила, видел ли он сам будущую невестку? Егор Иванович сказал, что видел и не раз. Зовут её Дарьей, девка из себя видная, рослая, крепкая, с хорошей фигурой и на мордашку красивая.

Устранив со стороны матери препятствия, Егор Иванович с жаром принялся готовиться к свадьбе. Жену свою он не принимал во внимание. Домна, безголосое существо, в последнее время стала частенько прихварывать и в дела мужа не вмешивалась. Да с её мнением он никогда и не считался. Поэтому Егор Иванович решил не откладывать дело в долгий ящик и стал готовиться к поездке на смотрины невесты. Выкатил из-под навеса тарантас, кое-что поправил, покрыл лаком, достал парадную сбрую, проверил и смазал жиром. Тщательно вычистил лошадей, заплел косички в гривах, положил в тарантас шерстяной полог и тщательно смазал дегтем оси.

В престольный праздник, на осеннюю Казанскую, он на тройке горячих коней выехал из ворот и остановился возле крыльца. Только хотел слезть, войти в дом и перед поездкой поговорить с матерью, как она сама вышла из дверей вместе с Сергеем и заявила, что тоже решила ехать к сватам. Одета мать была по — городскому. Егор Иванович давно не видел её такой нарядной, красивой и в первый момент даже не узнал, раскрыв рот от неожиданности и удивления. Пропустив Сергея вперед, она без посторонней помощи уселась в тарантас и приказала ехать. Лошади рванули с места и вынесли ездоков к церкви, где мать неожиданно попросила остановить тройку.

— Ты, Егорка, прихватил с собой магарыч?

— Пока нет! Что, долго заехать и купить?

— А с чем ты думал явиться к сватам? До чего же тупой ты у меня, а ведь не молодой уже. Ладно, поехали в «монополку».

Возле торговой лавки Егор остановил лошадей. Мать, развернув завязанный на узелок носовой платочек, протянула сыну деньги и сказала, чтобы он купил четверть «казенки», пряников, конфет и лент для девочек, да только все хорошее и дорогое. Когда он принес купленное, и все было уложено в

тарантас, она предложила прихватить кого-нибудь в качестве свидетелей. Выбор пал на Ивана Ивановича Лавлинского, по прозвищу — Хохол.

Мужика совсем молодого, но серьезного, грамотного, всегда аккуратно одетого. И еще на разбитную бабёнку, Прасковью Жиркову, бойкую на язык, голосистую песенницу и неутомимую плясунью.

По случаю престольного праздника свидетели были одеты в лучшие свои платья и слегка навеселе. Они сразу согласились на предложение Пономарёвых и тут же уселись в тарантас. Хохол влез на облучок, отобрал у Егора Ивановича вожжи, сказав, что никому не доверяет править лошадьми. Сергей за всё время не проронил ни одного слова, словно вся эта кутерьма была затеяна не ради него, а ради кого-то другого. Его мысли были заняты не происходящей вокруг него суетой, а воспоминаниями, как они, вдвоем с Полиной, теплыми ночами вдыхали дурманящий запах цветущих садов. А что ждёт его теперь? Кто она такая, выбранная отцом ему в жёны? Хороша ли собой? Красивая и ласковая, как Полина, или придется всю жизнь мучиться с нелюбимой женой?

— Ты чего, жених, нос повесил? — озорно спросила Прасковья. — Мы же не на похороны едем, а свататься. Аль раздумал жениться?

— Ты, Прасковья, перестань зубоскалить, и знай, что мы едем не свататься, а на смотрины и помните, чтобы никто даже не намекал на свадьбу. Мы только посмотреть невесту и всё! — взял инициативу в свои руки Хохол.

Прасковья обиделась и сжала губы, а Хохол причмокнул и лошади пошли рысью, оставив позади церковь, последние хатёнки и вынесли ездоков в Сомовский лес.

В тот год стояла на диво долгая и сухая осень. Поблекли поля, в лесах пылали золотом листья, пышно рдела рябина. Осеннее солнце пронизывало прозрачный воздух. Оно уже не жгло, а только блестело и сверкало ослепительным, холодным светом. Небо — бледно-голубое, высокое, безоблачное. Ясно и сухо. Прохладный и неподвижный воздух полон какой-то крепкой свежестью и тем особенным запахом, который присущ умирающей природе. Все тихо и беззвучно. Не щебечут птицы. Пустынные, голые нивы уходят во все стороны горизонта. И только изредка однообразный вид этих просторов оживляется яркой полосой веселых озимых.

Вот в такую пригожую пору и ехали Пономарёвы на смотрины. По гладкой, точно отполированной дороге, мчалась тройка, оставляя позади себя немеренные версты. Остался вдалеке лес, проскочили Семилуки и выехали на мост через Дон.

И вот потянулись невзрачные домики в два порядка. В Подклетном престольным праздником тоже была Казанская. Встречались изрядно выпившие мужики. Девчата, в нарядных кофтах, отплясывали «матаню» под ухабистые звуки гармошки. Ребята дурачились, втискиваясь в хоровод девчат, старались прижать к себе одну из них или ущипнуть за мягкое место. Но стоило Хохлу остановить шикарную тройку, как замолкла гармошка, и весь хоровод поспешил к дому Черноусовых. Домик являл собой жалкое зрелище. Был он каменный, в два подслеповатых оконца, крытый камышом. Крыльца не было — его заменял плоский дикий камень. Ворота покосились и каким-то чудом держались на вереях. Вся семья Черноусовых высыпала на улицу, встречая дорогих гостей. Дед Кирсан, в чистой холщевой рубахе и в таких же портах, стоял впереди своего семейства с открытой белой головой и такой же белой бородой, подстриженной лопатой. Отец невесты был явно навеселе, голова его тоже была открытой и лоснилась обширной лысиной. Её мать, тщедушная, небольшого роста женщина, с землистым лицом, явно была больна. Тут же стояла тётка невесты с мужем и два подростка, семи и пятнадцати лет.

Как только лошади остановились, гости вышли из тарантаса, и подошли к встречающим. Поздоровались. Прасковья наделила пряниками и конфетами подростков и женщин, а дед Кирсан, с поклоном, пригласил приехавших в дом. Хохол, с трудом открыв ворота, завел тройку во двор, распряг и привязал лошадей к тарантасу, подбросив им сена. Когда он, управившись с лошадьми, вошел в жилище, то застал всех рассевшимися на лавках и скамейках по обе стороны, стоящего в центре комнаты стола. На столе в тарелках и глиняных чашках был разложен хлеб, нарезанное большими кусками мясо, холодец, яичница, солёные огурцы, квашеная капуста и другие незамысловатые кушанья. Кроме семьи Черноусовых, здесь было несколько близких родственников обоего пола, а через маленькие окна смутно проглядывались лица любопытных односельчан. Хохол выставил на тщательно выскобленный стол четверть «казёнки», предусмотрительно купленной в лавке, и предложил всем налить. Когда стаканы наполнились влагой, бабушка Вера попросила показать им ту, ради которой они ехали в такую даль. Тётка невесты из-за печи за руку вывела девушку, каким-то образом спрятанную в закутке, где и таракану негде было спрятаться. Невеста выглядела эффектно. Одета она была модно, в длинной чёрной юбке и беленькой кофточке в мелкий горошек. Рослая, ладная, хорошо одетая, она выглядела привлекательно. Её лицо, румяное от волнения, выдавало явное смущение и волнение, что

ещё больше усиливало привлекательность. Семнадцатилетняя девушка была обворожительна. Бабушке Вере невеста понравилась. Она встала, подошла к внуку, взяла его за руку и подвела к суженой. Это была достойная друг друга пара. Полные свежей силы и молодой красоты, они дышали здоровьем и блаженством. Сергей чувствовал себя не в своей тарелке, хотя и не подавал виду, но внешне был спокоен и невозмутим. Чтобы выручить смутившегося жениха, Хохол весело и с вызовом сказал, что пора выпить за знакомство, а то от разговоров в горле пересохло. Взял стакан, поднял его и произнес:

— Я поднимаю стакан за молодых! За то, чтобы их жизнь была такой же чистой, как эта водка, а семья такой же крепкой!

Он залпом осушил стакан, поднял его выше головы и со всего маху бросил на пол. Было бы правильней, если бы этот тост произнес человек постарше и из числа родственников невесты, но собравшиеся дружно выпили и потянулись к столу за закуской. Пили за счастье, за здоровье молодых. Постепенно развязались языки. Мужики вспоминали свою молодость, свою женитьбу, хвалились урожаем. Говорили все разом и не обращали внимания, слушают их или нет. Бабы перемывали косточки молодым и сватам. Отец невесты, порядочно захмелевший, поднял очередной стакан и заплетающимся языком громко сказал:

— Я всех вас приглашаю на свадьбу моей дочери. Закачу такую свадьбу, что чертям будет тошно!

— А когда, Серёга, свадьбу будешь справлять? — поинтересовался у него шуряк, Петька Кадетов.

— Когда говоришь? А чего тянуть лыко, если всё готово. Вот возьмем, да и справим на Михайлов день!

— Ты бы меньше пил, а лучше думал своей лысой головой, на какие шиши будешь справлять эту свадьбу, — урезонил его дед Кирсан, услыхав похвальбу сына.

— А чего тут думать, если у неё есть богатая тётка. Правда, Сашка? — хорошился отец, стараясь быть весёлым.

Тётка промолчала и отвернулась, а Кирсан заметил:

— На чужой каравай, рта не разевай! Мы не богатые, но побираться не будем и свадьбу справим сами, но её придется отложить до весны. К этому моменту соберёмся с силами, да и скотина даст приплод. Как думаешь, сваха?

— Ну что ж, мы согласны! — ответила бабушка Вера и поглядела на сына. Егор Иванович согласно кивнул.

— Между прочим, мы в прошлом году тоже перенесли свадьбу на год, а невеста взяла и вышла замуж за другого, — многозначительно заметила бабушка Вера. Все сидевшие в доме

переглянулись и промолчали.

— Одним словом, весной, на пасху, мы присылаем сватов и тогда обо всём договоримся, а теперь разрешите откланяться и поблагодарить хозяев!

Тройка уже стояла у дверей дома, окружённая толпой деревенских зевак. Казалось, что провожать Пономарёвых вышло все село, очарованное шикарным выездом.

Свадьбу справили весной, как и договаривались, на Красную горку. Это было сделано по настоянию бабушки Веры, которая объяснила своим, что раньше играть свадьбу нельзя, так как к пасхе все жители села, даже самые бедные, зарежут последнюю овцу или последнего поросёнка, но праздник отметят, как положено. А вот когда люди съедят всё припасённое и выпьют всё до капли, тогда мы и пригласим всех желающих. Чуть ли не целую святую неделю жарили, парили, варили и готовили целыми возами еду. Было приглашено более десятка соседских баб, которые под присмотром бабушки Веры готовили диковинные для села кушанья, сами того не понимая, что они готовили и как это называется. Черноусовы настаивали, чтобы свадьбу сыграли в двух селах, но бабушка убедила их в том, чтобы свадьба состоялась один раз в доме Пономарёвых, который и более вместительный и более подходящий для большого количества гостей. Она говорила, что в этом случае будет меньше расхода, а Черноусовы пусть приглашают сюда всех, кого сочтут нужным. Логичный довод с ее стороны сыграл не последнюю роль, и выбор места проведения свадьбы состоялся. Бабушка Вера, настаивая на своём предложении, руководствовалась ещё и тем, что не хотела показывать родственникам бедность и нищету семьи невесты. Венчали молодых в местной церкви, и Егор Иванович с паперти обратился к своим односельчанам с приглашением прийти на свадьбу. Для самых близких и родных накрыли в большой и малой избе, а для соседей и знакомых установили столы во дворе и даже на улице. Целую неделю гуляло село. Самогон лился рекой, столы ломились от еды. Надолго люди запомнили небывалую по размаху свадьбу.

Пришло и похмелье. Свекровь болела и была никудышной помощницей молодой невестке. Бабушка Вера тоже давно отошла от домашних дел, а золовки были еще малы. И пришлось молодке, с первых дней замужества, засучить рукава и взвалить на свои плечи груз забот по дому. Егор Иванович жалел её, старался по возможности позволить подольше поспать, освободил от ухода за скотиной, обязав заниматься ею своих малолетних дочерей и сыновей. Единственными помощниками были

пятнадцатилетний деверь Никита и тринадцатилетняя золовка Мария. Сергей тоже жалел молодую жену, особенно когда узнал, что Дарья забеременела. Он рубил и носил дрова, выносил помои, не разрешал поднимать большие чугуны, оберегая её. Лелеял и не чаял в ней души. Дарья, в свою очередь, старалась угодить мужу и особенно свёкру. Никто не вмешивался в её жизнь и домашние хлопоты, чем помогали чувствовать себя вполне самостоятельной. Бабушка Вера всё время проводила в малой избе, а свекровь не могла на неё намолиться и была рада, что, наконец- то в доме, появилась настоящая хозяйка.

Но недолго длилось семейное счастье. Началась война. Сергея мобилизовали на покров. Отец и беременная жена отвезли его в Воронеж, дождались, когда призванных погрузили на Курском вокзале в вагоны, и отправились домой. Дарья была так расстроена, что проезжая мимо родного дома, отказалась даже проведать родных.

Сильно переживал разлуку с женой и Сергей. Он замкнулся, сник и почти ни с кем не разговаривал, хотя в этот раз из села было призвано в армию сто человек. Хохол, которого забрали в армию вместе с Сергеем, понимал состояние своего друга и не навязывал ему своего мнения, не утешал. Все его участие сводилось к ходьбе за едой на кухню. Поезд с мобилизованными шел ходко, почти без остановок, и на исходе недели они были уже в Киеве. Правда, до самого Киева немного не довезли, высадили в Дарнице. На окраине пригорода, на берегу Днепра, в один ряд выстроились приземистые бревенчатые казармы, окруженные высоким забором. Перед казармами раскинулся обширный плац, кое-где изрезанный учебными траншеями и окопами. После завтрака всех повели в крайнюю казарму, где размещался лазарет и приказали ждать вызова, никуда не отлучаться и не ходить по полю. Через несколько минут, из лазарета вышел фельдфебель, построил в две шеренги новобранцев и представился странной фамилией Гусак. Был он приземист, с широкими плечами, на которых, почти без шеи, покоилась массивная голова с широким лицом и обвисшими усами на нем. Он призвал к тишине и стал громко выкликивать фамилии. Названные мужики отзывались, выходили из строя, показывались фельдфебелю и становились назад на свое место. Но тут вышла заминка. Когда назвали фамилию Дмитрия Попова, никто не откликнулся. Фельдфебель повысил голос и вновь назвал фамилию, но и на этот раз никто не отозвался.

— Он что, сбежал что ли?

— Да нет, господин начальник, он просто забыл свою фамилию, — отозвался Хохол.

— Как это забыл?

— Дело в том, что у нас в селе величают не по фамилиям, а по уличным кличкам и люди начисто свои фамилии забывают. Митькина кличка Демидов, по имени деда, а что его настоящая фамилия Попов он и не знает.

— Так, где этот Попов-Демидов?

— Вот он, в целости и сохранности, — ответил Хохол и толкнул в спину, стоящего впереди Митьку.

Фельдфебель назвал двадцать человек, приказал построиться отдельно, пересчитал и повел в лазарет. Там их взвесили, померили рост, объем груди, взглянули на зубы, оглядели кожу и разрешили выходить. После медицинского осмотра всех повели строем в баню. Помыли, одели в солдатскую одежду, тщательно подгоняя её под пристальными взглядами многоопытных унтер-офицеров. После помывки тоже не обошлось без приключений. Некоторые сердобольные родители, провожая сыновей в солдаты, собрали несчастным чадам в дорогу какие — то деньжонки. А чтобы рубли не потерялись, и тем более их не украли, догадливые мамы или жёны постарались зашить деньги в самые укромные места одежды. Новоиспеченные солдатики не знали, что оставляя в предбаннике свою одежду, уже больше никогда её не увидят, а значит, плакали их рублики горькими слезами. Вернее, они сгорели синим пламенем, так как санитарный врач приказал сжечь всю рвань, в которую были одеты новобранцы. Многие, не стесняясь, плакали по сгоревшим в огне сбережениям. В последующие дни всех их по рекомендации врачей и на усмотрение командиров распределили по командам. Более грамотных и крепких мужиков определили в артиллерию и пулемётные команды, малограмотных и безграмотных — в стрелковые части. Потом, уже в составе своих подразделений, призывников познакомили с распорядком дня, заставили изучать воинские уставы, научили различать знаки отличия командного состава, их звания и должности. Если учесть, что вся эта наука большинству солдат давалась с большим трудом, то можно себе представить, сколько сил, терпения и нервов потребовалось со стороны их непосредственных начальников, от которых требовали скорейшего обучения этой массы, одетой в серые шинели.

Сергей попал в пулемётную команду, где солдат обучал унтер-офицер Колбасюк, из хохлов. Человек грамотный и хорошо знавший свое дело. Он строго спрашивал со своих подчиненных за все огрехи, но был справедлив, честен и великодушен, что редко бывает среди военных. Сергей был грамотней и более развит по сравнению со своими сослуживцами, что Колбасюк отметил с первых дней обучения. А обучение набирало силу.

Новобранцы ежедневно занимались строевой подготовкой, изучали устройство пулемёта, его разборку и сборку, сначала произвольно, а потом и на скорость. Проходили тактику пулемётного боя и частенько совершали марш-броски в полной боевой выкладке. Сергей, назначенный первым номером, нес на плече тело пулемёта, а его второй номер, богатырь Николай Гусев, тащил на спине станок и коробки с пулемётными лентами. Учили их обращению с винтовкой, её материальной частью и стрельбе на меткость. Прошло время, люди втянулись в службу, основательно освоили материальную часть оружия и все чаще и чаще ходили на стрельбище. Одним словом — готовились к войне основательно. Мужики всё реже вспоминали село и родных, а в последнее время стали поговаривать о фронте. Многим надоела муштра, и хотелось скорее попасть на передовую, где, как им казалось, будет проще и свободнее. Тем более, что там велась какая-то окопная война без громких побед и поражений. Через три месяца, в феврале, всех выстроили на плацу. Приехало большое начальство. Их поздравили с успешным окончанием учебы, пожелали скорейшей победы над неприятелем и возвращения к своим родным в целости и полном здравии. В Киеве, на пересыльном пункте вооружили, выдали сухие пайки на дорогу и эшелоном отправили в район города Дубно.

В окопах было сыро и неудобно, но не давила муштра и расписанный по минутам распорядок дня. Бои были вялыми, позиционными. Не было ни наступления, ни отступления, но вскоре идиллия закончилась. Пока русские блаженствовали, вооруженные силы противника использовали момент, и перешли в наступление. Удар был настолько сильным и внезапным, что стабильный и непоколебимый фронт в один миг рухнул и рассыпался как карточный домик. Началась паника. Войска бросали всё, что нельзя было унести с собой, думая лишь о том, как спасти свою жизнь. Самоуспокоенность и кажущееся благополучие сыграло с русскими плохую шутку. Штабные работники растерялись, и не только не пытались навести какой-нибудь порядок в войсках, но даже не знали каким образом спастись самим. Сергей со своим пулемётом занимал в это время позицию на подступах к штабу полка. У него был основательно оборудованный окоп с большим наличием боеприпасов, включая даже гранаты, что было в русской армии редкостью. Когда рано утром Сергей не спал, а медленно прогуливался по брустверу, вдыхая терпкий запах разнотравья и распустившихся цветов. В это время австрийцы начали обстрел русских из орудий. Неприятель, очевидно, знал расположение наших войск и поэтому снаряды стали ложиться все ближе и ближе к штабу. Было ясно, что

противник хочет его накрыть, вывести из строя и тем самым нарушить управление войсками. Не надо было быть опытным тактиком, чтобы понять, что за обстрелом последует атака кавалерии и пехоты. Сергей, прыгнув на дно окопа к разбуженному грохотом Николаю, успел увидеть, как офицеры выбегали и забегали в штаб, на ходу застегивали обмундирование, натягивали на ноги сапоги, что-то кричали, махали руками, ругались. Приставленные к штабу солдаты выносили какие-то коробки и мешки, укладывали в повозки. Ездоки ловили обезумевших лошадей и с трудом их запрягали. В это время, из штабного домика вышел полковник Заенковский. Высокий, стройный, элегантный, в хорошо сидящей на его ладной фигуре военной одежде. Он огляделся вокруг и неторопливо, словно на прогулке, направился к окопу пулемётчиков, не обращая никакого внимания на близкие разрывы снарядов. Подойдя к окопу, он присел с краю на корточки и спокойно спросил сидевшего внизу Сергея:

— Скажи-ка, братец, как тебя зовут?

— Серёга, ваше благородие! — вытянулся в окопе по стойке смирно Сергей.

— А фамилия?

— Пономарёв!

— Вот что, солдат Пономарёв, хочу тебя попросить задержать австрияков хотя бы на полчаса. Трудно будет это сделать, но надо. Хочу сказать, что ни справа, ни слева от тебя никого нет. Я дал команду отступать. Австрияки сейчас бросят стрелять из пушек и пустят в наступление пехоту, чтобы захватить штаб. Твоя задача задержать противника насколько будет возможно. Только ты один сможешь это сделать. Все понятно, солдат Пономарёв?

— Будет сделано, ваше благородие!

— Да ты не тянись, а то снесут башку, и некому будет встречать австрияков!

— А как же вы, ваше высокоблагородие, не боитесь ходить под снарядами?

— Я, Пономарёв, заговорен от пуль, а ты нет, поэтому береги себя. Постарайся и задержи противника хотя бы на полчаса, не меньше. Да, вот что, у тебя нет часов, а поэтому возьми мои.

Полковник достал из кармашка серебряные часы на цепочке и протянул их Сергею.

— Вот здесь нажмешь на кнопку, и крышка откроется. Ты умеешь отсчитывать время?

— Уметь — то я умею, но зря вы, ведь часы дорогие и жалко будет, если они достанутся врагу.

— Нет, это ты зря! Когда вы догоните нас, часы назад и

вернешь. Ну, храни вас господь!

Полковник перекрестил их, легко встал и также неторопливо пошел к штабу. Через минуту штабные повозки исчезли, а Сергей и Николай остались один на один с вражеской армией. Только успел стихнуть скрип колес и топот лошадиных ног, как в штабной домик влетели два снаряда и разнесли его в щепки.

— Плохие австрияки стрелки, если на один дом потратили столько снарядов, — наконец проговорил Николай, молчавший все это время. — А полковник и в правду заговоренный, если вовремя убрался отсюда.

Австрийцы, разбив штабной домик, очевидно, посчитали, что дело свое сделали и прекратили обстрел.

— Ну, Николай, теперь жди гостей. Из окопа не высовывайся и береги голову. Слышишь? Не высовывайся!

В это время вдалеке, на пригорке, показались цепи противника, идущие во весь рост.

— Серёга, давай! Полосни их, уж очень нахально идут, — почему — то шепотом сказал Николай.

— Рано, Николай! Наше спасение в неожиданности. Они, наверное, думают, что здесь уже никого нет, так как наверняка видели отход нашего штаба. Кстати, полковник говорил о наступлении, а мне кажется, что они просто идут, не ожидая отпора. Так уверены, что даже винтовки за спиной несут. Но ничего, мы вам покажем, где раки зимуют!

— Серёга, пора, уж больно они шибко шагают!

— Нет, Коля! Стоит нам начать стрельбу, как они залягут, а нас с тобой раздолбают из пушек. А вот когда мы положим их недалеко от нашего окопа, стрелять из орудий не станут, побоятся своих накрыть.

Австрийцы шли прямо на окоп и подходили все ближе и ближе. Уже виднелись знаки различия, выражение лиц и даже горящие сигареты офицеров.

— Серёга, давай!

— Подожди, не время.

Когда первая цепь подошла к окопу шагов на сто, Сергей нажал гашетку. Было видно, что в первый миг наступающие ничего не поняли и остановились, озираясь по сторонам. Воспользовавшись замешательством в рядах неприятеля, Сергей длинными очередями безжалостно косил живую массу опешивших людей. Когда те опомнились, увидав убитых товарищей, сразу же залегли, открыв из винтовок беспорядочный огонь. Сергей перестал стрелять и стал ждать дальнейших событий. Если бы офицеры австрийцев знали, что перед ними было только двое солдат с одним пулемётом, то они послали бы

пару отделений с задачей обойти пулемётчиков с двух сторон и взять их в плен. Но говорят, что у страха глаза велики и командиры посчитали, что перед ними хорошо продуманная ловушка русских, устроенная с целью заманить в нее австрийских солдат. Поэтому решили не искать приключений на флангах, а ударить русским в лоб. Офицеры подняли своих солдат в атаку. В умелых руках Сергея пулемёт работал, как часы, сея смерть и страх в рядах противника. Они вновь залегли, и принялись бешено обстреливать пулемётчиков из винтовок. Сергей перестал стрелять, спрятался на дно окопа и, прикрыв голову ладонями, слушал свист пуль над укрытием. Противник в третий раз поднялся в атаку, но тут же вынужден был залечь, так как пулемёт заработал вновь. Наконец до командиров дошло, что перед ними хорошо оборудованная огневая точка, укрепленная и приспособленная к длительной осаде, ибо три раза захлебывались атаки, а пулемёт продолжал жить и без устали бил по наступающим. Осаду решили снять, перегруппировать ряды и попробовать пробиться в других местах. К радости Сергея и Николая, австрийцы стали отходить. Когда вдали, за пригорком, исчез последний вражеский солдат, Сергей сказал:

— Ну, Николай, теперь ноги в руки и ходу отсюда, ибо сейчас за нас возьмутся артиллеристы!

Николай покатил пулемет, Сергей подхватил неиспользованные коробки с лентами и они бегом бросились за разрушенный домик. Шагах в сорока от бывшего штаба, начинался довольно глубокий овраг, кое-где заросший невысоким кустарником. Не успели они спуститься на дно оврага, как земля дрогнула и раздались частые разрывы снарядов там, где еще недавно был их окоп. Бежали изо всех сил, с каждым шагом удаляясь от страшного места. Спешить заставляло и опасение, что австрийцы, не обнаружив их убитыми, кинутся догонять. То бегом, то шагом передвигались они целый день, таща на себе пулемёт и коробки с патронами. Остановились только раз, для того, что бы разъединить остывший ствол пулемёта со станиной. Овраг давно кончился, и пулемётчики продолжали свой путь в реденьком осиновом лесочке вперемешку с березками. Только на заходе солнца они решились остановиться отдохнуть. Перекусили остатками пайка и тут почувствовали, что смертельно устали. Сергей сказал Николаю, чтоб тот ложился спать, а сам будет дежурить и через два часа они поменяются местами. Достал часы и нажал на кнопку. Крышка открылась. После негромкой мелодии пробило одиннадцать часов. Николай прилег на траву и тут же захрапел. Прошло два часа, но Сергей не стал его будить, дав поспать еще один час. Когда подошла очередь дежурить Николаю,

Сергей приказал разбудить его, как только начнет сереть небо.

Проснулся Сергей сам, когда над горизонтом уже показался край солнца. Рядом спал Николай, причмокивая во сне, как ребёнок. Он разбудил его, но ругать не стал, пожалев благодушного богатыря. Позавтракав на скорую руку остатками пайка, они тронулись в путь. Сначала шли таким же малорослым лесом, а потом кончился и он, но зато они вышли на дорогу. Дорога была хорошо накатана, и было видно, что по ней прошло множество подвод. Но чьи это следы? Русские или австрийские? Неужели, пока они спали, противник сумел так далеко прошагать по нашей земле? Здравый смысл подсказывал, что не может такого быть, чтобы наши войска без боя оставили свои позиции. Но тогда почему они второй день не слышат ни пушечной, ни ружейной стрельбы? По обочинам дороги кое-где валялись сломанные телеги, трупы лошадей, какое — то барахло, но нигде не было видно убитых. И все же уверенность в том, что здесь недавно прошли именно наши части придавало то, что все валявшееся у дороги было русским, а не австрийским.

Наконец, впереди показался небольшой хутор с белёными мазанками в окружении высоких тополей. Они нашли небольшую лощину, спрятались и стали наблюдать за домиками. Внешне на хуторе не было видно ничего такого, чтобы указывало на присутствие там военных. Наконец, из хаты вышла женщина, достала из колодца ведро воды и понесла его в сарай. Её спокойное поведение придало им смелости, и они уверенно направились к хутору. Встретила их пожилая хохлушка, хотя и неприветливо, но и без видимой вражды. Она кивком головы ответила на приветствие и, не сказав ни слова, ушла в хату. Вскоре к ним вышел пожилой мужчина в белом холщевом одеянии, с белым оселедцем на массивной голове и длинными обвисшими усами. Он пожал им руки, пригласил за сбитый из досок стол, стоявший под вишней, присел и сам. Он не стал спрашивать, кто они и откуда. Очевидно, они были не первыми и не последними, идущими с передовой.

— Вы, хлопчики, отдохните малость, а потом вас хозяйка угостит борщом. Небось проголодались? — сказал дед обыденным голосом, словно встретил хорошо знакомых людей.

— Да мы не голодные, — ответил, стесняясь, Сергей, — а вот попить водички не мешало бы. С вчерашнего дня росинки во рту не было. Дед, молча, поднялся, подошел к колодцу, достал ведро воды и пригласил их напиться. Вода оказалась холодной и вкусной. Они напились и попросили дать им, какую-нибудь посудину, в чем можно было умыться и помыть ноги. Дед принес из хаты деревянную шайку, поставил на скамейку и налил в нее

воды. Они сняли гимнастёрки, обмылись и прилегли на землю под вишнями. Когда хозяйка принесла чугунок с борщом, измученные солдатики уже спали крепким здоровым сном.

Проснулись за полдень. Встали отдохнувшими и свежими. Хозяйка разогрела наваристый борщ, накормила, и они стали собираться в дорогу.

— А скажи, добрый человек, проходили ли здесь наши войска? — спросил Сергей деда.

— Как не проходили, проходили!

— И давно?

— Та — а, прошли вчера, очень спешили. После приезжал ко мне кум, так он рассказал, что они остановились в Терновке.

— А далеко от вас эта Терновка?

— Не — е, недалеко, вёрст эдак десять. Село большое, там есть и церковь, куда мы ходим молиться. Да мы и сами из Терновки, но когда разрешили выходить на отруба, мы и переселились сюда, на хутор.

Они попрощались с хозяевами, поблагодарили их за хлеб и соль, пожелав счастья и здоровья.

— Та — а, чего там! Ведь мой сын и два внука тоже где-то мыкают нужду на войне. Может, встретите их где-нибудь, то передайте им наше благословение. А фамилия наша Оселёдки. Запомните, О — се — лёд — ки!

Десять верст они не прошли, а пробежали. Через какие — то час — полтора они были на окраине Терновки. И тут на их пути встретилось препятствие в виде двух вооружённых солдат из дозора.

— Стой! — раздался из-за плетня строгий оклик. — Кто такие?

— А ты кто такой? — спросил Сергей так же строго.

— Мы дозорные, а кто ты?

— Мы пулемётчики, разве не видишь?

— Видим! Придется вам разоружиться и сдать пулемёт, а после отведём в штаб!

— Нам и нужен штаб, а пулемёт останется с нами!

— Нельзя! Сдайте пулемёт, а то стрельну!

Это вывело Сергея из себя. Он почувствовал, что где-то внутри поднимается гнев, заполняя всё его существо.

— Я тебе, сопля, так стрельну, что никто не узнает, где могилка твоя! Николай, пулемёт к бою!

Николай лег и, приведя пулемёт в рабочее состояние, прильнул к нему, поочередно озираясь то на плетень, то на Сергея.

— А теперь, вояки, вылазьте из-за плетня и идите ко мне, а то

мы из вас сделаем бредень.

Те не дали долго себя уговаривать и дружно перепрыгнули через плетень.

— Вот так-то лучше! А теперь ведите нас в штаб, и поживее. Да не дурите — шутить я не буду.

Через минуту по улице села чередом шагали два солдата с винтовками за плечами, а за ними еще двое, с пулемётом.

В центре села высился добротный каменный дом какого-то купчика, где и разместился штаб. На крыльце их встретил часовой и сказал, чтобы подождали. Через минуту появился адъютант полковника Заенковского, щеголеватый и молодой красавец. Сергей вышел вперед, положил ладонь к виску и доложил громко и четко:

— Ваше благородие, доложите господину полковнику, что рядовой Пономарев, со вторым номером рядовым Гусевым прибыли, выполнив его приказ!

Адъютант вспомнил об оставленном прикрытии убегающего штаба, двумя пулемётчиками, но мысленно их похоронил, потому что очень уж авантюрная была затея, оставить двух рядовых на растерзание неприятеля. Выслушав короткий рапорт солдата, он бегом бросился в дом, сразу вернулся и пригласил Сергея войти.

В большой опрятной комнате, в окружении командного состава, за массивным столом восседал командир полка. Когда Сергей строевым шагом подошел к столу и приложил ладонь к виску, полковник встал, опустил руки по швам и выслушал его рапорт. Офицеры, видя, что полковник стоит по стойке смирно перед неизвестно откуда взявшимся рядовым, тоже встали. Выслушав рапорт Сергея, командир предложил всем садиться, в том числе и Сергею. Он помялся и присел на краешек стула. Полковник попросил рассказать обо всем, что было с ним после ухода войск. Сергей подробно рассказал, как они отбили три атаки австрияк и как те, не выдержав огня, позорно бежали с поля боя. Как потом искали свою часть и случайно напали на ее след.

— А где же твой напарник, — спросил полковник, — живой ли он?

— А как же, ваше высокоблагородие, жив и здоров!

— А где он?

— Там на улице, охраняет пулемёт, — махнул рукой Сергей в сторону окна.

— Так вы и пулемёт притащили?

— А как же? Он же за мной числится. Мы еще и две коробки с пулемётными лентами принесли.

— Да понимаешь ли ты, Пономарев, что совершил? Вы с напарником не только выполнили мой приказ задержать

наступление противника, но и осуществили совершенно немыслимое — за сутки прошли восемьдесят верст, таща на руках пулемёт и коробки с лентами.

Полковник встал из-за стола, подошел к Сергею, со слезами на глазах обнял его и трижды поцеловал. Затем снял со своей груди Георгиевский крест и приколол его к рубахе Сергея.

— Носи, заслужил герой!

— Служу царю и отечеству! — еле выговорил от волнения Сергей и наивно спросил:

— А как же вы, ваше высокоблагородие, будете без Георгия?

— А я, Пономарёв, выхлопочу Георгия тебе, и буду носить его на своей груди. Вот и побратаемся. Согласен?

— Согласен, ваше высокоблагородие!

— Тогда лады!

— Да вот еще, ваше высокоблагородие, чуть не забыл за часы, — Сергей достал часы и протянул полковнику.

— Нет уж, рядовой Пономарёв, это тебе подарок на память от меня лично. Береги и воюй исправно!

Сергей, растроганный такой милостью, поблагодарил полковника, офицеров и попросил разрешения уйти, но полковник сказал, чтобы он сел на свое место. Потом что-то прошептал адъютанту и приказал одному из офицеров позвать напарника Сергея. Через некоторое время распахнулись двери, и в проеме появилась массивная фигура Николая, тянувшего за собой пулемёт. На груди висели, связанные ремнем, пулемётные коробки.

— Ты зачем, Гусев, притащил пулемёт, ведь здесь не австрийцы, а русские?

— Ваше благородие, нельзя имущество без присмотра оставлять на улице, враз умыкнут, а здесь никто не посмеет, — ответил добродушный Николай.

— Мы все в этом больше чем уверены, — оглядывая богатырскую фигуру Николая, засмеялся полковник. Засмеялись и остальные офицеры.

— А теперь поставь его вон в тот угол, а сам садись за стол рядом со своим первым номером.

— Слушаюсь, ваше благородие!

В это время в комнату вошли несколько солдат, неся в руках всевозможную посуду с едой из запасов купчика, и стали расставлять её на столе. Появились и замысловатые бутылки с невиданными наклейками. Ни Сергей, ни Николай никогда подобного не видели и даже не догадывались о существовании среди выпивки такого разнообразия. Здесь были и водка, и коньяки, и шампанское, не говоря уж о всевозможных закусках на

разрисованных тарелках. Когда присутствующие расселись за столом и наполнили бокалы, полковник, подняв свой бокал, встал и торжественно сказал:

— Лично от себя и от всего состава вверенного мне полка поднимаю этот бокал за тех, кто выполнил свой солдатский долг, будучи до конца верен отечеству и присяге! Ура, господа офицеры!

Вскоре о подвиге узнали сослуживцы. Слава Сергея и Николая, как опара на дрожжах, росла и ширилась. Об их подвиге говорили во всех отделениях и командах. Им приписывали такое, чего они и сами о себе не знали. Тем более, что нельзя было не верить этим слухам. Все же Сергей был первым и единственным рядовым — георгиевским кавалером во всем полку. Ему отдавали честь даже старшие по званию.

Тем временем, австрийцы, прорвав русский фронт, заняли несколько городов и сотни населенных пунктов. И только когда к нашим войскам подошли резервы, наступление противника удалось остановить. В этих боях русские понесли ощутимые потери, как в людях, так и в материальной части. Особенно большие потери были среди младшего командного состава, ибо именно они несли на себе основную нагрузку при обучении рядовых, а потом вели их в бой. Надлежало немедленно пополнить младшими командирами армию. Для этого стали подбирать из рядовых наиболее грамотных и отличившихся в последних боях. Одним из первых на курсы был зачислен Сергей.

Опять знакомый дарницкий лагерь под Киевом. С его приземистыми казармами, обширным плацем и даже с некоторыми прежними командирами. Сергей надеялся встретить среди курсантов и Хохла, но он словно в воду канул — ни духу, ни слуху. Живой ли? И снова рутина занятий и муштры. Снова подъем, гимнастика, изучение устава и закона божьего. Очень тяготился он обязательным посещением церкви с ее нудными молитвами, молебнами и проповедями. Не терпел он и священника — отца Иосифа, безграмотно и бездарно проводившего занятия по закону божьему. Сергей, благодаря бабушке Вере, хорошо знал святое писание и часто своими вопросами ставил отца Иосифа в неловкое положение. Так, например, он спрашивал священника:

— Вот, отче, в писании сказано, что Адам и Ева были первыми людьми на земле. Это правда?

— Истинно так, сын мой!

— Потом говориться, что у них родились дети?

— И это истинно так!

— Потом говориться, что когда дети подросли, то они пошли в другие страны и взяли себе жён?

— И это так!

— Но откуда взялись эти жёны, если Адам и Ева со своими детьми были первыми и единственными людьми на земле?

Отец Иосиф закатывал глаза, морщил лоб, долго думал и в таких случаях говорил: «Не богохульствуй, сын мой!». Но священник ни на кого не держал зла. Был отзывчивым, благодушным и миролюбивым, да еще частенько под градусом. В офицерском составе были люди временные. Одни из них отсиживались в тылу, боясь попасть на фронт. От других, под благородным предлогом, постарались избавиться в боевых частях. Кое — кого любвеобильные мамаши постарались за деньги устроить подальше от фронта. Но всех их объединяло одно — ненависть к своему положению, перерастающую в ненависть к тем, кого они обучали. Бесило их то, что здесь, на курсах, не было продвижения по службе, а тем более возможности получить награду, какой можно было бы удивить родных и знакомых, приехав в отпуск. И вдруг приезжает с фронта георгиевский кавалер. И не какой-нибудь, из благородных, а самый обыкновенный деревенский вахлак. Поэтому никто не стал интересоваться тем, за что Сергей получил Георгия, а вместо этого ему на своей шкуре пришлось испытать издевательства офицеров. Его до седьмого пота гоняли по плацу, старались загнать в угол каверзными вопросами по устройству оружия, требовали излагать наизусть уставы и положения, а так же безукоризненно стрелять по мишеням. Сергей, на свое счастье, обладал уникальной памятью и все, что он слышал хотя бы раз, оставалось в его голове навсегда. Отвечал на вопросы четко, грамотно, без смущения. Он чувствовал, что его знания не хуже, а даже лучше, чем у отдельных офицеров и поэтому держался с достоинством. Не заискивал, но и не зазнавался, был чужд гордыне. С товарищами ладил и всегда приходил на выручку. Все чаще и чаще к нему обращались за помощью, просили объяснить непонятное. Он не отказывал, и вскоре о его успехах узнало высшее начальство. Жизнь Сергея в корне изменилась. Узнав его, как грамотного и толкового солдата, вскоре определили помощником командира взвода курсантов и даже стали поручать проведение с ними отдельных теоретических и практических занятий.

Так продолжалось до окончания школы. За всё время учёбы Сергей не только получил необходимые знания, но научился спрашивать и отвечать за своих подчиненных. Наконец состоялся выпуск, курсантам были присвоены звания унтер-офицеров и

выданы проездные документы. Сергей, за успехи в учебе, был удостоен звания старшего унтер-офицера.

Прибыв в часть, Сергей сразу же почувствовал, что назревают серьезные события. Бросалось в глаза большое количество артиллерии, пулеметов, лошадей и повозок, не говоря уже о солидном пополнении среди солдат и офицеров. В штабе его встретили приветливо. Полковника не было, и принял его штабс-капитан Кокорин, молодой, щеголеватый человек с ухоженными усиками. Он от всей души поздравил его с присвоением чина, пригласил Сергея к столу и присел сам. Затем откинулся на спинку стула и, не спрашивая об учёбе в школе, доверительным и задушевным голосом стал неторопливо говорить:

— Я не расспрашиваю о твоей жизни в школе, так как знаю ее не хуже тебя. Хочу поговорить с тобой сразу о деле. Не думай, что я буду поучать тебя, призывать к беззаветному служению царю и отечеству. Нет, унтер, я хочу рассказать тебе, что нас ждет впереди, и хочу, что бы ты это знал! Об этом тебе никто больше не расскажет, а я открою некоторые секреты, и сделаю это сознательно, ибо именно такие, как ты, будут решать судьбу России. Однажды ты уже проявил геройство при отступлении своей части, а теперь тебе придется проявить свою смекалку при наступлении. Это пока секрет, но, к сожалению, не для врага. Наверняка они, благодаря разведке, хорошо осведомлены о планах нашего командования, но их беда в том, что у них дефицит в людях. Кроме того, командовать нашим фронтом будет генерал Брусилов, умный и толковый военачальник, а это немало значит. Но и он приведет нас к победе только в том случае, если умело воевать и руководить людьми будут знающие свое дело командиры. Тут недавно про тебя вспоминали. Полковник решил, что бездарно придавать по пулемёту в каждую роту. Он предложил объединить пулемётные расчеты в отряды и сделать их передвижными, снабдив повозками. Таким образом попытаться создать несколько небольших мобильных подразделений для удара в нужном месте, а при необходимости использовать их и как щит. Поэтому ждали тебя, планируя поручить обучение одного отряда именно тебе. Полковник еще будет говорить с тобой, но ты, не дожидаясь его приезда, создавай себе отряд в количестве тридцати двух солдат, четырех пулеметов и десяти повозок. Людей, лошадей, повозки подбирай по своему усмотрению и начинай тщательно готовить людей к боям. Времени в обрез. Надеюсь, что задача тебе ясна, так что, господин старший унтер-офицер, за дело! Желаю удачи!

Штабс-капитан поднялся, протянул Сергею руку для пожатия и проводил его до двери.

Вернувшись из штаба дивизии, полковник в первый же день собрал офицеров и младший командный состав. Это было что-то новое, так как до него никто и никогда такого не делал. Он познакомил подчинённых с обстановкой на фронте, положением дел в полку и поставленной перед войсками задачей. Сергей многое уже узнал из беседы с Кокориным, однако слушал с большим вниманием, ожидая, что полковник сообщит что-то новое. Но не дождался. Полковник добавил, к услышанному ранее от капитана, что артиллеристы и пулемётчики будут теперь подчиняться непосредственно командирам батальонов и приказал усилить подготовку личного состава к будущим боям.

Прошло всего три дня, но Сергей успел сделать немало. Очень помогало то, что многих рядовых он знал в лицо, знал их сильные и слабые стороны. Сначала он подобрал толковых ездовых, поручил им отобрать хороших лошадей и исправные повозки. Хуже было с пулемётчиками, ибо других пулеметчиков, за исключением Николая Гусева, он не видел в деле. Пришлось проверить десятки людей на сообразительность, на знание материальной части и умение стрелять из пулемёта. На четвертый день отряд был сформирован, и началась изнурительная учеба. Сергей добивался от подчиненных автоматизма во владении пулемётом, слаженности между ездовыми и стрелками при развёртывании позиции, умения рыть стрелковые ячейки и пулемётные гнезда, маскироваться, и многим другим хитростям. Непонятно откуда возникла идея, что неплохо было бы научиться стрелять прямо из повозок, не снимая пулемётов на землю. Эта мысль Сергею понравилась, и он решил на свой страх и риск изменить изначально предложенную командирами тактику ведения боя.

Когда через две недели командир батальона, в окружении офицеров, пришел проверять боеготовность отряда, бойцы показали настолько необычную выучку, что проверяющие были поражены увиденным. По сигналу, на боевую позицию из-за пригорка, неожиданно выскочили четыре повозки с боевыми расчетами. Они мгновенно развернулись, и в сторону предполагаемого противника застрочили, установленные сзади пулемёты. Потом, опять по сигналу, мгновенно скрылись в лощине. Удивлению гостей не было предела. Сергей заметил, что большинство офицеров были шокированы этим новшеством и о чем-то, между собой, активно заговорили, пожимая плечами и разводя руками. Однако было заметно, что батальонного командира увиденное очень заинтересовало. Он наверняка понял, какой выгодой обернется новый прием в ходе боя.

Обычно для пулемётов оборудовали гнёзда и ждали, когда противник пойдет в наступление. До этого они бездействовали. При таком раскладе пулемёты играли свою роль только при лобовой атаке противника, а в худшем случае огневые точки накрывали ещё в ходе артподготовки и войска оставались без прикрытия. Одним словом, пулемёты использовались только в обороне. При атаке пулемётчики не успевали за атакующими бойцами, тянулись позади и не могли поддержать их своим огнем. Но если повозки с пулемётами внезапно окажутся впереди идущих в наступление, то пулемётчики своим появлением и неожиданным шквальным огнем воодушевят солдат и расчистят пространство для атаки. При обороне пулемётчики на повозках смогут вступать в бой далеко впереди за линией обороны и основательно потрепать ряды наступающих еще на подступах к позициям своих войск. Причем и в первом, и во втором случае, неприятель не сможет применить артиллерию. Все будет заключаться во внезапности и быстроте. Пулемётный отряд сможет даже пройтись по тылам неприятеля, ибо по нему нельзя будет стрелять из — за боязни убить своих.

О выдумке Сергея было доложено командиру полка и его вызвали к полковнику. Тот попросил рассказать обо всем подробно, внимательно выслушал, вникая в каждую деталь, и сказал, что хорошо бы внедрить такую новинку во всех пулеметных отрядах. Обучать другие отряды не пришлось. Пока шла штабная волокита, пока рядили и судили о необходимости переучивания, полк подняли по тревоге и выдвинули на передовую. В этот раз Брусилов сосредоточил на нужных направлениях большое количество артиллерии, конницы и бросил на прорыв обороны противника. Фронт был с ходу прорван в нескольких местах и враг стал поспешно отступать. В

прорыв пустили конницу, которая не давала противнику зацепиться на промежуточных рубежах. Вот тут и проявилось преимущество мобильных огневых точек перед стационарными пулемётными ячейками. Отряд Сергея не ждал, когда на него нападет противник, а он сам нападал на него в нужное время и в нужном месте. Пулемёты Сергея, обычно внезапно оказывались перед носом противника, а иногда и у него в тылу. Причем отряд не отставал даже от конницы, а зачастую был и впереди неё. За это отряд окрестили «летучим». Забегая вперед, скажем, что эту тактику впоследствии успешно применяли в боях конники Будённого и батьки Махно, прославившие легендарные тачанки.

За какие-нибудь два неполных месяца войска Брусилова не только отвоевали все потерянные города, но разгромив группировку противника, вошли в Румынию. Несмотря на непрерывные бои, отряд Сергея не потерял ни одного солдата, ни одной лошади. За успехи в освобождении русских земель многие офицеры, младшие командиры и даже рядовые были награждены орденами и медалями. Был награжден вторым Георгием и Сергей. Но в Румынии Сергею не повезло. Вражеской разрывной пулей ему перебило обе руки.

Провожать Сергея на лечение пришли командир батальона, начальник штаба полка и сам полковник, не говоря уже обо всем личном составе отряда. Отвезли его в Киев, где врачи обработали раны и отправили Георгиевского кавалера в Москву, в элитный лазарет, который был под опекой самой императрицы Александры Фёдоровны. Кроме Сергея в палате лежат подпоручик Корольский, выходец из поляков. Он учился в Московском университете, но за какие-то неблаговидные проступки был из него исключен, арестован и отправлен рядовым на фронт. Служил он в армии Самсонова на Западном фронте. Когда армия потерпела поражение, его полк попал в окружение и командир полка приказал своим подчиненным на свой страх и риск отдельными группами пробиваться к своим. Корольский собрал вокруг себя пару сотен бойцов, оставшихся без командования, и повел их на восток. Шли по тылам противника, без еды и почти без боеприпасов, и все же, после изнурительного похода, вышли в расположение русских войск. Особая заслуга его была в том, что он, будучи ранен в руку и ногу, сохранил и вынес из окружения знамя полка, не бросил в беде бойцов. За этот героический подвиг был награжден Георгием и произведен в офицерский чин. О своих подвигах, спустя некоторое время, Корольский сам рассказал Сергею, не стесняясь в выражениях в адрес бездарных офицеров, генералов и даже царской семьи. Сергей рассказал о себе, но в отличие от Корольского, о своих командирах сказал только

хорошее.

Лечил их доктор по фамилии Кроль, добродушный толстяк с копной седых волос на массивной голове. Это был знающий свое дело хирург. Знал он его основательно и лечил на совесть. Доктор отличался исключительной скромностью. Даже в дни посещения лазарета императрицей со своими дочками, старался не попадаться им на глаза, и в это время обычно принимался оперировать больных. Он не выпячивал своих заслуг в области хирургии и был целиком погружен в изыскания новых методов лечения своих пациентов.

Идеальная частота в палатах, пышные шторы на окнах, персидские дорожки, белоснежная постель казались Сергею после грязных окопов раем. Корольский же постоянно был недоволен, куда-то торопился, просил доктора выписать его и заметно нервничал. Однажды, выслушав очередное требование Корольского о выписке, доктор взял стул, грузно опустился на него и негромко обратился к своим подопечным:

— Вот что хочу сказать вам, молодые люди, а вы внимательно выслушайте старого человека. Война будет длиться не вечно, настанет и мирное время, когда каждому из вас придется заняться мирным делом, но позволят ли вам сделать это ваши увечья? Вас можно выписать хоть завтра, но вы на всю жизнь рискуете остаться калеками, поскольку раны только залечены, но не вылечены. Дело же всей моей жизни, дело чести и достоинства хирурга вылечивать людей и возвращать и в строй. Но одного только моего мастерства, опыта и умения мало. Нужно и ваше желание вылечиться. А так, без надлежащего лечения, ваши руки и ноги усохнут, станут короче, пальцы перестанут действовать, и вы не сможете не только воевать, но даже ложку держать. Уж поверьте мне, опытному хирургу. Вот у Сергея семья, которую необходимо кормить, а для этого нужно работать в поле. Какой же из него будет кормилец, если он не сможет запрячь лошадь, держать в руках косу и даже застегнуть ширинку. А вы, Казимир, такой молодой и красивый, будете всю жизнь проклинать себя за то, что не послушали меня. Вы, конечно, грамотный человек и найдете себе соответствующую работу, но не всякая девушка рискнет выйти замуж за калеку. Поэтому, молодые люди, пользуйтесь моей добротой, благосклонностью Александры Федоровны, и будьте благодарны судьбе, что лечитесь здесь. Зачем же вам из-за каких-то двух — трёх месяцев портить себе жизнь? Кроме того, я бы не советовал вам спешить на фронт, где вас если не убьют, то могут окончательно искалечить. Теперь хорошенько подумайте над моими словами, а завтра мы снова вернёмся к этому разговору.

Но ни завтра, ни послезавтра Корольский даже не заикнулся о выписке и, казалось, даже повеселел. С этого момента и началось его сближение с Сергеем. Казимиру надоело играть в молчанку, хотелось высказаться, вылить наружу то, что накопилось в его душе за последнее время, а в лице Сергея он нашел внимательного, терпеливого слушателя. Казимир был всесторонне образован, начитан и его поражала простота, наивность взглядов и представлений Сергея о жизненной действительности. День за днем он раскрывал глаза Сергею на окружающий мир со всеми его светлыми и темными сторонами. Объяснил ему суть войны, ее пагубность для страны и простого народа. Рассказал о царском дворе, о правительстве, о роли Гришки Распутина в политической жизни России. Раскрыл глаза на казнокрадство в высших эшелонах власти, о банковских махинациях. Говорил, что среди офицерства идут упорные слухи о предательстве в окружении царя. Он познакомил Сергея с историей России, делая упор на ее трагические стороны с дворцовыми переворотами, убийствами, борьбой за власть и трон, с бунтами, восстаниями и войнами. Коснулся вопросов экономики России и западных стран, рассказывал о жизни и быте народов мира. Впервые Сергей узнал, что в России действуют политические партии, которые хотят прийти к власти путем свержения царя и его правительства, обещая свободу, равенство и братство народам всей земли. К таким обещаниям Корольский относился критически, ибо, по его мнению, эти понятия, для всех людей одновременно, существовать не могут. Свобода, говорил он Сергею, существует только для богатых, равенство — для нищих, а братские отношения среди посторонних людей — это вообще бандитская идеология. Не советовал он верить обещаниям революционных партий о передаче крестьянам, в случае их прихода к власти, всей плодородной земли, тем более в России. Все эти обещания — сказки для неграмотных, забитых людей, которые верят даже в то, что есть загробная жизнь, поскольку в этой жизни им ничего хорошего не приходится видеть. Сергей, словно на чистый лист, записывал в своей голове все, что сообщал ему Казимир. Когда у них основательно поджили раны, доктор Кроль порекомендовал совершать ежедневные прогулки на свежем воздухе. Корольский оказался не только хорошим рассказчиком, но и знающим гидом. Они посещали музеи, храмы, побывали в Третьяковской галерее и даже в Большом театре. Общение с Казимиром и беседы с ним стали для Сергея своеобразным университетом, основательно изменив его мировоззрение.

Прошло четыре месяца после ранения и совершилось чудо.

Доктор Кроль не только залечил их раны, но сделал всё, чтобы рука и нога Казимира работали нормально. У Сергея пальцы на руках все еще плохо слушались, но в них появилась сила, руки свободно сгибались в локтях, и пропали боли. Доктор выписал их из лазарета на Михайлов день. Он объяснил, что больше они не нуждаются в лечении, так как все, что требовалось от него, он сделал, и теперь полное выздоровление будет зависеть только от них самих. А для этого нужен ежедневный массаж и постепенное увеличение нагрузок. Как это делать они теперь знают по тем процедурам, которые принимают в последний месяц лечения. Доктор предоставил им полугодовые отпуска для поправки здоровья по месту жительства, пожелал здоровья и больше не попадать к нему в руки. Уже на вокзале, когда Сергей садился в вагон, Корольский на прощанье сказал:

— Послушай меня, Сергей Егорович! Поезжай домой, отдохни, а после забирай всю семью и переезжай в Москву. Мужик ты молодой, заслуженный, довольно грамотный. Поэтому работу всегда найдешь, а в деревне пропадешь и зачахнешь, как в болоте. Ты слишком честен и бесхитростен, чтобы жить в рутинном обществе, где зависть и ненависть соседствуют рядом. Всё это не для тебя, ибо ты многое повидал, много знаешь. Быть тебе там всю жизнь белой вороной!

До последних своих дней Сергей вспоминал эти слова Корольского, сожалея, что не послушался его совета.

В доме была все такая же скученность и убогость. Казалось, что не было ни войны, ни окопов, ни сияющей чистоты палат лазарета. Время в селе застыло в своем движении, не изменяя жизненного уклада, быта, привычек, взглядов людей. Все тот же теленок у печки, целый строй чугунов, огромная дежа с помоями и слепые окна с грязными стеклами. Сергею казалось, что время повернулось вспять, вернув его в далекое прошлое, от которого он давно отвык. Единственным изменением в семье было то, что подросли братья, вытянулись сёстры, заневестились. Бегала на неокрепших ножках дочка Мария, лепетала что-то на понятном только ей языке. Неизменной оставалась лишь бабушка Вера, которая по-прежнему была энергичной, шустрой и в здравом уме. Сергей, прослонявшись без дела по дому, хотел заняться работой, но отец категорически запретил ему браться за что — либо, заявив, что его братья и сестры уже достаточно взрослые, чтобы выполнять домашнюю работу. Тем более, что с полевыми работами давно управились, и нет необходимости в его помощи. А тут еще многочисленные родственники стали приглашать его в гости, да и просто знакомые старались заполучить в свой дом

единственного в селе георгиевского кавалера. Чтобы их не обидеть, приглашения приходилось принимать. Кроме того, по вечерам в доме Пономарёвых собирались мужики послушать бывалого человека. Они расспрашивали Сергея о войне, интересовались, скоро ли она закончиться, что слышно о земле, чего можно ждать от будущего? И иногда получали такие неожиданные ответы, что голова от них шла кругом. С тех пор по селу стала распространяться слух о Сергее, как умном, грамотном и толковом мужике. Многие жители села и даже из соседних деревень шли к нему за советом, за помощью и даже просьбами написать им прошение или жалобу. Однажды в минуту откровения он заикнулся о переезде с семьей в Москву, но встретил такое сопротивление со стороны отца и особенно жены, что пришлось похоронить свою мечту. Время шло, в селе не происходило никаких событий, люди жили своими заботами, как их деды и прадеды. Иногда кое-кого призывали в армию и опять тишина. Руки основательно поджили, исправно действовали, и Сергей целыми днями хлопотал по хозяйству. Чистил навоз, поил скотину, колол дрова, носил воду и делал много других дел. Так прошло несколько месяцев, наступила весна. Вдруг, словно гром среди ясного неба, грянул слух об отречении от трона царя и создании в Петербурге Временного правительства. Мужики думали, гадали, как же они теперь будут без царя и решили пойти к Сергею, помня, что он в свое время говорил им о прогнившем царском строе, который вскоре должен развалиться. И вот когда это случилось, мужики решили выяснить, что теперь ожидать.

Сергей в этот день вернулся из Воронежа, где навестил сестру, потолкался на базаре и даже заглянул в ресторан. Ему самому хотелось разобраться в сложившейся обстановке, узнать, что же произошло в Питере. От людей он узнал, что царь отрекся от престола под давлением генералов в пользу своего брата Михаила, который в свою очередь тоже отказался от престола. Этим воспользовалась Государственная дума и поручила ряду депутатов создать Временное правительство, что и было сделано. Все, что он узнал в городе, рассказал мужикам. Они плохо разбирались в политике, во всех этих Думах, политических партиях и больше всего их интересовал вопрос о конце войне и о земле. Сергей объяснил просто, что хотя царь и отказался от престола, но Временное правительство состоит из дворян, богатых помещиков и фабрикантов, которые наживаются на поставках в армию, а поэтому война им ох, как нужна, да и какой дурак будет резать курицу, которая несет золотые яйца. Землю они тоже мужику не дадут, поскольку вся земля находиться в руках помещиков, то есть тех, кто заседает во Временном

правительстве. Выслушав Сергея, мужики заключили, что новая власть — та же щука, но только видом сбоку, и разошлись по домам.

В мае 1917 года Сергея вызвали на комиссию, признали годным к воинской службе и направили в Москву в запасной полк. Очевидно, Временное правительство старалось собрать больше военных в столичных городах, как опору и защиту властей, на которую, при надобности, можно было вполне положиться. К своему удивлению, Сергей встретил в запасном полку несколько офицеров из своей части, которых хорошо знал, и его тут же назначили командиром пулемётного отряда при четырех пулемётах и тридцати рядовых. Только теперь в его распоряжении были не воинские повозки, а легкие, удобные рессорные брички, конфискованные у лихачей. Служба в полку шла ни шатко, ни валко. Офицеры редко появлялись в расположении части, и всё держалось на младшем командном составе. Занятия почти не проводились, солдаты бездельничали, иногда выпивали. Пришла осень, но всё оставалось по-прежнему. Никуда их не посылали, никто не трогал, словно забыли о существовании злополучного полка. Однажды солдаты, ходившие в город за табаком и водкой, принесли новость. В Питере вновь произошел переворот и теперь к власти пришли другие люди. Кое- что прояснилось, когда через несколько недель в полк прибыл комиссар с мандатом Совета Народных Комиссаров. Весь личный состав полка был выстроен на плацу и комиссар, низенький, худощавый человек в очках и кожаной тужурке, объявил, что Временное правительство низложено и арестовано, председатель правительства Керенский бежал, власть перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Теперь власть не у помещиков и фабрикантов, а в руках трудящихся. Сказал, что 25 октября состоялся съезд Советов, на котором было решено заключить всеобщий справедливый мир.

— Дорогие, товарищи! — говорил он, обращаясь к солдатам с новым необычным для них словом, — съезд объявил о конфискации всей помещичьей земли без выкупа и передаче ее в руки трудового крестьянства. Заводы и фабрики передаются рабочим. Отныне отменяются сословия, звания и всякие чины. Теперь вы вольны сами выбирать себе командиров, которым доверяете.

Комиссар еще долго говорил о разных постановлениях Совета и правительства, о новых решениях в социальной и политической сферах, но его плохо слушали, да и многое было непонятно. В заключении комиссар сказал о подписанном правительством мире с немцами, но добавил, что если крестьяне хотят наверняка

получить землю, а рабочие заводы с фабриками, нужно сначала защитить эти завоевания от недобитых буржуев, а сделать это можете только вы, солдаты новой страны, во главе с нашим вождем Владимиром Ильичом Лениным. Практически всем было безразлично, кто там наверху — царь, Керенский, Ленин, лишь бы наступил мир и дали землю. Многие говорили, что если правительство заключило мир, то нужно ехать домой, а не торчать на задворках Москвы, когда в деревне землю делят. К весне 1918 года в полку осталось треть личного состава, а офицеров можно было сосчитать по пальцам одной руки. Подумывал и Сергей податься домой, но солдатский долг, самодисциплина удержали его в полку. Другая причина была в том, что он не мог изменить своему отряду, из которого, беря с него пример, не ушло ни одного солдата. Время шло, но остатки полка так и оставались в каком-то двусмысленном положении. Их по-прежнему не трогали, никто к ним не приходил, словно забыли. Правда, регулярно снабжали продуктами, но не более того. В начале мая к ним стало прибывать пополнение из рабочих Москвы и крестьян окрестных деревень. Прислали комиссаров и несколько офицеров. Полк основательно перетряхнули, сформировали подразделения, выбрали командиров. Комиссаром полка был назначен некий Цецарин, из бывших политзаключенных. Молодой, ладный и крепкий мужчина, с пролысиной на голове и умными голубыми глазами. Комиссары были назначены и в батальоны.

В июне полк подняли по тревоге, погрузили в вагоны и отправили на Восточный фронт, где его влили в первую армию под командованием Тухачевского. Полк разместился в пригороде Симбирска на берегу Волги. Вскоре полк понадобился. Командующий Восточным фронтом Муравьёв прислал приказ, в котором полку предписывалось немедленно войти в город, занять помещение бывшего кадетского корпуса и разоружить латышский и коммунистический отряды. Комиссар Цецарин, прочитав приказ Муравьёва, распорядился его не обнародовать, выждать и разобраться в чем дело, а сам поспешил в пулемётный отряд. Идя к пулемётчикам, он уже догадывался, что Муравьёв разослал подобные приказы и по другим частям, стал подтягивать их к Симбирску, готовя захват власти в Поволжье. Цецарин рассказал Сергею о зреющем мятеже и попытке командующего отделить от всей России территорию Поволжья, а в конце разговора попросил немедленно поднять по тревоге отряд пулемётчиков, занять здание губисполкома и постараться разоружить находившийся там отряд Муравьёва, который сторожил арестованное советское руководство Симбирской губернии. Он предупредил Сергея, что у

здания губисполкома находится броневой отряд, на который можно положиться в этой операции, так как с командиром отряда имеется устная договорённость. Из разговора с комиссаром Сергей узнал, что Муравьёв, мечтая о создании Приволжской республики, по примеру Дальневосточной, считал, что солдаты, набранные из местных крестьян, создадут и защитят отдельную республику на своей родной земле. Первое время это удавалось. Кроме того Муравьёв рассчитывал на поддержку армии Колчака, которая, пользуясь слабостью Красной Армии, подходила к Волге. Остановить Колчака у Красной Армии не было сил и Муравьёв, не дожидаясь подхода войск, захватил здание губисполкома и арестовал представителей советской власти во главе с руководителем Иосифом Михайловичем Варейкисом. Вот Сергею и было поручено освободить арестованных, разоружив караул, а в случае оказания сопротивления — безжалостно уничтожить.

Прибыв со своею командой к губисполкому, он разыскал командира броневого отряда, о котором его предупредил Цецарин. Посоветовавшись, они пришли к выводу, что брать штурмом здание не имеет смысла, так как для этого у них мало людей, а от пулемётов караул надежно защищают каменные стены старинного здания. Командир броневого отряда сказал, что хорошо бы затащить внутрь хотя бы пару пулемётов и расстрелять находящихся на первом этаже бойцов Муравьёва. Сергею идея понравилась, и он предложил план захвата здания. Для этого Сергей со своим отрядом и пулемётами подходит к главному входу и докладывает начальнику караула, что их прислал Муравьёв в помощь, ибо намечается штурм. Когда бойцы Сергея окажутся внутри и прозвучат выстрелы, пусть бронеотряд выдвигается на площадь и занимает оборону. Поскольку других вариантов в голову не пришло, решили рискнуть. Но случилось то, чего Сергей даже не предполагал. На крыльце пусто, двери открыты, и пятеро бойцов вместе с ним свободно вошли в здание с двумя пулемётами, оставив остальных и два других пулемёта на улице. Обычно, даже в мирное время, при входе в государственные и воинские учреждения, стоит парный пост, а тут никого. Один пулемёт установили у двери, другой в начале лестницы. В обширном зале справа, человек тридцать из охраны явно изнывали от безделья. Одни сидели на полу и курили, другие за столом играли в карты, третьи слонялись по помещению, но никто не подошел к Сергею и не спросил, кто они такие и что им нужно. Он подозвал одного солдата и спросил, где начальник караула. Тот ответил, что, наверное, наверху и собрался уходить, но Сергей остановил его и сказал, что он командир пулемётного отряда, присланного самим Муравьёвым

для подкрепления, и требует к себе начальника караула. То ли имя Муравьёва, то ли начальственный голос Сергея и два пулемета с пулеметчиками в придачу, но высказанное требование возымело свое действие. Солдаты зашевелились, а двое кинулись вверх по лестнице. Вскоре сверху, перепрыгивая через ступеньки, прибежал начальник. Его тщательно подогнанная одежда, до блеска начищенные хромовые сапоги, строевая выправка — всё выдавало старого вояку. Сергею стало непонятно, как этот опытный человек мог допустить такую халатность при охране порученного ему объекта. Начальник караула подошел и спросил:

— Это ты начальник пулемётной команды?

— Попрошу, — не ответил на вопрос Сергей, — доложить, как положено!

— Прежде, чем докладываться, я должен знать, с кем имею дело. Кто вы такие и кто вас прислал? Предъявите приказ!

— Смотри, какой бдительный, а где ты был раньше со своей бдительностью? Ты даже не догадался поставить часовых у входа. Двери не заперты и не охраняются, люди бездельничают. Вот представь себе, что меня прислал не Муравьёв, а Тухачевский? И что ты будешь делать под дулами этих двух и двух других пулеметов с бойцами на пороге? Что молчишь? Данной мне властью я вынужден тебя арестовать и отправить в штаб, а весь личный состав караула взять в свое подчинение. А теперь сдай оружие!

Начальник караула, было, попятился назад, но тут же был схвачен бойцами Сергея, разоружен и сопровожден в расположение броневого отряда. Когда начальника караула стали выводить в двери, Сергей заметил, что среди охранников началось еле заметное волнение. Он подал знак, и очередь из пулемёта ударила поверх голов караульных, сбив куски гипсовой лепнины с противоположной стены. Тут же в помещение ворвались остальные бойцы отряда, охрана была уложена на пол и обезоружена. А в это время Сергей с группой солдат уже поднимался вверх по лестнице, снимая часовых и отбирая винтовки. Сняв последний караул и войдя в довольно просторную комнату на втором этаже, он увидел длинный стол, за которым сидели несколько человек и вопросительно глядели на него с выражением тревоги на лицах. Сергей подошел к столу и спросил:

— Кто из вас Иосиф Михайлович Варейкис?

Из-за стола энергично поднялся человек невысокого роста, с пышной шевелюрой и смуглым лицом.

— Я Варейкис. В чем дело?

Сергей подошел к нему, подтянулся, приложил ладонь к виску и отчеканил:

— Товарищ, Варейкис! Я Пономарёв, командир пулемётного отряда, прислан комиссаром Цецариным для освобождения вас из-под ареста!

— Это хорошо, товарищ Пономарёв, но каким образом вы будете нас освобождать, если внизу целая рота вооруженной охраны?

— Извините, товарищ Варейкис, забыл доложить, что вся охрана арестована и разоружена. На часах теперь стоят верные мне бойцы, а около здания заняли оборону три броневика с экипажем. Так что, вы свободны!

Варейкис усмехнулся, подошел к Сергею, пожал ему руку и по-дружески приобнял его.

— Разрешите, товарищ Варейкис, идти?

— Нет, товарищ Пономарёв, разоружение охраны — это только полдела. Основное еще впереди и вы, как военный, нам еще пригодитесь. А теперь садитесь за стол, и будем вместе думать, что же делать дальше и как подавить мятеж.

— А что тут думать? — горячо заметил Сергей, — Нужно арестовать Муравьёва и вся недолга!

— Легко сказать, арестовать, а как это сделать, если у него несколько полков, а сколько за нас и сами не знаем, — проговорил Варейкис, обернувшись к присутствующим.

— Да, дорогие друзья, — продолжал он, — дела наши хуже некуда и нужно глядеть правде в глаза. Колчак, почти не встречая сопротивления Красной Армии, захватил Пермь, Уфу, Екатеринбург и скоро подойдет к Волге. Муравьёв выбрал для мятежа удобное время, понимая, что у нас нет силы, которую мы могли бы противопоставить ему. И все, что мы можем сделать в данный момент- арестовать Муравьёва, распропагандировать части Восточного фронта и подчинить их новому командованию. Но как это сделать не знаю, слишком мало у нас силы.

— Объясните мне, пожалуйста, — снова заговорил Сергей, — почему Муравьёв, командуя Восточным фронтом, вдруг поднял мятеж? Почему он держит вас под арестом?

— Вы, товарищ Пономарев, многого не знаете, — ответил Сергею Варейкис. — Муравьёв решил создать Поволжскую независимую республику и склонил к реализации этой идеи вверенные ему Советской властью войска. Но нужно, чтобы республику признали мы, её представители. Он уже неоднократно предлагал нам войти в состав его правительства. Мы, конечно, отказались, и тогда он решил посадить нас под арест, запугать, и тем самым добиться согласия.

Сергей внимательно выслушал Варейкиса, задумался, а потом проговорил: — Вы говорите, что Муравьёв предлагал войти в его

правительство? Так? Дайте ему на это согласие, вызовите его на переговоры, а тут мы его арестуем и под трибунал. Я думаю, что он клюнет на хитрость и с радостью приедет сюда. Мы, к этому моменту, очистим здание от бывшей охраны и выставим свою. Думаю, что охрану Муравьёв сам лично не подбирал и в лицо никого не знает.

В это время отворились двери, и в комнату вошел Цецарин. Он всем пожал руки, представился и доложил Варейкису, что привел с собой еще целую роту красноармейцев. Варейкис поблагодарил Цецарина за успешную, как он выразился, операцию по освобождению членов Губисполкома из-под ареста и пригласил его за стол.

— Думаем, Валерий Владимирович, как нам нейтрализовать Муравьёва, — обратился к нему Варейкис. — Вот товарищ Пономарёв предлагает в сложившейся ситуации пригласить его приехать к нам и здесь арестовать. Как ты думаешь?

— А чего думать? Я шел сюда и хотел предложить то же самое. Тем более что такого случая может больше не представиться.

После ответа Цецарина сразу началось обсуждение и уточнение деталей операции. Решили, что арестованный караул нужно отправить в расположение полка, а по всему зданию поставить своих часовых.

— А не догадается ли он, что ему готовят западню, и не приведёт ли с собой войска? — спросил один из присутствующих.

— Нет, не приведёт, — убедительно ответил Цецарин. Во-первых, он убеждён, что вы находитесь под арестом и вас надёжно охраняют преданные ему люди, а во-вторых, он настолько уверен в своей силе, что посчитает позорным для себя идти сюда под охраной.

— А членов своего, так называемого правительства, он обязательно с собой прихватит, чтобы придать вес этим переговорам, — в тон Цецарину продолжил Варейкис.

— Так это же еще лучше! Не надо будет после собирать их по одному, — послышался чей-то голос.

— Считаю, что для отвода глаз их необходимо торжественно встретить, но, ни в коем случае, не дать выйти из здания, — обратился к Цецарину Варейкис.

Цецарин отозвал в сторону Сергея и спросил у него:

— Все часовые твои?

— Да, все! — ответил Сергей.

— Выставишь усиленный пост у входа в Губисполком. Поставишь ему задачу пропустить в здание делегацию, но никого назад не выпускать.

Цецарин с одним взводом увел арестованный караул, а Сергей выставил постовых и строго-настрого приказал пропустить только командующего с ближайшим окружением и больше никого. Если вдруг будут попытки ворваться, то применить оружие. Потом поднялся наверх и доложил Варейкису о готовности караула к приему.

Командующий фронтом и его приближенные приехали на тачанках в сопровождении двух десятков конников. Пока охрана привязывала лошадей, небольшая группа военных и гражданских во главе с Муравьёвым вошла в здание. Строгие, подтянутые часовые дружно приветствовали командующего, что явно льстило его самолюбию. Муравьёв уверенно вошел в зал заседаний и остановился, ожидая доклада. Варейкис встал, но вместо доклада вслух зачитал перехваченную телеграмму, в которой Муравьев приказал частям фронта прекратить огонь против белогвардейцев, и попросил объяснить, что происходит. Муравьев явно растерялся, а потом развернулся и бросился к дверям, но оказался лицом к лицу с вооруженными часовыми, которые объявили ему, что он арестован. Он схватился за наган, и тут, почти одновременно, сзади раздались два выстрела. Муравьев мертвым растянулся в дверном проходе. Тут же были арестованы и члены его правительства.

Так свела судьба бывшего унтер-офицера Сергея Егоровича Пономарёва с Иосифом Михайловичем Варейкисом, ставшего потом первым секретарем областного комитета большевистской партии Центрально — чернозёмной области.

После смерти Муравьёва мятеж вскоре был подавлен, и полк ничем другим, кроме патрулирования улиц города, не загружали. Сергей дал своим пулемётчикам отдохнуть, занятия с ними не проводил, считая это лишним, а сам скучал от безделья, не зная, куда себя деть. Однажды к нему пришел Цецарин и пригласил его прогуляться по городу. Сергей с радостью согласился и вскоре они уже шагали по живописным улицам Симбирска. Поднялись они на вершину горы, на которой в свое время была воздвигнута бревенчатая крепость с башнями и рвом. Глядя на это сооружение, Сергей заметил:

— Стоило ли тратить силы и средства, на так называемую крепость, если её можно не осаждать, а просто сжечь!

— А между тем, Сергей Егорович, за сотни лет ее не только не сожгли, но ни разу никто не смог взять. А попыток было много, начиная от кочевников и кончая Степаном Разиным. Именно под ее стенами Степан Разин потерпел свое поражение.

Потом они посетили нагорный бульвар Венец, откуда открывался живописный вид на Волгу. Здесь они присели на

скамейку и долго любовались обширной панорамой и песчаными отмелями.

— Я, Сергей Егорович, позвал тебя сюда не столько для прогулки, а еще серьезно поговорить. Хочу тебе сказать, что дела на фронте у нас не то что неважные, а просто катастрофические. Мы говорим и пишем о Восточном фронте, а его нет. Нет даже боеспособной армии, которая находится только в стадии формирования. Колчак же собрал большие силы, без остановки движется к Волге и остановить его нечем. Он захватил Сибирь, Урал и практически все Приволжье. Колчаку противостоят лишь отдельные разрозненные отряды, которые он просто сметает на своем пути, да еще ему помогают чехи, завязывая боевые столкновения с частями Красной армии. Скоро он будет на Волге. Так что нам придется сдать некоторые поволжские города и бежать.

— Откуда они взялись, Валерий Владимирович, эти чехи? Вот все слышу, — Чехи! Чехи! — но не пойму, откуда они взялись в Сибири?

— Некоторые из них пленные, а большая часть отпущена немцами домой. В свое время немцы призвали в свою армию мужчин из Чехии, вооружили их и заставили воевать на своей стороне. При заключении Брестского мира немцы навязали условие, чтобы Россия пропустила чешский корпус через всю страну до Дальнего Востока, откуда они могут уехать домой.

— А почему немцы не отправили их прямо домой, ведь Чехия и Германия соседи?

— Я точно не знаю, но очевидно, чехи отказались сдать оружие, а немцы были не в силах разоружить эту армию. Вот они и спровадили чехов в Россию. Тем, конечно, надо было кормиться, как-то добираться до дому, и они силой стали захватывать поезда, грабить окрестные города и села, разоружать наши отряды и расстреливать командиров. Тем самым расчищать путь Колчаку.

— И много их, этих чехов?

— Представь себе, очень много. Их поезда протянулись от Волги до самого Дальнего Востока и уезжать из России особенно не торопятся, так как возможность безнаказанно заниматься грабежом и мародерством. Так что, Сергей Егорович, готовься к эвакуации из Симбирска советского правительства, которое тебе со своим отрядом придется сопровождать. Об этом пока никому ни слова. А теперь пошли домой!

И, действительно, прошло несколько дней, белогвардейцы прорвали жиденькие ряды Красной Армии и вышли к Волге. Симбирск пришлось оставить.

Началась эвакуация представителей Советской власти, которой руководил Варейкис. Уезжали пароходами вверх по Волге. На стареньком пароходе «Стержень» отбыл Варейкис со своими товарищами, а следом за «Стержнем» поспешал небольшой пароходик «Купец», на котором была разношерстная команда, в основном из революционных матросов Волжского пароходства. В пути это речное братство распустило слухи, что Варейкис с другими большевиками везут большую сумму денег из Симбирского банка и хотят с ними сбежать за границу. Было решено захватить «Стержень», забрать деньги и разделить, а всех руководителей перестрелять. Они не знали, что пароходы прикрывали с берега пулемётчики Сергея.

В канун отплытия транспорта, в пулемётную команду пришел Цецарин, собрал личный состав и поставил перед ними задачу охранять членов губисполкома. Для этого им было приказано ехать высоким берегом Волги, но на таком расстоянии от берега, что бы было незаметно для плывущих по воде. При этом не спускать глаз с пароходов и оберегать пассажиров от всяких неожиданностей в случае возможных нападений белогвардейских вооруженных формирований, отрядов разгульных анархистов, да и просто бандитов. Цецарин оказался прав, организовав тайное сопровождение. Стоило пароходам отойти от Симбирска на какую-нибудь сотню километров, как братва с «Купца» потребовала, чтобы пароход «Стержень» пристал к правому берегу и принял от них представителей для переговоров. Бойцов Сергея с пароходов было не видно, но как внезапно сблизились и пристали к берегу суда, с берега заметили сразу. В утренней тишине, по воде далеко разносились голоса, и весь шум на пароходах был хорошо слышен. Поняв, что назревает бунт, Сергей решил вмешаться и навести порядок. Он выгнал на край обрыва одну тачанку с пулемётом, приказал дать очередь в воздух и громко приказал всем замолчать. Для пассажиров пароходов это появление оказалось полной неожиданностью, и шум мгновенно умолк. Сергей продолжал:

— Я, командир пулемётного отряда Пономарёв, приказываю пароходу «Стержень» следовать дальше своим курсом, а «Купцу» стоять на месте до моего особого распоряжения!

Так как отряд до сих пор не показывались на глаза экипажам пароходов, то там посчитали, что слова Сергея являются бредом. Да и откуда здесь было взяться целому пулемётному отряду, если пассажиры до сих пор даже одного человека на берегу не заметили. Как только шок прошел, с «Купца» понеслись угрозы и сплошной мат. Сергей подал знак и тут же на берег выскочили остальные тачанки. Все четыре пулемёта сразу же

предупредительно застрочили, поднимая вокруг парохода небольшие фонтанчики. Когда смолкла стрельба, на пароходе воцарилась гробовая тишина. Сергей прокричал:

— Эй, на «Купце», вот так уже лучше! И предупреждаю! Если сделаете малейшую попытку сняться с якоря, дам команду расстрелять ваш пароход. А теперь отдыхайте!

Так Сергей второй раз выручил Варейкиса в опасной для жизни ситуации.

В верховьях Волги команда Сергея влилась в созданную Алатырскую группу войск, которая позже участвовала в тяжелых боях за освобождение Поволжья от Колчака. В наступлении на город Буинск он был вторично ранен и, как нарочно, опять в руки. Одна пуля прошла навылет через правую, другая перебила нерв и раздробила кости левой руки. Направили раненого в лазарет Симбирска. Раны заживали неважно, пальцы свело, руки были словно деревянные, и совершенно не слушались. Однажды его навестил сам Варейкис, который поддержал его морально, пообещал выхлопотать пенсию и отправить на лечение в Москву. Свои обещания он выполнил и, когда Сергея отправляли в Москву, лично пришел проводить его и от имени Тухачевского вручил ему новенький маузер. В Москве его подлечили, но вылечить совсем оказалось невозможно, нужно было время. Руки в локтях сгибались, но пальцы не действовали. Ему выписали проездные документы и отправили домой. Молодой, полный сил мужчина, остался калекой, непригодным ни к какой физической работе. Выручала пенсия, которую ему назначила советская власть за заслуги в борьбе с её врагами. С тех пор на селе за ним укоренилась прозвище: Серёга — косорукий.

Очень тяжело переживал свое ранение Сергей. Нет, испытывал он не физические, а моральные муки. Он не мог работать физически, обслуживать себя, и приходилось жене ухаживать за ним, как за тяжелобольным. Она не только умывала и мыла его в бане, а одевала, обувала и даже кормила с ложки. Правда, братья и сёстры за это время повзрослели, так что работать по дому и в поле было кому, но сама мысль об инвалидности не давала ему ни минуты покоя. Между тем время шло, жизнь продолжалась, не считаясь с переживаниями Сергея. Пока он мотался по фронтам, вышла замуж Мария, старшая из сестёр. Вторая Мария, четырёхлетняя дочка, его копия, робкая и незаметная девочка, дичилась отца и не подходила к нему, а как хотелось ему взять её на колени и приласкать. Вторая дочь, Татьяна, уже твёрдо сидела в люльке, вполне осмысленно оглядываясь по сторонам.

Так и жил бы Сергей, поправляя здоровье, обласканный и

ухоженный, но тут поднял бучу брат Никита, решивший жениться. К этому моменту ему исполнилось семнадцать лет, и он задумал избавиться от опеки отца. Егор Иванович долго отговаривал его от этого шага, просил подождать с женитьбой до конца войны, но все было напрасно. Егор Иванович был упрямым и непреклонным в своих решениях, но сын не уступал ему в этом, да и своим обличием уродился в отца. Был он небольшого роста, смугл, черняв, с карими глазами. Всегда куда-то спешил, был подвижен, непоседлив, дерзок. Не выносил замечаний в свой адрес. С детства был склонен к махинациям, вечно что-то менял, что-то приобретал, обманывал, за что и прозвали его — Шибай. Егор Иванович противился женитьбе сына не потому, что шла война, и не потому, что Пономарёвым не на что было справлять свадьбу, а потому, что ему не нравился выбор сына. В жёны Никита выбрал себе Фёклу, девушку из рода Рыбиных. Рыбины были, пожалуй, побогаче Пономарёвых и Егор Иванович не прочь был породниться с ними, но слишком худая слава шла о них на селе. Почему-то их считали придурками, а если о ком-нибудь на селе пустят слух, то это навечно. Главой семьи Рыбиных был Митрон. У него было четыре сына и две дочери, все рослые и физически очень сильные. Зная об этом, в селе никто и никогда их не трогал, боялись. Как и все сильные люди, они были добродушными, покладистыми, никогда не ввязывались в драки и были, по мнению людей, не от мира сего. Очевидно, это послужило той отправной точкой, которая дала возможность людям считать их недоумками. Не в пример другим, семья была трудолюбивая, успешно вела свое хозяйство, в доме был достаток и благодать. Но эта благодать длилась до женитьбы сыновей. Невестки, пользуясь добродушием мужиков, активно взялись за перевоспитание супругов на свой лад и по своему подобию. С тех пор в тихой и благополучной заводи дома Рыбиных начались ссоры и скандалы, что дало возможность людям окончательно убедиться в том, что все они с придурью. Ссору обычно начинали жёны, за своих жён начинали заступаться мужья, что зачастую приводило не только к скандалам, но и к дракам. Отец пытался примирить расходившихся сыновей, но часто заканчивалось тем, что сыновья, начав драку между собой, потом набрасывались и на отца. Однажды, в очередной драке, старший сын Иван схватил запасную оглоблю и ударил ей отца по голове. То ли оглобля была с трещиной, то ли голова оказалась на удивление крепкой, но оглобля сломалась, а отец устоял на ногах и смог разметать сыновей по двору, как котят. Однако с тех пор отец оглох, и вскоре его стали звать не иначе, как Митрон Глухой.

О силе Митрона рассказывали чудеса, хотя об этом можно

было и не говорить, ибо чудеса совершались постоянно и у всех на глазах. Каждое утро Митрон запрягал мерина с сорокаведерной бочкой в телеге и ехал за водой в родник к Пристинку. Чтобы удобно было наполнять бочку черпаком, он снимал ее с дрог на землю, поближе к источнику и наполнял бочку родниковой водой. Потом брался за уторы и относил ее назад в телегу. В другой раз, сидя с мужиками на бревнах у дома Пономарёвых, он попросил соседа, по прозвищу Дымок, отдать большой дикий камень, лежавший на углу у дома. В свое время отец Дымка для каких-то надобностей привез его из карьера, свалил камень у дома, да так и оставил его лежать до лучших времен. Для погрузки и выгрузки ему понадобилось несколько дюжих мужиков. Когда Митрон попросил Дымка отдать ему этот камень, тот недолго думая, ответил, что не возьмет с него ни копейки, если тот сумеет один отнести этот камень до своего дома. Митрон встал, подошел к камню, поднатужился, поднял и понес. Еще был случай, когда Митрон ездил по своим делам в Воронеж, да припозднился. Хотя он не пил и не любил это занятие, но в этот раз был почему-то навеселе. Жеребец горячился, поминутно пытался уйти с дороги и в одну из этих попыток сани зацепились за пенек. Сколько Митрон не пытался заставить жеребца стронуться с места, все было напрасно. Он вышел из саней, взял жеребца под уздцы, но итог был тот же. Ему показалось, что жеребец показывает свой нрав и не желает идти. Митрон в сердцах ударил его кулаком между ушей. Жеребец сначала упал на колени, а потом повалился замертво на бок. У Митрона сразу прошел хмель. Он распряг жеребца, высвободил сани, уложил в них мёртвую тушу и, взяв оглобли в руки, привёз печальную поклажу домой.

Вот из этой семьи и хотел взять Никита себе жену. Была Фекла на целую голову выше суженого и весила, без малого, пять пудов. Чем она прельстила Никиту, для всех оставалось тайной. Как ни упорствовал Егор Иванович, но пришлось, скрепя сердце, справить свадьбу. Прошло не так много времени после свадьбы, и Никита исчез. Пропал в одночасье, никого не предупредив, никого не поставив в известность. Долго думали и гадали в семье, да и на селе, но так ничего и не придумали. Поговорили, посудачили и успокоились. Егор Иванович оставил сноху в своем доме, запретив уходить к родителям, тем более что Фёкла была на сносях. А исчезновение Никиты объяснялось просто.

В это время Будённый, преследуя остатки белогвардейского корпуса генерала Шкуро, остановился в селе на отдых, надеясь запастись кормом для лошадей и подкормить заодно своих конников. Воспользовавшись этим, казаки бесцеремонно шарили

по ригам, амбарам, подвалам, выгребая все, что не успели очистить шкуровцы. В ту пору Пономарёвы в риге прятали, заложив снопами, пятилетнюю кобылу, на которую мужики возлагали большие надежды в будущем. Об этом не знали ни женщины, ни дети. Мужчины по очереди караулили её, кормили и поили только по ночам. Однажды вечером, какой-то подвыпивший казак, решивший поживиться кормом, случайно забрел в ригу Пономарёвых и услышал храп лошади. Он хоть и был под градусом, но сообразил, что хозяин не будет прятать старую клячу, и начал быстро разбрасывать снопы. Даже в полутьме он сразу оценил достоинства кобылицы. Взяв ее за недоуздок, казак собрался вывести лошадь во двор, но в этот миг на его голову обрушился удар ясеневой дубины и бедняга замертво свалился к ногам Никиты. Когда Никита пришел в себя, его охватил животный страх. Первым его желанием было сесть верхом на лошадь и скрыться из села. Но потом сообразил, что ехать опасно, так как в любой момент его могли перехватить разъезды. Хотел опять спрятать лошадь на старом месте, но подумал, что если нашел её один, то почему на нее не наткнется другой. А тут еще убитый казак — будут искать, найдут, и быть беде. Придя немного в себя, Никита сел на сноп, стал раздумывать и решил, что лучшим выходом из этого является запись в Красную Армию. Таким образом, он отведет от себя и семьи всякие подозрения. Потом достал запрятанное в снопах седло, оседлал лошадь, перекинул тело казака через круп и выехал из риги. На улице стемнело и он, крадучись, переехал гумно, пересек луг и выехал к реке. Здесь он бросил труп в воду и быстро поскакал в село. Он знал, что штаб Будённого в доме попа и отправился прямо туда. Когда он вошел в штаб, то первым кого он увидел, был Митька Лавлинский, его дружок и одногодок. Увидев Никиту, Митька расцвел улыбкой и спросил:

— И ты, Никита, решил записаться в армию?

— Как видишь! — с удивлением ответил Никита.

— Так ты его знаешь? — спросил у Митьки, стоявший у стола седоватый человек в полном военном снаряжении.

— А как же, это мой дружок, Никита!

— Тебе тоже нужен конь? — обратился этот человек к Никите.

— Нет! Я приехал на своей лошади и с седлом!

— Молодец! Пилипчук! — крикнул он в дверь.

На пороге появился высокий, стройный красноармеец т в походном снаряжении и стал по стойке смирно.

— Вот что, Пилипчук, возьми этих молодцов в свой эскадрон, выдай им обмундирование, поставь на довольствие, снабди

оружием и всем, что положено.

— Им надо дать и коней?

— Да, но только одному, а другой приехал на своём. А теперь марш к себе и готовиться к походу!

Под утро конники покинули село, а вместе с ними Никита, так и не простившись ни с женой, ни с близкими.

Участвовал Никита в походе на Варшаву, где он не сыскал славы, но получил основательную закалку бойца, дослужился до командира эскадрона и вступил в партию большевиков. Когда конную армию Буденного перебросили к Перекопу, Никита попал под начало Миронова, командующего второй конной армией. В одном из боев его эскадрон дерзкой атакой в конном строю захватил батарею белогвардейцев и тем самым расчистил путь пехоте, что дало возможность на этом участке провести успешное наступление частям Красной Армии. За эту операцию он был представлен к награде. Орден Красного знамени к его гимнастерке, прикрепил сам Фрунзе. Вернулся Никита домой в 1920 году, где его встретила жена и маленькая дочка.

Окончилась Гражданская война. Кто остался в живых — вернулся к своим семьям, к своим заботам. Кто не вернулся — остались лежать в неглубоких могилах, наспех присыпанные землей, за которую они и отдали свою жизнь. Вдовушки, встретив вернувшегося с фронта чужого мужа, судорожно прижимались к пропитанной потом и пылью шинели, выли в голос по тому, который не вернулся и не вернется в свой родной дом. Они оплакивали не только мертвых, они оплакивали свою горькую бабью долю. Хорошо, если у такой бабы были отец и мать или свекор со свекровью, но многие из них жили одиноко с кучей ребятишек. И приходилось таким обездоленным взваливать на свои плечи всю работу по дому, да еще думать о хлебе насущном. А хлеба не было. Все, что добывалось тяжким ежедневным трудом, потом и кровью, выгребали войска и продотряды. С полным основанием можно утверждать, что Россию съела армия. А хлеб был нужен не только для еды и на корм скотине, но и для сева. А его не было. Нельзя было без содрогания смотреть на ежедневные похороны умерших от голода людей, на ходячие скелеты детей, стариков и взрослого населения. И хлынули толпы измождённых голодом людей на Украину, в Среднюю Азию, Сибирь и другие хлебные места менять холсты, юбки, кофты и даже одежду, припасенную к смертному часу, на кусок хлеба или пригоршню зерна. А в пути их поджидали болезни, грабежи, воровство и налёты банд. Те, у кого оставались небольшие запасы, пытались каким-то образом скрыть остатки зерна хотя бы для посева. Прятали в укромных местах, зарывали в землю, но

чекисты из продотрядов давно раскусили хитрость крестьян, быстро находили тайники и подчистую выгребали припрятанный хлеб. Да хорошо, если бы только этим дело заканчивалось, а то нередко и расстреливали. Пономарёвы менее других пострадали в годы лихолетья. Когда шла гражданская война и в село входила Красная Армия, то Сергей предъявлял мандат, подписанный Тухачевским, где говорилось, что всем представителям советской власти предписывалось Пономарёва Сергея Егоровича, за особые заслуги перед Советской властью, не облагать налогами, а оказывать посильную помощь. Если же приходили белые, то он надевал два Георгия, встречал гостей и те, отдав честь, не трогали заслуженного унтер — офицера. А вот чекистам законы не были писаны. Они не обращали никакого внимания ни на заслуги, ни на семьи красноармейцев и выметали зерно у всех подряд. Бабушка Вера, опасаясь их неожиданного посещения, посоветовала Сергею зарыть несколько мешков с зерном на самом видном месте — в воротах, что и было сделано. Утрамбовали землю, присыпали пылью, несколько раз провезли по этому месту телегу и оставили лежать зерно до лучших времён. Сколько потом чекисты, из приезжавших в село продотрядов, не рыли двор, гумно, внутри построек, но ничего не нашли, кроме нескольких пудов зерна для посева. К тому же брат Никита на фронте сохранил кобылицу, на которой уехал на фронт, и после демобилизации приехал на ней домой, что в совокупности с двумя старыми меринами уже составляло внушительную тягловую силу в хозяйстве. А она, ох как нужна была в то голодное время. Гражданская война, тиф и голод выкосили миллионы людей. Народ обнищал до предела, во многих домах не было даже куска хлеба, не говоря уже о запасах зерна.

Война закончилась, а правительство все сильней закручивало гайки, продолжая посылать продотряды в деревни для выколачивания хлеба у голодных и нищих крестьян. Партийное руководство страны не понимало или не хотело понять, что страна разорена, разруха коснулась не только предприятий, но и сельского хозяйства страны. Ленин прямо заявил, что крестьянство — это мелкобуржуазная стихия, что эта стихия страшней всех Деникиных, Колчаков и Юденичей вместе взятых. Это говорил тот, который никогда не работал в поле, а всю свою сознательную жизнь занимался подготовкой государственного переворота, а затем и кровавой гражданской войны на своей родине. В итоге вся эта преступная политика привела к тому, что у людей лопнуло терпение, и они взялись за оружие. Восстанием были охвачены Черноземные губернии, Украина, Дон и Сибирь. Вспыхнуло восстание матросов в Кронштадте. Для подавления

восстаний пришлось бросить значительные силы регулярной армии. Но партийное руководство страны вскоре убедилось, что военной силой нельзя победить народ и в скором порядке нужно менять всю государственную политику.

В 1921 году, в разгар крестьянских восстаний и повального голода, десятый съезд партии принял программу о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике партии (НЭП). Большевики были вынуждены заменить продразверстку продналогом, и разрешили крестьянам сдавать государству только часть своей продукции, а излишки разрешили оставлять себе и свободно продавать на рынке. Прошло два года, и Россия была завалена продуктами. За эти два года Пономарёвы основательно встали на ноги. Выручили припрятанное зерно и три лошади. После роспуска армии многие крестьяне купили выбракованных в коннице лошадей. Купили лошадь и Пономарёвы. Егор Иванович поделился со своими братьями зерном и этим помог им выбраться из нужды. Как- то Сергей услышал, что пришел домой Хохол и отправился к нему в гости. Иван побывал на многих фронтах, уцелел и не был даже ранен, но Сергей застал его в полной растерянности. Семья бедствовала, перевелась скотина, давно не засевалась земля и питались, в основном, с огорода. Жена и две дочки смотрели на отца печальными глазами, в которых застыли и мольба, и надежда, и ожидание. Сергей в этот же день отвез ему немного зерна и, получив позже пенсию, помог купить лошадь.

Прошло семь лет с того времени, как Сергей вернулся домой после ранения. У него было уже три дочери и сын, народилось две дочери и сын у Никиты. Умерла мать, жена Егора Ивановича, но зато женился младший брат Яшка. Был он безобидным, покладистым и послушным сыном. Природное добродушие и желание всем помогать сделало его всеобщим любимцем взрослых и детей. Единственный раз в своей жизни он пошел против воли отца, выбрав себе в жены неприметную Дуняшу из бедной семьи Лавлинского Петра. Была она, как и Яша, тихой, покладистой и робкой женщиной. Она никому не перечила, молча переносила обиды, была покорной и старалась быть незаметной. Гражданская война ушла в прошлое, зарубцевалась память о не пришедших с фронта, подросло новое поколение, забылся голод, унесший в могилы почти половину населения села. Люди встали на ноги, успокоились, в домах появился достаток, и жизнь вошла в норму. Руки у Сергея основательно поджили, не мучили боли и судороги. Они свободно сгибались и разгибались в локтях. Пальцы правой руки вошли в норму и только на левой они

оставались неподвижными, что, однако, не мешало ему работать физически. Приспособился. Егор Иванович выдал замуж дочку Прасковью за сельского кузнеца Володьку Пономарёва. Нет, он не приходился Егору Ивановичу родней, а просто был однофамильцем. К этому моменту в семье Пономарёвых насчитывалось восемнадцать человек: девять взрослых и девять детей. Изменился мир, изменилась жизнь, но люди не изменились. Как жили их предки, так они и продолжали жить. Весь уклад жизни, быт оставались прежними. Все та же грязь, неустроенность, насекомые довлели над людьми, но они даже не пытались исправить что — то к лучшему, а вернее всего не знали, как это сделать. Бабушка Вера пыталась, было, наладить быт своего семейства, но вынуждена была отступить от этой затеи из-за полного безразличия окружающих.

Ко второй половине двадцатых годов крестьяне залечили раны, крепко встали на ноги. Земли было достаточно, урожаи радовали. Значительно прибавилось скотины. Но с этим достатком появилась у крестьян и новая забота. Они не знали, куда деть хлеб. Хлебозаводы и элеваторы закупали только сортовые зерна, а откуда им было взяться у крестьян, если они веками культивировали только свои захудалые семена. Горевали и Пономарёвы. Никита побывал во всех местах, где можно было сбыть зерно, доехал до Ростова на Парамоновские мельницы, но там и своего хлеба некуда было девать. Сергей лучше других понимал сложность этой ситуации, зная, что ни взятки, ни высокие цены на зерно, ни случайная продажа не решает этой проблемы, тут нужно что-то другое. Он припомнил рассказы Корольского о ведении сельского хозяйства и земледелии в Западной Европе, в Америке, и решил последовать их примеру. Но для того, чтобы перестроиться по западному образцу, закупить инвентарь, приобрести семена и удобрения, нужны были деньги, и деньги не малые. Сергей прикинул, что если продать по хорошей цене все зерно и скот, то и тогда не наберется достаточной суммы. С отцом и братьями строить планы не было смысла, и он решил посоветоваться с бабушкой Верой. Выбрав время, когда в малой избе она осталась одна, он пришел к ней и рассказал о своей задумке. Бабушка Вера сразу же одобрила его планы и пообещала оказать ему посильную помощь. Кроме того, она пообещала привлечь к этому делу не только отца и братьев, но и дядей. Одному ему будет не только трудно собрать деньги, но и уговорить отца и братьев решиться на такой шаг.

— А пока, — сказала она ему, — ты никому об этом не говори, а поезжай на Воронеж, где, судя по газетам, проходит сельскохозяйственная выставка. Посмотри на новинки, поговори

со специалистами, посоветуйся с ними, как и с чего начинать, а потом и поговорим!

Выбрав момент, Сергей подался в город. Побродив полдня по выставке, он познакомился с новинками сельхозинвентаря и ценами на него, элитными семенами пшеницы, ржи, ячменя, овса, проса, даже пробовал их на зуб, а потом заглянул в отдел животноводства. Неожиданно он наткнулся на группу людей, явно интеллигентного вида, которые о чем-то оживленно разговаривали. По своему виду они никак не походили на крестьян, и его заинтересовало, что они здесь делали.

— Может быть, это начальство? — подумал он, и решил подойти со своим вопросом. И не ошибся. Случай свел его с заведующим Воронежской опытной станцией Нечаевым, на территории которой располагалась выставка. Когда Сергей подробно рассказал ему о своей задумке и попросил совета, тот внимательно выслушал его и, обратившись к своим спутникам, сказал:

— Ну что я вам говорил? Вот и ответ на ваши сомнения. К нам приходит крестьянин и просит продать ему не борону или плуг, а помочь ему наладить сельское хозяйство на базе новой технологии. Это уже что — то значит. Я уверен, что первая ласточка покажет путь сюда и остальным. Прошу всех пройти ко мне в кабинет, и расспросить подробнее нашего гостя о положении дел в деревне!

Кабинет располагался в одноэтажном деревянном домике из двух небольших комнат и тамбура. Войдя в дом, Сергей был ошарашен обилием всевозможных цветов, растущих из плошек и стоящих во всех возможных местах. Возле окна стоял стол под зеленым сукном, окруженный рядом стульев. Нечаев пригласил всех присесть, позвал секретаршу, пожилую женщину со следами былой красоты, и попросил приготовить чай. Когда все расселись, он обратился к Сергею:

— Вы сказали, что вас величают Сергеем Егоровичем? Так скажите нам, Сергей Егорович, что заставило вас обратиться к нам? Что вас заставило приехать на выставку?

Сергей задумался, пригладил волосы и ответил:

— Это долгая история!

— А мы не спешим! Ты вот попей чаю и расскажи все по порядку, нам все очень интересно!

— Если честно, то заставила меня земля!

— Как это так? — спросил один из присутствующих.

— В нашем селе, при царе, большая часть земли, причем лучшей земли, принадлежала барину Сомову. Остальное было поделено между крестьянами. Наделы выделяли только на

мужиков. Вот тут и выходила накладка, ведь у одного бедолаги рождались одни девки, а у другого — одни мужики. А ведь девки тоже есть хотели, их надо было отдать замуж, готовить им приданное. И мыкал такой мужик нужду до самой смерти. А теперь барина нет, землю раздали крестьянам, да еще стали ее нарезать на всех едоков, а не только на мужчин. Вот у нас в семье было четыре мужика и шесть женщин, и хоть землицы маловато, но кое-как перебивались, не голодали. Сейчас в нашей семье живет восемнадцать душ и землю нарезали на всех. Хоть семья и большая, но призадумаешься, что делать с этой землей? Мужиков как было, четверо, так и осталось. Если при царе можно было принять батраков из малоземельных и безземельных мужиков, то теперь все получили землю и говорить о найме не приходится. Да и не выгодно использовать наёмный труд, если землю обрабатывать приходится по-старому — сохой, да деревянной бороной. Сеять из лукошка, косить серпами, молотить цепами, веять решетом. Так сколько для этого нужно рук и времени? Вот я и пришел к выводу, что без техники и научного подхода результатов не получить!

— И сколько же времени, Сергей Егорович, понадобилось вам, чтобы прийти к такому выводу?

— Задумался я о своей крестьянской судьбе давно, еще в отрочестве. Прочитал несколько книжек о жизни в деревне, что заставило меня иначе взглянуть на окружающую жизнь. Но ничего поделать не мог, и поэтому, в надежде на перемены в лучшую сторону, не колеблясь, встал на сторону большевиков. Воевал, был ранен. В лазарете случай свел меня с грамотным человеком. Был он из поляков. Жил в Германии, Франции, учился в Московском университете. Вот он и рассказал мне о жизни людей в этих странах, о том, как там занимаются сельским хозяйством. Да я и сам видел, как обрабатывали землю на полях барина!

— А теперь скажи, Сергей Егорович, много ли в вашем селе найдется таких мужиков, как ты? — Допытывался любопытный Нечаев, явно заинтересованный необычным собеседником.

— Да как вам сказать? — спустя некоторое время ответил Сергей. — Думаю, что с десяток найдется!

— Они тоже думают так же, как и ты?

— Трудно сказать, чужие думки — потемки, но я считаю, что и они задумываются, как быть дальше!

— А почему только ты приехал к нам за советом? Почему же другие не приехали с тобой, не последовали твоему примеру?

— Тому много причин. Во-первых, многие из них просто не знают, что проходит такая выставка, ведь они не читают газет, да

и спросить не у кого. Из города к нам никто не приезжал, чтобы рассказать людям, как надо вести хозяйство. Вот и живут они по старинке, как жили их отцы и деды, а если учесть, что крестьянин недоверчив и подозрителен, то новое не сразу приживется на деревне. Во-вторых, цены. Я вот походил у вас по выставке, увидел цены, и волосы встали дыбом. Чтобы купить борону, нужно продать почти сто пудов зерна. А зерно сейчас стоит гроши, да никто его и не покупает. Зерноссыпкам, вынь да положи твердые сорта пшеницы, а где их взять, если испокон веку крестьянин обходился низкоурожайной рожью. Студент Корольский мне говорил, что крупные помещики выписывали посевной материал из-за границы, а потом высокосортное зерно туда же и сплавляли. Приводил пример, что саратовский хлеб специально закупали для английского королевского двора. Как-то давно мне попалась в руки брошюрка, где говорилось, что Россия вывозила за границу 20 % всего валового урожая пшеницы, 200 миллионов штук яиц, обеспечивала до 80 % всего мирового сбора льна. Правда, особой выгоды от этого крестьяне не имели, но государство копило валюту, имело возможности закупать за границей необходимые товары, вести строительство важных объектов для страны. Сейчас у нас зерна тоже полно, но продавать некому, вся торговля на нуле!

— И что же ты, Сергей Егорович, предлагаешь? — подзадоривал Нечаев, видя, что тот увлекся своим красноречием.

— Я понимаю, — разошелся Сергей, — что у государства нет средств, чтобы делать закупки, но их нужно найти любыми путями. Вот если у меня нет средств на что-нибудь, то я стараюсь их найти. Продаю корову, лошадь, овцу, свинью, бабьи холсты, ее приданое. Наконец, занимаю у соседа. Так неужели у государства нет возможности найти средства, чтобы помочь крестьянину? Не верю! Ведь у него золото, драгоценности. Нет средств — займите у соседей, но помогите крестьянам встать на ноги. Продайте ему в кредит необходимый сельхозинвентарь, обеспечьте его высокосортным зерном, породистым скотом и через два года этот крестьянин не только расплатится с государством по кредитам, но и наполнит казну валютой!

— Все о чем вы, Сергей Егорович, говорили, правильно и справедливо, — выслушав его, заметил Нечаев, — но нам с вами не дано право решать проблемы в масштабе страны. Вот у себя, на местах, мы обязаны внедрять самые лучшие приемы агротехники, учить крестьян культурному ведению хозяйства. Мы с коллегами и стараемся это сделать. На своей опытной станции совместно с сельскохозяйственным институтом работаем над выращиванием элитных сортов различных культурных растений, но база у нас

невелика, да и сама работа требует длительного времени. И еще, как ты сам сказал, мужики — народ косный, недоверчивый, а для того, чтобы переубедить его, потребуется не меньше времени, чем для получения элитных семян. Вот и давай, Сергей Егорович, помогать друг другу. Одно дело, когда мужик просто познакомиться с достижениями опытной станции, другое, когда он своими глазами увидит то же самое у соседа через межу. Ну, Сергей Егорович, по рукам?

— Выходит, что я должен у себя такую же опытную станцию создать?

— Вовсе нет, работай, как работал, но от тебя потребуется применить в земледелии новую технику, новый семенной материал, и на деле показать своим соседям преимущество нового перед старым. Кстати, ты рассчитываешь на работу только одной семьи?

— Хоть нас и четыре мужика в семье, да и хозяйство у нас неслабое, но и нам не под силу будет купить всё необходимое. Поэтому я думаю, что необходимо привлечь к этому делу семьи братьев отца, а если получится, то я приглашу еще знакомых и друзей.

— Ну что ж, друзья, соловья баснями не кормят! — Нечаев повернул голову к присутствующим — Думаю, все убедились, что Сергей Егорович, человек дела, а поэтому мы должны в силу своих возможностей помочь ему, тем более что он сам первым обратился к нам. Он просил у нас совета, вот и дадим ему совет. В первую очередь ему нужно подобрать инвентарь. Если он думает для обработки земли объединить три семьи, то для этого им понадобится, как минимум, три двухлемешных плуга, три бороны, и хотя бы две пароконные сеялки. Это все для посевной кампании. Потом, позже, придется приобрести три веялки, две конные косилки и конную молотилку.

— Да если бы мы собрали деньги со всего села, то и тогда хватит на все! О чем вы говорите? — замахал руками и замотал головой Сергей.

— А ты, Сергей Егорович, не горячись! — усмехнулся Нечаев. — Я перечислил инвентарь, который вам будет нужен в первую очередь, но это не значит, что вы должны его сразу весь купить, можно приобрести и по частям. Я могу помочь тебе в приобретении некоторого количества элитных семян для посева, но за них тебе не придется платить. Проведем мену, баш на баш! Ты привезешь мне свое зерно, а я тебе дам свое. Правда, за два мешка твоего зерна я дам один и это потому, что мое зерно стоит в два раза дороже, чем твое. А вот насчет инвентаря нужно обратиться к начальнику облземотдела товарищу Базилевскому. К

нему мы сходим завтра. У тебя есть, где переночевать?

— У меня здесь живет сестра!

— Вот и хорошо. Приходи завтра к девяти часам утра к памятнику Никитину, я буду тебя ждать, а сегодня я постараюсь попасть в облземотдел и подготовить наш завтрашний визит.

Наутро в небольшом кабинете на втором этаже Облисполкома их встретил Базилевский, крупный человек с заметной сединой, одетый в полувоенную форму. Он вышел из-за стола, пожал Нечаеву с Сергеем руки, жестом пригласил их присаживаться, а сам остался стоять на ногах.

— Прошу извинить меня, что не могу уделить вам много времени, вызывают в Обком, но я уже дал указание своему заместителю и главному бухгалтеру разобраться, оказать всякое содействие и дать человеку все, что ему нужно!

Базилевский в упор посмотрел на Нечаева.

— Поддержите его, ведь он создает кооператив, а за этим будущее! Насколько мне известно — это только первый шаг у нас в области.

— Но даже за минимум инвентаря ему придется выложить огромную сумму денег! — заметил Нечаев.

— А банк для чего? Он распух от денег, а крестьяне даже не знают о его существовании. Дадим Пономареву все, что ему нужно под наше поручительство, допустим, сроком на три года под пять процентов годовых. Я понимаю, что сроки жесткие, но если он толковый хозяин, то вытянет. А главное, если он справиться, то это будет примером для других. Но деньги ему на руки не дадим, все расчеты будет вести наша бухгалтерия, и рассчитываться за кредит он будет тоже с нами, а не с банком. Главный бухгалтер в курсе дела и всю документацию оформит от имени облземотдела. Весной пришлите в село толковых агрономов, чтобы они помогли наладить работу. А теперь извините за то, что оставляю вас, некогда. А вы, не откладывая в долгий ящик, идите к моим заместителям и оформите отношения!

Вернувшись домой, Сергей сразу же пошел к бабушке Вере. Он подробно рассказал ей о своей поездке в город. Кого там встретил, о чем говорил, что ему обещали, какие бумаги подписал. Одним словом, обо всем. Бабушка высказала свои опасения тем, что уж очень короткий срок кредита и, чтобы выплатить его в срок, придется хорошо поработать и потуже затянуть пояса. На это Сергей ответил, что Нечаев ему намекнул, что в случае чего установленный срок можно будет продлить. Бабушка Вера вышла из-за стола, тихо прошла по горнице, думая о чем-то своем сокровенном. Сергей невольно любовался своей

бабушкой, которая в свои девяносто лет еще не выглядела дряхлой старухой. Потом она, словно очнувшись, подошла к столу, села на скамью и тихо заговорила:

— Я, Сергей, искренне поддерживаю твою мечту об обработке земли на новый лад — это похвально. Настало время работать по-новому. Но понимаешь ли ты все трудности, с какими тебе придется столкнуться? Заранее знаю, что не понимаешь. На этом пути тебе встретится столько камней и ухабов, что обойти их понадобиться много сил, терпения. Теперь, Серега, поговорим о деньгах. Конечно, при хорошем урожае можно поднатужиться и выплатить долги, но будет очень трудно. А если неурожай? Залезешь в кабалу и век не рассчитаешься. Надежды на одну родню никакой не питай, а поэтому приглашай в пай и посторонних мужиков. И чем их будет больше, тем лучше. Мужиков нужно пригласить серьёзных, работящих, многосемейных, лучше всего тех, у кого взрослые дети — мужчины. Если каждая семья внесет свой пай в общую копилку, то легче будет расплатиться с кредитом, а платить придется, ох как много. Я ведь читаю и знаю, что и сколько стоит. Вот пишут, чтобы купить ребенку карандаш, крестьянину необходимо продать пуд зерна, а ты задумал купить не карандаш и не ручку, а машины. Вот такие дела, внучек! Думаю, нужно пригласить свата Рыбина, свата Чульнева, кума Ивана Лавлинского и свата Попова, а там видно будет. Ты сам обойди всех, поговори с ними, но не открывай пока всех карт, не пугай их трудностями, а больше говори о выгодах совместной работы, о возможностях приобрести сельхозтехнику. Учти, что тебя люди уважают, и воспользуйся этим!

Этим же вечером в дом Пономарёвых стали собираться родственники и знакомые. Первыми пришли братья Лавлинские — кум Пономарёвых Иван Иванович и Николай Иванович. Хотя они были родными братьями, но между ними не было никакого сходства. Если старший, Иван, был среднего роста, плотного телосложения, плечист, и от всей его фигуры веяло какой-то первозданной силой, то Николай, наоборот, был высок, худощав, жилист, с красивым лицом, в отличие от брата, у которого и лицо, и голова были словно высечены из каменной глыбы. Потом появились младшие братья Егора Ивановича — Митрофан и Алексей. Первый был копией старшего брата: невысокого роста, худощавый, с небольшой бородкой и усами. Алексей же был выше среднего роста, с хорошо выбритым лицом, с кудрявой светло-русой головой и благообразным лицом. С гамом и стуком в избу ввалились Рыбины — три сына Митрона Глухого, все высокие, стройные, плечистые, от них так и веяло силой и удалью. Следом

за ними в дверях показалась медвежья фигура самого Митрона. С приходом Митрона в избе как-то стало теснее, словно она уменьшилась в размерах. Его квадратная фигура, с плечами в косую сажень, сразу заполнила все пространство от дверей до печки. Дом у Рыбиных был обширней и выше, чем у Пономаревых и Митрон, остановившись посередине избы, окинул взглядом стены и потолок, словно убеждаясь в их прочности, и поспешил к задней стене. Последними пришли сват Попов Никанор и сын Митрофана Пономарёва — Симон. Оба низкорослые, худощавые. Никанор был по своей природе тихим, а тут при виде уважаемых людей совсем стушевался и поспешил забиться в угол. Симон, всегда деятельный и подвижный, ввиду своей молодости тоже держался тихо и старался не выпячиваться.

Мужики расселись по лавкам, скамейкам, некоторые сидели на корточках у печки. В плотной пелене дыма от цигарок, висевшей от пола до потолка, слышался приглушенный говорок. Ни детей, ни баб в избе не было. Кто был у бабушки Веры, кто гулял на улице, другие управлялись со скотиной, дабы не мешать серьезному разговору.

Разговор начал Сергей:

— Вы, наверное, хорошо помните нашего барина, хорошо помните и его поля. Кто из вас не завидовал его урожаям? А почему? Он обрабатывал землю не так, как мы. У него, в отличие от нас, был железный плуг, а отсюда и глубина пахоты. У него были так же железная борона, косилка, веялка и сеялка. Кроме того, он, несмотря на свою жадность, всегда приглашал агронома, а мы так толком и не знаем, как сеять и что сеять. У Сомова с руками забирали зерно, а мы не знаем, как его сплавить. Дело в том, что он сеял элитные семена и собирал отборное зерно, а у нас наполовину с половой. Я привел в пример Сомова не зря. Потому что жить так, как мы живем, больше нельзя, тем более так работать.

Сергей замолчал, боясь, что до мужиков не дошли его слова. Молчали и мужики, переваривая сказанное. Наконец, покашляв в кулак, заговорил Иван Лавлинский. Сергей обрадовался, зная, что друг не подведет и поддержит в любом случае.

— И что, Серёга, ты предлагаешь?

— Ну, в первую очередь, нужно закупить такую же технику, какую имел Сомов, не хуже!

В это время в избу вошел сват Григорий Чульнев с двумя сыновьями — Петром и Семеном. Все трое рослые, жилистые, словно сделаны на одну колодку. Поздоровавшись за руку с мужиками, они расселись, и Григорий спросил, обратившись ко всем присутствующим:

— О чем речь идет?

— Да вот, Сергей говорит, что нужно закупить новую технику, а старье сжечь — усмехнувшись, ответил Иван Лавлинский, — а как ты, Григорий, думаешь?

— Ты, Хохол, не смейся, я уже слышал об этом. Дело стоящее.

— Но Сомову присылали эту технику германцы, а кто нам пришлет? — Подал голос Егор Иванович.

— А нам германцы не нужны, — ответил Сергей. — Все, что нам нужно, имеется в Воронеже. Только что я приехал оттуда и все видел своими глазами. Мало того, если мы всерьез возьмемся за дело, то нам не только дадут все необходимое, но и заплатят за все, а мы будем должны отдать долг в течение трех лет. Даже обещали прислать агрономов, чтобы обучить нас правилам земледелия и даже снабдить элитными семенами.

— Свежо придание, но вериться с трудом! — съязвил Егор Иванович, — наобещают золотые горы, а потом в кусты.

— Ты, батя, никому и ничему никогда не верил, — вспылил Никита, — вот и ковыряй землю своей сохой, а мне надоело!

— Прошу всех успокоиться, — подал голос Чульнев, — Серега дело говорит, а поэтому нужно подумать и все обсудить.

Сергей помнил слова бабушки Веры насчет отца и боялся, что тот может испортить всю обедню. Ему хотелось привлечь на свою сторону Рыбиных, но они молчали. Его беспокоило, что сам Митрон плохо слышит и не все понимает, а сыновья, без его согласия, ничего не решают. Другие молчали потому, что не имели своего мнения и ждали реакции состоятельных мужиков.

— Серега, — спросил Григорий, — вот ты говоришь, что отдать долги за технику нужно в течение трех лет, а если будет неурожай? Как тут быть?

— Мне сказали, что если будем хорошо работать, но не сможем по каким-то, не зависящим от нас причинам, вовремя отдать долги, то нам продлят срок выплаты.

— А как быть с работой? Вот соберемся всеми, но семьи — то разные. У одних больше работников, у других больше или меньше земли, а как будем урожай делить? Поясни, дядя Серёжа! — спросил Симон и даже привстал с лавки.

— Вопрос правильный. Я долго думал об этом и отвечу, что ничего делить мы не будем. Сколько есть у кого земли, пусть она у них и остается. Мы создадим кооператив только для совместной обработки земли. Каждая семья будет убирать урожай со своей земли для себя. Сколько соберёт урожая, столько и засыпет в закрома. А вот пахать, сеять, косить и молотить будем совместно. Пока попробуем так, а там видно будет, толкач муку покажет. Сначала нужно привыкнуть помогать друг другу. В случае чего мы

должны помочь любому из нас, если у него что-то случиться. Теперь вопрос о деньгах. Я считаю, что не нужно ждать три года, а сейчас же собрать, сколько сможем денег и сделать первый взнос, чтобы не влезть в кабалу.

— А как быть, Серёга, с долей взноса? Кто и сколько должен отстегнуть в общий котел? — подал голос Алексей Пономарев.

— Я, дядя Леша, знаю, что у всех, кроме тебя и свата Никанора, наделы приблизительно равны. Вот вы и вложите настолько меньше других, насколько ваши наделы меньше их наделов. Думаю, что это справедливо.

Сергей чувствовал, что идея совместной обработки земли заинтересовала большинство присутствующих, а это уже победа. Особенно порадовал вопрос дяди Алексея, отвечая на который, он всем доходчиво объяснил щекотливую проблему формирования начального капитала. Его беспокоили Рыбины, от которых пока не услышал, ни да, ни нет. И тут он опять вспомнил слова бабушки Веры, которая предупреждала о сложности в решении денежных вопросов. Как только разговор зашел о деньгах, мужики заткнулись, словно спрятались в улитку. Наконец Хохол сказал, что если так нужно, то он готов. Следом дали согласие Чульневы. Остальные, пока отмалчивались. Сергей прекрасно знал, что у всех хоть небольшие, но деньжата водились, но извечная подозрительность и крестьянская жадность перевешивали здравый смысл. В избе нависла тягостная тишина. Неизвестно чем бы все закончилось, если бы в избу внезапно не зашла бабушка Вера. Она поприветствовала мужиков, подошла к столу, поставила четверть самогона, а потом обратилась к внуку:

— Что, Сергей, зажались мужики? А ты ждал от них чего другого? Ведь наш мужик, что баран, упрется в ворота, ничем не своротишь. Вот они сидят и думают, а вдруг их обманут. Деньги отдашь, а как их потом вернуть? А вдруг будут неурожай? А вдруг его поле засеют плохо, вдруг последним? А вдруг у него урожай будет хуже, чем у других? И будут они думать и чесать затылки до тех пор, пока не расчешут их до крови. Придется нам, бабам, взять землю в свои руки и повести этих мужиков за собой!

Бабушка Вера замолкла, осмотрев насмешливо мужиков, потом достала из кармана юбки десять золотых двадцатирублевок и бросила их на стол:

— Вот мой взнос на новое дело и, думаю, не последний!

С этими словами она повернулась и бодро ушла к себе. Не успела она закрыть за собой двери, как в избу вошли три снохи Егора Ивановича и стали споро накрывать на стол. Мужики зашевелились и начали рассаживаться вокруг огромного стола. После первой рюмки начался обмен мнениями. То ли самогон, то ли блеск золота вдохновил мужиков, но они друг за другом стали давать обещания на участие в покупке сельхозтехники. Сергей сгреб золото в руку и протянул отцу:

— Быть тебе, Егор Иванович, теперь кассиром. Соберешь взносы со всех и запишешь в тетрадь, кто и сколько сумел внести задатка!

После долгих лет военного и голодного лихолетья природа словно сжалилась над горемычным крестьянством и подарила им несколько лет хороших урожаев. Крестьяне ободрились,

воспрянули духом, и, казалось, даже посветлели лицами. Амбары ломились от хлеба, во дворах было тесно от скотины, да к тому же были мизерные налоги. Повезло и кооперативу. За два года они рассчитались с кредитом, да еще кое-что прикупили. Этому способствовало то, что они ввели правильный севооборот, тщательную обработку почвы, вносили удобрения, применяли современную технику и сортовые семена. В течение всего сезона радовали сначала глаз дружные и густые всходы, затем правильные ряды высокой нивы и, наконец, крупные, налитые золотом колосья. Причиной тому были не только дружная работа кооператоров и беззаветная любовь к земле, но и на первый взгляд, бескорыстная помощь со стороны заведующего опытной станцией Нечаева. Вначале Сергей так и думал, но потом убедился, что эта помощь не совсем бескорыстна. До него дошло, что начальство из Воронежа пытается превратить поля кооператива в своего рода филиал опытной станции и СХИ. Побывали у кооператоров не только Нечаев, но и профессор СХИ Минин, председатель Облземотдела Базилевский, не говоря уже об агрономе Дементьеве, который бывал частым гостем в деревне. Потом к ним зачастили мужики из соседних сел, дотошно допытывались до всех мелочей, восхищались урожаем, разнося весть по всей округе. Восхищаться было чему. У кооператоров урожай зерновых превышал урожай соседей в два-три раза, зерно было отборным и его с большим желанием брали государственные ссыпки и частники, а это было важно, ибо малопродуктивный и засоренный хлеб не находил сбыта. Правда, излишки хлеба позволяли держать больше скота, но мясо было так дешево, что производить его было не выгодно. И все же излишки хлеба позволяли крестьянину не думать о куске насущном. Как следствие благополучия, участились свадьбы, что не могло не сказаться на повышении рождаемости на селе.

Кооператоры, почувствовав преимущества коллективного труда, теперь не только совместно вели сев, косили, молотили, веяли, держали единый семенной фонд, но и стали совместно распоряжаться собранным урожаем. В первую очередь на каждый двор выделялось необходимое количество зерна на еду людям, на корм скоту и птицам. Излишки зерна, после засыпки посевного материала, шли на продажу, а эти излишки были внушительными. Кооператив обзавелся конной молотилкой, сеялками, в каждом дворе были плуги, бороны и веялки. Кооператоры богатели. К ним не только присматривались, но и стали проситься принять к себе. Против этого возражали все члены кооператива, и Сергей советовал приходившим к нему мужикам создавать свои коллективные хозяйства. Мужики

вздыхали, чесали затылки, но ничего не делали. Кооператоры, в порядке взаимопомощи, помогали друг другу в строительстве, в заготовке сена, уборке овощей и во многих других крестьянских делах. По этой причине Алексей Пономарёв и Никанор Попов заявили о своем выходе. Все хорошо понимали, что им, семьи которых состояли только из двух человек, не было смысла тянуть ту же лямку, которую тянули многосемейные кооператоры. С ними согласились, но пообещали, в случае необходимости, оказывать помощь. Вместо выбывших, в кооператив были приняты Дымков Никифор и Попов Егор Яковлевич. Семья Дымковых была многочисленной, религиозной, работящей и не скандальной. Из этой семьи происходила жена Егора Ивановича, Домна. Одним словом, они приходились Пономарёвым сватами. Попов Егор был полной противоположностью Никифору. Слыл дерзким, неуравновешенным, никому не давал спуску и легко, если было нужно, пускал в ход кулаки. Об этом знали все члены кооператива, но против никто не стал возражать, поскольку Егор считался очень падким, даже жадным на работу и был женат на двоюродной сестре Егора Ивановича. Урожаи все эти годы были отменными, были высокими и доходы. Удалось повысить урожай не только зерновых, но и пропашных культур. Завели высокопродуктивный скот и птицу. Все это и дало возможность Егору Ивановичу быстро и без нужды отселить сыновей, Сергея и Никиту, построив им добротные дома. Расселились Рыбины и Лавлинские. Дымковы и Чульневы продолжали держаться за дедовские обычаи, жить большими семьями, а Попов Егор не делился потому, что два его сына были еще подростками.

Шел 1928 год. Став полноправным хозяином, Сергей обустраивал усадьбу и полностью погрузился в хозяйственные дела. Хотя его перебитые руки и давали о себе знать, он срубил конюшню, коровник, свинарник, амбар, курятник и посадил сад. Фасад украшали ворота и калитка, набранные из тёса в «елочку». Бессмертным спутником в его делах был сынишка Ваня. Хотя ему к этому времени исполнилось всего пять лет, но отец хотел уже с этого возраста приучать его к труду. Правда, помощник из него был слабенький, но отцу с ним было веселее, да еще их объединяла и мужская солидарность. Девчата были старше Вани, жили своими заботами и для отца интереса не представляли. Старшая Мария, тихое, робкое существо, была загружена по горло заботой о младших, уходом за скотиной и работой по дому. Вторая, Татьяна, была полной противоположностью Марии. Бойкая, шумная, за словом в карман не лезла и не признавала никаких указаний в свой адрес. Если её пытались заставить выполнить ту или иную работу, то эта затея всегда заканчивалась

провалом. Всё делала только по собственному желанию, и находила тысячу причин, лишь бы не выполнить порученное. И приходилось бедной Марии отдуваться за двоих. За свой нрав Татьяне часто перепадало от матери, но сломить её характер, подчинить её своему влиянию мать так и не смогла. Самым незаметным и тихим существом в семье была третья дочь. К этому времени Анюте исполнилось семь лет и, по крестьянским меркам, она была достаточно взрослая, чтобы выполнять посильную работу. Как-то: нянчить детей, доить коров, носить из родника на коромыслах неполные ведра с водой и множество других работ. Мать хотела научить её выполнять некоторые обязанности, но из этого ничего не вышло. Она внимательно выслушивала наставления, не возражала, не отнекивалась, покорно соглашалась, но выполнять работу не спешила. Она так долго собиралась с духом, так долго и медленно спешила взяться за дело, что Дарья, женщина горячая в работе, в конце концов махнула на нее рукой, оставив ее в покое со своими тряпичными куклами. Жена Сергея, вселившись в новый дом и, освободившись от страха перед свёкром и бабушкой Верой, дала волю своему характеру. Выросшая в семье, где правил отец, державший всех в страхе и нужде, она боялась всего. Боялась темноты, собак, лошадей, боялась мышей, боялась всевозможных зверюшек и особенно людей. При этом она ненавидела свою трусость, а заодно и всех окружающих. А как известно, именно страх рождает жестокость. Дарья не была исключением из этих правил. Все, что накопилось у нее в душе за свою тридцатилетнюю жизнь, полную страха и самоунижения, она теперь с избытком выплеснула на голову мужа, начав осаду с мелочей, но методично. Старалась всячески унизить все его начинания и всё, чтобы он не делал. Ей не нравилась планировка дома, словно она до этого жила в тереме. Ей не нравились надворные постройки, хотя там, где она родилась и выросла, во дворе был один обвалившийся сарай. Пилила она Сергея за то, что при разделе ему достался самый паршивый скот, самая плохая сбруя, что он вообще рохля и бездарь. Попытки Сергея возражать ей и доказать, что она не права, упирались в стену насмешек и сарказма. Дарья прекрасно понимала, что Сергей не только создал кооператив, был его руководителем, но и пользовался всеобщим авторитетом, слыл грамотным и умным человеком, с которым советовались. Дарья решила покончить с ореолом славы мужа и стала методично внушать Сергею, что он не такой уж умница, что другие мужики умнее его. Они не лезут в начальники, а делают свои дела по-тихому. Каким бы ни был Сергей покладистым и терпеливым, но, в конце концов, не вытерпел, и начались скандалы. Он защищал

мужскую честь и достоинство, она же, закусив удила, несла по ухабам и кочкам, прибегая к хитростям, на которые способны только женщины. И кончилось это тем, что в один из летних дней, когда кооператив управился с посевной, Сергей оделся и пешим подался в Воронеж.

Зеленя вдоль дороги радовали дружными всходами и ласкали глаза ровным изумрудным ковром будущей нивы. В другое время Сергей непременно зашел бы посмотреть посевы поближе, но сейчас его думы были заняты другим. К тому же, не успел он выйти за околицу села, как начал капать дождик и вскоре пошел как из ведра. Ветер усилился, его дыхание становилось резким и пронизывающим. Тучи серыми клубами все ниже и ниже опускались над землёй, потом они уступили место почти черному цвету, и небо превратилось в сплошную мглу. Когда Сергей дошел до опушки Сомовского леса, он промок до нитки. Ноги разъезжались по вязкому чернозёму, ветер дул в лицо, каждый шаг давался с трудом, но он шел с упорством обречённого, кипя злостью и обидой. В лесу ветер стих и только крупные потоки дождя непрерывно шумели в листве деревьев. Дойдя до Семилук и остановившись на развилке дороги, круто спускавшейся к Дону, он решил дойти до Ендовищ, где жил Павел Никифорович Приходько, по образованию и опыту работы агроном, который частенько помогал своими советами кооператорам. На дождь Сергей уже не обращал внимания, так как был мокрым с головы до ног. Спустившись по пологому спуску к селу и, не встретив ни души, быстро прошел мимо красивой, выложенной из красных кирпичей церкви, и зашагал к домику Павла Никифоровича. Хозяин словно ждал гостя, стоя на крыльце, прислонившись к дверному косяку. Он пожал Сергею руку и, ни о чём не спрашивая, жестом пригласил в дом. Видя, что гость основательно промок, хозяин достал из сундука сухую одежду и заставил Сергея переодеться. Потом вынул бутылку водки, налил полный гранёный стакан и подал гостю. Сергей выпил водку одним залпом, полез на теплую печь и тут же уснул. Павел Никифорович выжал мокрую одежду и расстелил её сушиться на горячие кирпичи печки. Сергей, проспав почти до вечера, встал свежим и бодрым. Дождь перестал, и на небе весело сияло солнце. Он послал хозяина за водкой и, когда тот принес бутылку, приготовили закуску и принялись за трапезу. Так продолжалось целую неделю. Сергей старался заглушить обиду и злость, но, как не старался, добиться этого не мог. С каждым днем повальной пьянки мутный осадок обиды только копился у него в душе. Под пьяную руку он рассказал другу о своих проблемах. Выслушав откровения Сергея, Павел Никифорович долго молчал,

а потом ответил:

— Видишь ли, Сергей! Противостояние между мужем и женой существуют с тех пор, как существует семья. Когда вы жили в семье, то твоя жена терпела и боялась свёкра и свекрови, боялась пересудов соседей, боялась священника, и этот страх сковывал её волю. Вместе с этим копилась ненависть и злость к окружающим и, особенно к тебе, потому, что ты не ограждал её от замечаний свекра и свекрови, пересудов снох и золовок. А когда вы отделились, то вся ненависть вылилась тебе на голову. А как это делать, женщину не надо учить. Еще наш классик написал, что у бабы ум догадлив, на все хитрости повадлив. И если бабе попала шлея под хвост, то её ничем нельзя будет ни переубедить, ни доказать свою правоту. Недаром говориться, что спорить с бабой, это все равно, что носить воду решетом. Кроме того, если мужчины по своей психологии, по уму, развитию, по взглядам резко отличаются друг от друга, все они разные, то женщины все сделаны на одну колодку. Я прожил жизнь и не встретил ни одной умной женщины, ибо они думают не головой, а сердцем. У них абсолютно нет логики. Всё, что они делают, все их поступки подчинены не трезвому рассудку, а ежеминутному капризу. Есть анекдот, в котором свекровь, желая показать свою власть над молодой невесткой, замучила её придирками. Чтобы она не сделала, свекровь упрекала её, говоря, что всё не так. Однажды молодка не вытерпела и спросила: «Скажи, мамаша, а как надо делать?» И в ответ на это услышала: «Я сама не знаю как, но не так!» Вот и твоя жена не является исключением из правил. Дай ей время пожить без тебя. Жить можешь у меня, у меня никого нет, я бобыль!

Поблагодарив за предложение, Сергей отказался, а наутро, попрощавшись с хозяином, на попутной подводе уехал в Воронеж.

Прошло больше месяца после ухода Сергея, а от него не было ни слуху, ни духу. Мужики неоднократно ездили в Воронеж, искали его везде, но все было напрасно, словно в воду канул. По селу прошли слухи и пересуды. Особенно в этом деле старались снохи и золовки, мстя Дарье за ее вздорный и ехидный характер. Никто не осуждал Сергея, виня во всем только жену. Многие, злорадствуя, спрашивали у нее: «Что, мол, Сергей еще не приехал?» Наконец, она не вытерпела и, скрепя сердце, пошла к свекру. Егора Ивановича дома не было, и Дарья зашла к бабушке Вере поделиться горем. Та высказала ей все, что она думала о ней, не щадя ни ее чувств, ни гордыни. Сноха плакала навзрыд. У бабушки на лице не дрогнул ни один мускул, и она сказала, что нужно было плакать чуть пораньше, а теперь нечего зря распускать сопли. Иди домой, а я отправлю Егорку в город, чтобы

привез Сережку, а сама не будь стервой.

Вечером бабушка Вера позвала к себе сына и объявила, чтобы он ехал в город, нашел Сергея и привез его домой. Егор Иванович пожал плечами и попытался объяснить, что его уже искали мужики, но не нашли. Где же еще он его искать будет?

— Твои мужики такие же тупые, как и ты, а поэтому поедешь в воскресенье на хлебный базар, найдешь там Ваньку Жандара. Спросишь у него, где искать Сергея, он и скажет.

Мудрая бабушка Вера знала, что советовать сыну. Иван Поляков или Ванька Жандар, родился и рос в этом же селе, в котором жили Пономаревы, а теперь обретался в Воронеже, где возглавлял шайку уголовников. Путь Ваньки в преступный мир был извилистым и непростым. Семья Поляковых жила недалеко от Пономаревых. Жили они не очень богато, но и не бедно. В одну из несчастных ночей, когда вся семья спала мертвым сном после трудового дня, загорелся у них дом, крытый соломой. Пока били в колокол, пока собрался народ, дом вспыхнул факелом, похоронив под обуглившимися бревнами всю семью. В живых от огромной семьи остался только Иван, бывший с лошадьми в ночном. Приютила его родная тетка Нюрка Полякова, сестра отца Ивана. Жила она бобылкой, была веселого нрава, разгульная и жадная до умопомрачения. Хотя жила она одинокой, но достаток в её доме был, и не хватало только мужских рук. И вот, если не было счастья, то несчастье помогло нежданно и негаданно. В доме появился работник в лице племянника. К тому же люди спасли скотину, которую Нюрка прибрала к рукам. Слыла она в селе, да и в округе первой самогонщицей и все прохожие и проезжие выпивохи в любое время суток могли утолить у нее жажду. За самогон она брала не только деньгами, но не отказывалась от продуктов и тряпок. Мужики несли ей кур, яйца, муку, пшено, сало, мясо, несли холсты из сундуков своих баб и даже подушки с валенками. Всем этим и объяснялся достаток в доме Нюры. Так как она круглосуточно была занята своим ремеслом, в перерывах пьянствовала, а после попойки отсыпалась, то вся работа по хозяйству свалилась на плечи Ивана. За все с него спрашивала строго, наказывала, а кормила впроголодь. Кроме картошки в мундире, да кислых, пустых щей Ивану не доставалось ничего, хотя погреб, кладовки ломились от мяса, сала, сметаны и других лакомств. А так как он рос и организм требовал еды, то он стал потихоньку приворовывать. Сначала приноровился собирать в курятнике яйца, потом, когда тетка после попойки спала мертвецким сном, снимал у нее с шеи ключи, забирался в погреб и тащил оттуда сало, сметану и соленья. Не хватало ему только хлеба, ибо тетка не только вела

строгий учет караваям, но и метила постным маслом каждую краюху хлеба. Но однажды тетка застукала Ивана в погребе, закрыла на замок ляду и продержала его там двое суток, очевидно рассчитывая отучить от воровства. Выпустив Ивана из погреба, она поняла, что допустила промах и чуть не порвала на себе волосы. За двое суток Иван основательно подъел сметану, опорожнил все горшки с молоком. Сало без хлеба много не съешь, но Иван, желая досадить тетке, пообкусывал все хранящиеся в погребе соленые куски и побросал их на земляной пол. Нюрка за это так выдрала племянника, что он не мог ни лечь, ни сесть. Однажды, выждав, когда тетка уехала в город на базар, Иван сложил в мешок продукты, одежду и обувь, облил углы дома керосином, поджег и, прячась от людей, подался в город. В Воронеже, поначалу, Иван просил подаяния, а потом стал воровать с возов на хлебном базаре. Вскоре его приметили воры. Поначалу его поколотили для порядка, но все же приняли в воровскую шайку. Здесь, под руководством опытных воров, он окончил с отличием воровской университет и стал опытным и хитрым грабителем. С годами Иван вытянулся, раздался в плечах, окреп, возмужал и налился силой. Век преступника не долог. Если не пристрелят во время налета, то сам зачахнет от частых побоев. Но Иван, ловкий в делах, сильный и отважный, постепенно, шаг за шагом, подбирался к вершине власти преступного мира города. Кличка Жандар, искаженное от слова жандарм, как не лучше характеризовала характер Ивана. Его уважали за риск и удачливость в делах. Даже ближайшее его окружение боялось расплаты, если плохо выполняли его приказы. Его знали в городе и боялись не только члены шайки, но и городские жители, и крестьяне со всех окрестностей. Вот к нему и послала своего сына за помощью бабушка Вера.

Егору Ивановичу повезло. Не успел он пройтись по базару, как увидел Жандара, который, заложив за спину руки, вальяжно шествовал между рядами многочисленных повозок, тесно прижатых друг к другу. Глядя на этого верзилу, Егор Иванович даже оробел, но помня наказ матери, собрался с духом и двинулся ему навстречу. Подойдя к нему, он поднял козырек фуражки и поклонился, словно встретил своего благодетеля. Жандар, улыбнувшись, крепко пожал его маленькую руку, а потом, узнав, раскинул свои клешни, и крепко прижав к своей груди голову Егора Ивановича, похлопал его по спине. Мужики и бабы, наблюдая сцену, поспешили припрятать за свои зады узлы и уздечки.

— Да, дядя Егор, давненько мы не встречались с тобой! — Весело проговорил Жандар. — Я, ведь частенько вспоминаю наше

село, наших людей. Особенно бабушку Веру, которая и кормила меня, и обшивала. Как она там, жива ли?

Они нашли свободное местечко и продолжали разговор, словно закадычные друзья.

— А ведь ты, дядя Егор, не случайно встретился со мной, у тебя какое-то дело ко мне?

— Не случайно, конечно, Иван! — И Егор Иванович рассказал о своей заботе, о своей нужде и горе.

Жандар похлопал его по плечу:

— Твоему горю, дядя Егор, я постараюсь помочь. Ты приехал на лошади? И это хорошо, так как нам придется кой — куда проехать. Так что? Поехали?

— Ты, Иван, не сомневайся, я ведь могу заплатить!

— Ты за кого меня принимаешь? Я не забываю плохое, но помню и хорошее. Меня бояться и хорошо делают, но вы Пономарёвы и особенно бабушка Вера сделали мне столько добра, что не забуду до конца своих дней.

После этих слов Жандара, Егор Иванович посмотрел на него другими глазами. Он только сейчас заметил, что Иван был красив. Темно русые кудри кольцами спадали на сильную загорелую шею. Точёный нос, темно-серые глаза, обрамленные темными дугообразными бровями, упрямый подбородок выдавали в нем не только широкую душевную щедрость, но и упрямство в достижении своей цели. И только одно вызывала у Егора Ивановича недоумение — то, что Иван был одет очень бедно. Застиранная белая рубашка навыпуск, такие же штаны и огромные, грязные, босые ноги. Егор Иванович не знал, что весь этот маскарад был придуман Иваном для отвода глаз от его персоны. Он выдавал себя за босяка, а не грозного повелителя городского преступного мира. Между тем они проехали конный ряд, минули Новодевичье кладбище и выехали на просторную накатанную дорогу, ведущую к реке. Лошадь бежала бойко и скоро они запутались в паутине Чижовской слободы. Возле небольшого приземистого домика Иван приказал остановиться и спрыгнул с телеги. Он пригласил Егора Ивановича и, открыв низкие двери, вошел в сени. В маленькой комнатке Егор Иванович увидел несколько пьяных мужиков, но при появлении Жандара все, хоть и с трудом, но встали. На грязном столе, с остатками еды, громоздилась целая батарея пустых бутылок из-под водки. Жандар махнул рукой, чтобы сели и, указав пальцем на менее всех пьяного громилу, приказал:

— Клин, приведи Серёгу!

Тот быстро вышел в другую комнату и через минуту вернулся с Сергеем. Егор Иванович посмотрел на своего сына и не узнал.

Перед ним стоял опустившийся человек, с опухшим лицом и явно с глубокого похмелья. Сын был одет в грязное исподнее. На нём не было ни рубахи, ни штанов, ни сапог, ни пиджака, словно он находился в бане. Жандар дал Егору Ивановичу немного полюбоваться и сказал:

— Клин! Все шмотки Серёге вернуть, одеть его, обуть и привести в божеский вид.

— Скажи, Иван, почему он раздет и разут? Почему он в таком виде?

— А потому, дядя Егор, что он всё проиграл в карты.

Вскоре Егор Иванович, Жандар и Сергей тряслись в телеге обратно в город. На хлебном базаре Егор Иванович хотел было распрощаться с Жандаром, но тот велел поставить лошадь во дворе трактира и предложил им перекусить. Егор Иванович с опаской и страхом въехал в довольно широкий и тщательно подметённый двор. Жандар легко и проворно спрыгнул с телеги. Бородатый, благообразный дворник в белом фартуке с метлой в руке с удивлением взирал на нахалов, без спросу вторгнувшихся в его владения. Узнав Жандара, дворник поспешно снял с голову картуз и низко поклонился ему, словно перед ним был не босяк, а глава города. Тот не обратил на поклон дворника никакого внимания, а только спросил, у себя ли хозяин? Получив утвердительный ответ, Жандар велел дворнику распрячь лошадь, напоить и накормить её, а потом знаком пригласил Егора Ивановича и Сергея следовать за ним. Войдя через черный вход в трактир, они увидели довольно чистое помещение, заставленное длинными деревянными столами, чисто выскобленными и вымытыми. Посетителей было не очень много, в основном работники базара. Не успели они войти в трактир, как некоторые посетители поспешно вылезли из-за столов и заторопились к выходу. Тут к ним поспешил половой в чистой белой рубахе, в плисовых штанах и тщательно начищенных сапогах. По тому, с каким добродушием половой встретил Жандара, было видно, что он прекрасно знал, кто перед ним, но ничем не выдавал своего знакомства. Он проводил их в дальний угол, усадил за квадратный стол, накрытый выутюженной белой скатертью с синими полосами по краям. Перед столом стояли не скамейки, а венские стулья. Пока гости рассаживались, половой на миг отлучился и тут же появился хозяин. Был он в годах, среднего роста, крепок телом, с румяным лицом, обрамленным аккуратно подстриженной бородой и пышными усами. Волосы на голове были аккуратно расчесаны на прямой пробор и все без единой сединки. Одет он был изыскано, а через весь живот из одного кармана в другой тянулась массивная золотая цепочка. К столу он

подошел плавной походкой и, расцветая лицом, подал руку Жандару, потом Егору Ивановичу и Сергею.

— Давно, Иван, ты не наведывался в наше заведение, уже стал подумывать, а не случилось, что с тобой.

— А что со мной может случиться? — Не совсем ласково ответил хозяину Жандар. — Решил, Анисович, со своей родней навестить тебя в твоей берлоге, а поэтому прошу любить и жаловать. Давай, обслужи нас по первому разряду!

Хозяин сделал незаметный знак половому, который стоял в стороне и не спускал с него глаз. Тот тут же исчез и, спустя некоторое время, на столе появился графин с водкой, холодная заливная осетрина, холодец, овощная закуска, мягкий ржаной хлеб и яичница, приправленная салом. Потом пошли паровые котлеты, жареный гусь, фаршированный гречневой кашей, жареные куры и другие мясные деликатесы. О существовании некоторых поданных на стол блюд ни Егор Иванович, ни Сергей даже и не подозревали. Голод давно уже давал о себе знать и они, не ожидая приглашения, с ожесточение набросились на эти яства. Основательно выпив и насытившись, они откинулись к спинкам стульев и на некоторое время погрузились в сладостную дремоту. А Егор Иванович стал прикидывать в уме, сколько будет стоить эта еда и хватит ли у него денег, чтобы расплатиться с хозяином. Жандар, видя, что гости наелись, пригласил к себе хозяина и завел с ним какой-то непонятный разговор.

— А что, Анисович, не балуют у тебя весёлые ребятишки?

— Бог миловал! Недавно зашел Хлыст с братвой, подвыпившие все и начали куражиться. Я его отозвал в сторону и сказал, что пожалуюсь тебе, и он тут же увел свою компанию.

— Понятно, больше он никогда не зайдет к тебе!

Потом повернулся к своим спутникам и сказал:

— Ну, нам пора домой!

Жандар встал абсолютно трезвым, и пошел к выходу. Егор Иванович и Сергей последовали за ним. Лошадь была уже запряжена и ждала хозяина, нетерпеливо роя ногой землю. Жандар попросил Егора Ивановича дать трешку дворнику. Тот подал деньги и спросил:

— Иван, а как же быть с хозяином, ведь ему тоже надо заплатить?

— А вот это, дядя Егор, не твоя забота! Считай, что ты был у меня в гостях, а как известно, с гостя денег не берут. Он мне больше должен, чем я ему. А почему так, все равно не скажу. А ты, Серёга, поезжай домой и больше не чуди! Ты крестьянин, а не босяк и не урка. У тебя дети, жена, хозяйство — вот и занимайся. Брось пить и никогда не играй в карты. Мои шулера учатся этому

мастерству с детства, и даже я, зная все их фокусы, не сяду с ними в очко играть. А теперь счастливого вам пути, предавайте от меня привет всем родным и знакомым, особенно бабушке Вере!

Он пожал им руки, повернулся, широкими шагами пересек улицу и вскоре затерялся в базарной толпе.

Выехав из ворот, Егор Иванович повернул лошадь вправо, но Сергей остановил его, сказав, что хорошо было бы подождать до вечера и не показываться днем на глаза людям. Егор Иванович не стал возражать и предложил заехать к дочери, сестре Сергея, которая жила неподалеку, рядом со Щепным базаром. Они пересекли Большую Московскую улицу и остановились у старенького двухэтажного домика, где на втором этаже размещалась семья дочери. Поставив лошадь во двор и, вручив рублевку дворнику, они по ветхим и скрипучим ступенькам поднялись на второй этаж. В квартире из двух проходных небольших комнаток их встретила Верка, обрадовалась, засуетилась, усаживая гостей. Потом захлопотала с обедом, но отец отказался, сказав, что они сыты и им нужно только отдохнуть до вечера. Зятя дома не было, не было и детей и они, убаюканные тишиной, быстро уснули. Разбудил их пришедший с работы зять. За окном сгущались сумерки, нужно было торопиться с отъездом. От еды гости отказались, и не потому, что было уже поздно, а потому, что не хотели выслушивать нравоучений, на которые был богат недалёкий, но претендовавший на ум зять. Попрощавшись с хозяевами, отец с сыном вышли во двор, запрягли лошадь, дали еще рублёвку дворнику и повернули лошадь к воротам. В это время выбежала Верка и вручила Сергею узелок с какими-то гостинцами. К селу они подъехали затемно, но к дому поехали не по Большаку, а пробрались тихими гумнами.

1928 год был на исходе. В тот год осень выдалась погожей, сухой, солнечной и теплой. Над убранными полями плывет серебристая паутина, переливаясь в лучах низкого солнца. Оно уже не жжет, как в июле, не разливает утомительного зноя, как в августе, а только блестит. Пустынны нивы и скот свободно, без присмотра, лениво бредет по вольным кормам, а с ним и пастырь, неизменный сельский пастух Ефимка Култышкин. Если перейти мост, перекинутый через сонную Ведугу, и подняться по крутому склону Пристинка, то перед вашими глазами откроется строгая и величавая степная даль в золотистых лучах заходящего солнца. Иногда однообразный вид этой равнины оживляется ярким изумрудом озимых, одиноким осевшим стогом, сиротливо приютившимся на краю луга или обвалившимся шалашом. Над

селом стоит стон от мерных и частых ударов цепов. На гумне Митрофана Пономарёва стрекочет молотилка, гудят веялки. Люди молотят хлеб, отдают долги, запасаются на зиму продуктами, ремонтируют постройки, ибо крестьянину не на кого и не на что надеяться, кроме своих погребов и амбаров. Надо кормить себя, детей, скотину, кормить всю страну, которой всегда мало. А еще страна хотела, чтобы хлеб хранился не в амбарах крестьянина, а в «закромах Родины». И наполнять эти закрома большевики из Политбюро ЦК ВКП (б) решили поручить тем, кто всю жизнь не пахал, не сеял, не жал. Такой опорой на селе для партии стал Митька Жук-секретарь партийной ячейки.

Своей кличке — Жук, Дмитрий Степанович Лавлинский был обязан отцу, человеку безграмотному, недалекому, задавленному нуждой и беспросветной работой, хотя ни в его облике, ни в его повадках не было ничего жуковского. Был он светловолос, синеглаз, выше среднего роста, стройный, поджарый, быстрый в движениях. Пять дочерей, которыми наградила Матрена своего Степана, богатства в его дом не добавили. До революции землю на баб не давали, и крутился Степан на своем пятачке, перебиваясь с кваса на хлеб. Что только не делала Матрена, чтобы господь послал им сына, но вновь и вновь рождались девки. Грешно было, но Степан с Матреной всякий раз в душе радовались, когда бог прибирал очередную нахлебницу, лишний рот и заботу. Бабки — знахарки протягивали Матрену через хомут, запрягали в сани, сажали верхом на свинью, поили настоем из трав и куриного помёта, но она друг за другом родила одиннадцать девок, из которых в живых осталось пятеро. Наконец, спустя много лет, когда уже была потеряна всякая надежда, Матрена к удивлению всех родила мальчика. Родители не могли на него надышаться, а для взрослых сестер он стал игрушкой и забавой. И когда его сверстники пасли овец и свиней, ездили в ночное, пахали и боронили землю, Митька, обстиранный, обмытый и расчёсанный, беззаботно отсыпался на сеновале или печке. Учёба в школе ему не давалась и он, не окончив и двух классов церковно-приходской школы, категорически отказался ходить в неё. Дома все согласились с его мудрым решением, думая, что он будет хорошим помощником отцу, но, покинув стены школы, он не спешил ни в поле, ни в ночное. Шли годы безалаберного Митькиного житья. Так и рос он, ничего не делая, ничему не учась, словно репейник на меже. Но вот в 1919 году, к удивлению всего села, Митька ушел добровольцем в армию Будённого, проходившей через село. Вернулся Митька в конце 1920 года из Крыма лихим кавалеристом, в длинной до пят шинели с разговорами, в

красноверхой кубанке, синими галифе с кожаными разводами, саблей и наганом на боку. Огорошенный блеском сына Степан, всю свою жизнь проходивший в разбитых лаптях, посконной рубахе и портах, развел руками и сказал: «Ну и Митька, ну и… жук!». С тех пор и пошло за ним по селу это прилипчатое слово, заменившее собой и фамилию, и имя, и отчество. Служба в армии сложилась для Митьки удачно. Заметив шустрого и симпатичного паренька, один из командиров взял его к себе денщиком. Поход на Варшаву закончился не кровопролитными боями, а беспробудной пьянкой, насилием и грабежами на польской земле. Брать Перекоп армии Будённого Фрунзе не доверил, заменив ее второй конной армией Миронова. Армия Будённого вошла в Крым уже после разгрома Врангеля с поручением произвести зачистку полуострова от отдельных групп белогвардейцев, дезертиров, бывших сильных мира сего, а так же купчиков и аферистов всех мастей. С этой задачей они справились блестяще, заодно основательно почистив карманы, баулы, повозки и дома арестованных. Потом начались расстрелы, которыми руководили пламенная Землячка и венгерский коммунист-интернационалист Белла Кун. За четверо суток было расстреляно более 70 тысяч воинов генерала Врангеля, представителей дворянства и интеллигенции. Все это время Митька исправно нёс службу. Обязанности денщика были разнообразными, но не утомительными: он должен был следить и содержать в исправности обмундирование своего начальника, его постель, ухаживать за его конём, заботиться о еде, а также обслуживать командиров и комиссаров, когда их приглашали в штаб дивизии. При походной жизни он целые дни бил баклуши, не любил своих обязанностей, но зато преображался, когда на совещания собирался командный состав, и жадно слушал их рассуждения, высказывания, набирался ума и разума. Ближе к окончанию боевых действий все чаще и чаще в разговорах начальства звучала озабоченность за свою будущую судьбу. Война подходила к концу, и каждый задумывался о дальнейшей жизни. Большинство считало, что война еще не окончена и что Красную Армию обязательно бросят вслед за остатками армии Врангеля, поскольку пролетариат Западной Европы ждет и не дождется ее прихода, чтобы покончить с акулами империализма. Многие из комиссаров и командиров говорили, что после разгрома Врангеля им дадут немного отдохнуть, набраться сил и тогда снова вперед — на Европу. Все эти рассуждения и мечты людей, оторвавшихся от реальной жизни, от народа, от земли и научившихся только убивать, находили благотворную почву в душе малограмотного и недалекого Митьки. И когда его демобилизовали, он был

полностью уверен, что это только кратковременный отпуск перед решающими боями с мировым империализмом. Даже участвуя в кровавой расправе с обезоруженными пленными в Крыму, Митька по своей наивности считал, что эти бывшие русские крестьяне, волей случая попавшие не в красную, а в белую армию, и были гидрой империализма, которой он, Митька, своей твердой рукой безжалостно рубит голову. Возвратившись, домой, он тут же заявил отцу, что хозяйством ему заниматься некогда и ему, Митьке, еще предстоят впереди жаркие бои с врагами трудового народа. Из этих слов Степан вывел заключение, что его сын приехал только на побывку, махнул на него рукой и оставил в покое, тем более, что теперь с него, как с члена семьи красноармейца, не брали налоги. Мать украдкой вытерла слезу, а младшая сестра с мужем, жившие в родительском доме, были рады такому повороту дела, посчитав своего братца свихнувшимся раз и навсегда. Такого же мнения были и односельчане. Через некоторое время, не дождавшись мировой революции, Митька подался в уезд и там ему объяснили, что мировая революция откладывается на неопределенный срок, а пока нужно налаживать жизнь на селе. Оттуда он привез бумагу с печатью, которая гласила, что ему предписывается создать в бывшем имении барина Сомова коммуну из бывших батраков и беднейшего крестьянства. Уговорить голодных людей переехать в имение барина не представляло труда, тем более, что свои обещания он подкрепил конкретным делом, получив из каких-то фондов тридцать пудов ржи, две лошади и телегу. Заколотив свои хатёнки, люди с чугунками и барахлом потянулись к бывшим барским хоромам. Всего в коммуну записалось тринадцать семей: десять мужиков, семнадцать баб, шестьдесят восемь ребятишек. В конюшне у них лежало три лошади, четыре коровы, две овцы, а по двору ходило четыре десятка кур. Овец и кур коммунары съели на устроенном празднике в честь открытия коммуны с гордым названием «Вперед, к победе мировой революции!». Зима в тот голодный год выдалась лютая и снежная. Деревни вымирали сплошь и рядом. Голодом было охвачено 34 губернии России. Поели собак, кошек, не говоря уж о скотине, кое-где дошло до людоедства. Отец Василий не успевал отпевать усопших, хотя и сам от голодухи еле волочил опухшие ноги. К началу весенней посевной, когда ввели НЭП, коммунары съели и коров, и лошадей и семенной фонд, но зато, благодаря Митьке, спасся от голодной смерти весь цвет сельской бедноты, ставшей впоследствии его опорой и надеждой. С введением НЭПа, Митька вновь оказался не у дел. Мировая революция задерживалась, коммуна лопнула, крестьяне получили землю, трудились на полях и все перестали

обращать внимание на Митькины выкрутасы. Да и как было не трудиться после долгой голодной зимы и более страшной весны 1921 года, если вся надежда у крестьянина была только на свои руки и будущий урожай.

Прошло некоторое время и люди встали на ноги. Завелся хлеб, а с ним и скот. Люди стали постепенно отстраиваться, жениться, рожать детей, и только Митька Жук все эти годы жил бобылем, словно одинокая былинка при дороге, обдуваемая всеми ветрами. Он по-прежнему не помогал отцу и жил на его шее, не ведая ни стыда, ни совести. Но даже ему, принципиальному тунеядцу, надоело садиться за отцовский стол. И он решил жениться. Стал Митька перебирать невест в селе и остановил свой выбор на Сашке, младшей дочери Егора Ивановича. До этого он никогда не встречался с ней, а видел только мельком. Да и вообще с девками не знался, ни за кем из них не ухаживал и они для него просто не существовали. А выбрал он потому, что была она красивой и статной. К тому же, из семьи зажиточных людей, которые должны были дать за невесту богатое приданое. Егор Иванович, считал Митька, не поскупится самое малое на корову, лошадь и несколько овец, даст немного денег, а там, глядишь, и дом построит. Однажды он заявил отцу, что надумал жениться. Степан, хлебавший пустые щи, поперхнулся, вытер ладонью губы, положил на стол ложку и уставился на сына выпученными глазами, словно перед ним возникло привидение. Когда до него дошел смысл сказанного, Степан в душе возблагодарил бога за то, что тот наставил сына на путь истинный и что его сын, в конце концов, взялся за ум.

— Ты, что ж, и невесту приглядел?

— Приглядел, и давно. Хочу сватать Сашку Пономарёву, — ответил Митька и ударил ребром ладони по столу, словно отрубил концы своей холостяцкой жизни.

— Что ж, эта Сашка, чья будет? Чьих Пономарёвых?

— Чьих, чьих! Да Егора Ивановича, младшенькая!

— Что ж, девка она видная, красивая, все при ней, да и люди они самостоятельные, работящие, живут крепко, — словно рассуждая с самим собой, медленно перебирая слова, говорил Степан.

— Только, Мить, не отдаст Егор Иванович девку за тебя!

— Это почему же? Что я калека, урод? Рыло не красивое?

— Да нет, парень ты видный, только ты не от мира сего. Работать не работаешь, а занимаешься, черт знает чем, одно паскудство. Пономарёвы люди работящие и такой зять, как ты, им будет не ко двору.

— Хватит скулить! Ты бы лучше приоделся, вечерком сходил

бы к Пономарёвым, да закинул бы крючок насчет сватовства, а то, не изведав броду, сунемся в воду.

В одно из ближайших воскресений Степан в новых лаптях и чистых онучах, пригладив лампадным маслом жиденькие волосы на голове, направился к Пономарёвым. На высоком крыльце тщательно поскреб лаптями доски пола, хотя на улице было сухо, тихонько вошел в дом. Пономарёвы как раз ужинали. Из большой глиняной миски, стоящей посередине стола, поднимался вкусный запах наваристых щей. Степан, войдя в избу, снял с головы рыжий картуз, перекрестился и поздоровался с хозяином. Егор Иванович пригласил его к столу. Он долго отнекивался, но дал себя уговорить и присел на краешек скамейки. Фёкла передала ему деревянную ложку, предварительно вытерев её фартуком. После ужина, поблагодарив хозяев за еду, Степан пригласил Егора Ивановича на пару слов. Они вышли на крыльцо, присели на скамейку, закурили, и Степан изложил хозяину суть своего прихода. К удивлению и радости гостя, Егор Иванович отнесся с вниманием к его предложению, но сказал, что это нужно обсудить в семейном кругу и спросить согласия у дочки. Степан, окрылённый словами Егора Ивановича, помчался домой, не чувствуя под собой ног.

Когда стемнело, зажгли лампу, и вся семья собралась в большой избе, Егор Иванович рассказал им причину прихода Степана. Младшая сноха Дуняша фыркнула, зажала рот ладонью и выскочила в сени. Старшие снохи переглянулись, улыбнувшись, но не стали смеяться, боясь гнева свёкра. Никита, куривший у печки, покачал головой, бросил цигарку на пол, растоптал ее сапогом и насмешливо сказал:

— Он, что ж, в коммунию её поведёт, аль как?

— А ты погоди зубоскалить, тут дело серьёзное, — оборвал его отец.

— Да уж куда серьёзней, — не унимался Никита, — а кто их кормить будет? Может быть, Стёпка? Или мы будем выделять им осьмину с урожая? Он в поле ни разу не был и отец до сих пор его кормит, а тут еще жену приведёт. Так лучше уж сразу выдадим Сашку за Степана!

— Пахать и сеять не такая уж сложная штука. Приведёт жену, остепениться, возьмётся за ум, ведь жена — не хомут, а шею трёт.

— Ну, батя, пойми сам, что гусь свинье не товарищ. Мы, Пономарёвы, и — Митька Жук. Да мы станем посмешищем в селе!

— Мы, мы, Пономарёвы! — Передразнил Никиту Егор Иванович. — Что, мы? А чем Стёпка хуже нас? Мужик он работящий, а что его нужда заела, то это не его вина, а его беда. При былом безземелии не каждому было дано прокормить и

отдать замуж пять девок, а все они живут ладно. Вон недавно опять построили дом дочери. Вы лучше посмотрите на себя и своих жён. Они из каких семей? У Дарьи отец — пьяница и бабник, свою жену в гроб загнал. Фёкла, правда, из работящей семьи, богатой, но их, Рыбиных, все считают придурками. А про Дуньку и говорить нечего, ее отец так и не научился плести лапти, сбруя вся верёвочная, а дуга вечно лежит у лошади на спине. А вот Верка вышла замуж за балбеса, и ничего себе живут, аж в Воронеже. Городские, мать их! Маруська с Парашкой замужем не за королевичами, а тоже живут хорошо. А у Стёпки в роду дураков не было!

— Если не было, то мы будем первыми, — в сердцах выпалил Никита, сплюнул и добавил:

— Вы как хотите, но я — против, и на эту собачью свадьбу не пойду!

Он еще раз плюнул и вышел из избы, хлопнув дверью. В избе повисла гнетущая тишина. Мужики, молча, курили. Снохи, загнав детишек на полати, стали стелиться. Первым нарушил молчание Егор Иванович:

— Вы видели, как взъерепенился Никита? Я знаю его задумки. Ему бы, Шибаю, сейчас разделиться, пока Сашка еще не замужем, и прихватить её приданное. Он знает, что её я не обижу и наделю хорошо, да и сама свадьба станет в копеечку. Кроме всего прочего нужно думать, что Митька — секретарь партячейки, а это что-нибудь да значит. Вот в газетах только и пишут о партиях. Троцкого выгнали, НЭП прикрыли, того и гляди возьмутся за нас, а Митька, будь нашим зятем, при надобности как-нибудь пригодиться.

— Ну, как знаешь, батя, я в этих делах тебе не советчик!

Сергей встал, подошел к двери, снял с крюка фуражку и пошел на двор посмотреть скотину.

Прошло время, Степану было дано знать, чтобы слал сватов. Сватом пошел Иван Хохол. В свахи взяли Домну Жилякову, бабу языкастую, веселую, сосватавшую чуть ли не половину всех невест на селе. Шествовали они как-то вразброд, каждый сам по себе. Домна все куда-то торопилась, то забегала вперед, поджидая остальных, то вновь рвалась вперёд и без умолку тараторила, не заботясь о том, слушают ее или нет. Хохол, с вышитым полотенцем через плечо, выбритый, в хромовых сапогах с галошами, шёл размеренным шагом, держась с достоинством. Рядом с ним шел жених в постиранной гимнастерке, в галифе, в начищенных сапогах и неизменной кубанке с красным верхом на светло-русой голове. Замыкал шествие Степан. На нем была чистая рубашка, сверху приличный пиджак, такие же штаны и

новые лапти с чистыми онучами. Он шел, нагнув голову, словно стесняясь, держа под мышкой четверть с самогоном. День был воскресный и выдался на редкость теплым, тихим. Многочисленные зеваки с интересом провожали взглядом сватов и разбирали по косточкам странное, по их мнению, сватовство, предсказывая, что ничего из этого не получиться. Но вопреки всем предсказаниям сватовство состоялось. Егор Иванович дал согласие на брак дочери с Митькой и даже назначил свадьбу на покров. Правда, поговаривали, что невеста не вышла к сватам, сославшись на болезнь. При сговоре не присутствовали братья и у них не спрашивали согласия, что, по приметам, не сулило ничего хорошего. Егор Иванович заверил сватов, что это блажь девичья, скоро всё пройдет и нужно готовиться к свадьбе. И подготовка началась. В помощь снохам Егора Ивановича были приглашены бабы кооператоров. Он ничего не жалел для младшей дочери, стараясь пышной свадьбой заслужить её благосклонность и сгладить напряженность в отношениях. День и ночь гнали самогон, жарили молочных поросят, кур, варили холодец, жарили гусей, фаршированных яблоками и гречневой кашей. Из лучшей муки пекли пироги, варили лапшу. Забили бычка и несколько овец. Пригласили всех, кто хотел прийти. Столы и скамейки были расставлены в большой и малой избе и даже в сенях. О свадьбе говорили в каждом доме, у колодцев и на завалинках. Егор Иванович предложил справить свадьбу в доме у Пономарёвых. Одна только невеста ни на что не обращала внимания, ни словом не обмолвилась о свадьбе, словно вся эта кутерьма поднялась не ради неё. В день сватовства, в разговоре с отцом, она заявила, что ни за что не сядет за стол с Митькой, но теперь успокоилась, держалась ровно, без напряжения. Успокоился и Егор Иванович, глядя на её поведение без слёз и капризов.

В канун свадьбы, ранним утром, когда весь дом спал непробудным сном после трудового дня, Сашка встала, оделась и взяла узелок с бельем. Зайдя в большую избу, сняла с крючка ключи от амбара и вышла во двор. Ей навстречу кинулся огромный пёс, по прозвищу Волк, и положил свои лапы на плечи, перепугав Сашку до смерти. Придя в себя, она почесала его за ухом, оттолкнула и подошла к амбару. Смазанный замок открылся бесшумно. Она юркнула в открывшуюся щель и плотно закрыла за собой двери. Зажгла спичку, нашла подвешенный к матице фонарь «Летучая мышь» и зажгла его. Фонарь моментально рассеял мрак, и она увидела стоящую на полу и на полках целую батарею четвертей с самогоном, тазы с холодцом и бесчисленное количество жареной и пареной снеди. Взяв в углу легкий толкач, оставленный кем-то и неизвестно зачем, Сашка

стала методично, не торопясь бить им всё, что попадалось ей под руку. Всё что нельзя было разбить, было перевернуто и растоптано. Разгромив всё, что только было можно, Сашка потушила фонарь, вышла из амбара, пересекла двор и через заднюю калитку вышла на гумно, таясь от людских глаз. В село она больше никогда не вернулась.

Наутро Пономарёвы встали рано. Подняли и ребятишек. Хотя на улице было темно, но во всём чувствовалось приближение рассвета. Ревели коровы, горланили петухи, хлопали двери и стоял тот неясный шум, который извещал, что начались деревенские хлопоты. Фёкла и Дуняша пошли доить коров, мужики отправились обходить скот. Когда снохи вернулись с полными подойниками молока и процедили его, началась уборка. Дарья колдовала над тестом, готовясь печь блины и варить лапшу. Собрали постели и вынесли в поветку. Потом умыли детишек, накормили их и одели в праздничные одежды. Взрослые тоже приоделись, и за этой суетой никто не вспомнил о невесте. Кинулись только тогда, когда пришли к ней подружки, чтобы готовить невесту к венцу. Сначала отсутствию не придали особого значения, мало ли где может быть невеста, но время шло, и тревога росла. Стали разбирать вещи и обнаружили, что нет её лучшей одежды. Послали старших сестер к родным и знакомым, но никто её не видел. Как в воду канула. Отец послал Сергея на гумно проверить ригу, овин, сараи — не наделала ли она чего над собой по глупости, но везде было пусто. А между тем уже рассвело, стали собираться родные и соседи, а у Пономаревых паника. Наконец Никита сделал предположение, что она просто где-нибудь спряталась и горевать нечего. Чтобы рассеять гнетущую обстановку он предложил угостить пришедших. Егор Иванович не любил пьяных, но на этот раз промолчал, ибо возле дома собралось достаточно мужиков, любителей дармовой выпивки. Потом стали искать ключ от амбара, но он как сквозь землю провалился. Егор Иванович распорядиться сбить замок. Сергей и Яшка вошли в амбар и, увидев полный разгром учиненный Сашкой, лишились дара речи. Позвали отца, и когда тот посмотрел на все своими глазами, то невольно пошатнулся, схватился за косяк и, согнувшись, пошел в дом.

С колокольчиками под дугой, обвитой лентами, с голосистой гармошкой, с гиканьем и свистом тройка Пономарёвых, запряженная в расписной тарантас, остановилась у дома невесты. Никто из Пономарёвых, убитых поступком Саши, не догадался предупредить Степана о случившемся. Не успела тройка остановиться, как все ездоки спрыгнули на землю и подошли к толпе, запрудившей всю улицу. Иван Хохол постарался одеть в

свою одежду Степана и тот выглядел в непривычном одеянии не хуже, чем многие мужики, приодевшиеся по случаю праздника покрова. Хохол завел тройку во двор и стал распрягать. Егор Иванович опять, как и во время сватовства Сергея, доверил этот выезд только ему. Степан пошел к Егору Ивановичу, поздоровался с ним за руку и спросил о здоровье. Тот, отводя глаза, пригласил его в дом. Там он и рассказал Степану все, что случилось у них ночью. Степан, сгорбившись, вышел из дома, с трудом спустился с крыльца, махнул рукой сыну и пошел вдоль улицы. Митька, не понимая, что случилось, кинулся догонять отца. Отойдя от толпы, они остановились, о чем-то поговорили и, не оглянувшись, зашагали к себе домой.

Долго ещё Степан избегал людей, боясь взглянуть им в глаза, словно был в чем-то виноват перед ними. Митька, напротив, внешне ничем не проявил своего отношения к провалу своего сватовства, как- будто это его не касалось. Народ говорил, что с него, как с гуся вода. И напрасно, так как Митька не только не забыл своего позора, но и запомнил его на всю жизнь, поклявшись себе втайне отомстить Пономарёвым. Если бы знала Сашка, чем обернется для нее и её родни сумасшедший поступок, то смирилась бы со своей судьбой, принеся себя в жертву обстоятельствам, смирила бы свою гордыню и не подвергла своих родных тяжелым испытаниям. Но девичьи пути неисповедимы. Если бы думали они головой, а не сердцем, то многое в жизни было бы по-другому.

Дня через три после скандала со свадьбой, Митьку Жука и председателя сельсовета Александра Ивановича Попова вызвали в уезд, в комитет ВКП (б). До этого Митька был в уезде только один раз, когда создавал сельскую коммуну. Они ехали молча, хмурые. Каждый думал о своем, теряясь в догадках. Зато возвращался Митька в приподнятом настроении и даже пытался напевать какой-то мотив. Попов, наоборот, был по-прежнему хмур и неразговорчив. Приехали они домой к вечеру и тут же распорядились собрать актив. Собралось тринадцать человек, в основном тех, кто побывал в коммуне. Митька Жук оглядел присутствующих, расположившихся на скамейках, встал, одернул гимнастерку, постучал рукой о край стола и сказал:

— Товарищи, мы собрали вас по очень важному вопросу. По решению уездкома партии нам нужно провести собрание беднейшего крестьянства. Считаю собрание открытым. И прошу не курить, так как у нас есть женщины. На собрание выносится несколько вопросов, которые нам рекомендовал представитель Обкома партии товарищ Полозов. Он дал нахлобучку уезду, да и многим селам за то, что мы плохо внедряем в жизнь решение XV

съезда ВКП (б) и пятилетнего плана коллективизации. Досталось и нам с Александром Ивановичем. Мы с вами ни разу не прорабатывали решение последнего съезда, а ведь эти решения являются программой всей нашей жизни. Главное в них — это перестройка деревни, переход к общественному хозяйству — колхозу. Мы же все отдали в руки кулаков, а сами смотрим, что нам достанется. Отныне мы сами будем руководить селом и для того, чтобы объединиться, нужно размежеваться, как сказал товарищ Полозов. Для этого необходимо составить списки бедноты и списки кулаков. Бедняки все находятся здесь, а поэтому не будем о них рассуждать. Тех, кто не пришел, мы включим в списки после. А вот список кулаков нужно обсудить. Теперь мы совместно будем решать все вопросы нашей жизни и получим положительный результат только в том случае, если все будем заедино. В противном случае кулаки нас сожрут, а потому сразу переходим к составлению списка кулаков. Первичная партячейка предлагает внести в этот список следующих граждан:

1. Поляков Михаил Михайлович, мельник;
2. Рыбин Митрофан Ильич, две коровы и две лошади;
3. Рыбин Иван Митрофанович, две коровы и две лошади;
4. Рыбин Илья Митрофанович, две коровы и две лошади;
5. Лавлинский Иван Иванович, две коровы и две лошади;
6. Лавлинский Николай Иванович, две коровы и две лошади;
7. Дымков Никифор с сыновьями, шесть коров и семь лошадей, молотилка и косилка;
8. Чульнев Григорий с сыновьями, четыре коровы, две лошади, молотилка и косилка;
9. Пономарёв Митрофан Иванович, шесть коров и шесть лошадей, молотилка и косилка;
10. Пономарёв Егор Иванович, две коровы и две лошади, веялка, косилка и молотилка;
11. Пономарёв Сергей Егорович две коровы и две лошади, веялка, косилка и молотилка;
12. Пономарёв Никита Егорович, две коровы и две лошади, веялка, косилка и молотилка;
13. Попов Егор Яковлевич, две коровы и две лошади, веялка, косилка и молотилка;
14. Преображенский Василий Васильевич,

священнослужитель, настоятель церкви села.

15. Шмидт Альберт Альбертович, бывший управляющий имением барина Сомова.

16. Пономарёв Владимир Иванович, кузнец, своя кузница.

Митька положил список на стол.

— Вот список на ваше усмотрение!

Все промолчали.

— Выходит, что с предложением партячейки все согласны, — сделал заключение Митька. Но тут подал голос председатель сельсовета Попов:

— Я не согласен. Во-первых, Пономарёв Никита — орденоносец, Сергей Пономарев — заслуженный красный командир, Поляков Владимир — кузнец, ещё пригодится, Шмидт — больной старый человек и не имеет никакого имущества. Священник не имеет земли, и даже коровы. Как можно их относить к кулакам? Во — вторых, Дымкову, Пономарёвым Митрофану, Сергею, Егору Ивановичу, Никите, Попову Егору — всем записаны молотилки, а у них она одна на десять семей, — возразил председатель сельсовета. — Предлагаю для начала этих людей обсудить на уровне района, а потом решать вопрос об их учете.

Вопрос по утверждению списка кулаков решили не голосовать и прислушаться к доводам председателя сельсовета. Митька вынужден был согласиться.

— А теперь переходим к третьему вопросу, пожалуй, самому важному. Речь идет о заготовке хлеба и взимании единого сельхозналога.

Митька посмотрел в какую-то бумажку, почитал и продолжил:

— Центральный Комитет партии требует решительно проводить в жизнь постановление Совета Народных Комиссаров о налоговой компании. В стране не хватает хлеба, а кулачество саботирует его сдачу. Наша с вами задача выявить излишки хлеба в селе и эти излишки изъять. ЦК ВКП (б) ставит задачу сломить сопротивление кулаков и шире привлекать к этому сельскую бедноту, то есть вас. Это почётная и очень трудная задача. Партия предупреждает, что новая налоговая политика не должна ущемлять бедняка, а проводиться только с целью увеличения обложения налогом кулацких элементов. Партия объясняет, что налог на бедняков должен быть минимальным, а некоторых мы вообще будем освобождать от него. Мало того, нам дается право выделять до четверти всего собранного на селе хлеба на нужды

бедняков. Надеюсь, товарищи, всем понятна установка партии и правительства, а кто не уяснил, то мы разберемся в рабочем порядке. Прошу всех завтра поутру явиться в сельсовет. И последнее — нам нужно укрепить партячейку и принять в ее ряды новых членов, а поэтому прошу по вопросу вступления в ряды партии обращаться прямо ко мне. А теперь уже поздно и можете идти по домам!

Оставшись один, Митька Жук стал ходить по сельсовету. Он был весел и счастлив. Наконец-то, после сонного прозябания, он заполучил в свои руки настоящую власть. Отныне он, Дмитрий Степанович, становится истинным хозяином судеб многих людей. На радостях он сбегал к Нюрке Поляковой, попросил у нее самогону, вернулся в сельсовет, выпил целую бутылку и тут же уснул за столом. Разбудил его утром Александр Иванович. Посмотрел на опухшее лицо, усмехнулся и спросил:

— Ты так и ночевал здесь? Пойди, умойся, а то на чёрта похож!

Митька в ответ пробурчал что-то неопределенное и пошел умываться. Спустя некоторое время в сельсовет начали подходить члены группы бедноты. В этот раз люди, как никогда, появились дружно. Митька поднялся из-за стола, огляделся и стал пересчитывать пришедших, тыча пальцем в каждого из присутствующих, словно грозя карой за неповиновение.

— Товарищи! Прошу тишины. В данный момент пришло пятнадцать человек. Думаю, что для дела этого будет достаточно. А дело состоит в том, что мы должны оповестить всех жителей села о том, что на основании распоряжения уездкома партии мы обязаны собрать дополнительно пять тысяч пудов зерна, а поэтому каждому дому необходимо сдать в трехдневный срок дополнительно тридцать пудов хлеба. Если кто будет артачиться, то скажите им, что в случае отказа, налог будет удвоен и наложен денежный штраф. Такая разнарядка касается только середняков, а на кулацкие хозяйства дополнительно полагается по сто пудов зерна и по сто рублей денег. Все бедняки от налога освобождаются. Каждому из вас придется обойти примерно по десять домов и под расписку уведомить хозяина о распоряжении уезда. Каждый из вас получит у секретаря повестку с фамилиями тех, кого вам придется обойти. Хочу напомнить, что если соберете полностью контрольное задание, то четвертую часть от зерна разделите между собой. У меня все!

После краткого выступления Митьки, люди окружили секретаря Мишку Жогова и просили его не посылать их к тем, кто приходился им родственником, кумом или сватом. Митька, услышав эти просьбы, постучал по столу и громко сказал:

— Ты, Мишка, им не потакай! Вон у Дымка половина села ходит в кумовьях, а будем считаться, то не успеем. Возьми похозяйственную книгу и пиши в повестку фамилии по списку.

После этого дело пошло быстрее и вскоре сельсовет опустел. Остались Митька Жук и Александр Иванович. Молчали. Потом председатель сельсовета вздрогнул и взглянул в глаза секретарю партячейки.

— Я давно, Дмитрий, хотел поговорить с тобой. В последнее время я тебя не узнаю. По-моему заболел ты вождизмом. Все дела ты решаешь единолично, а ведь власть на селе называется Советом. Ты не только не советуешься с народом, а даже со мной, председателем сельсовета. Вот ты вчера собрал бедноту и выступил с программой устройства жизни на селе. А кто тебе дал право делать это, не посоветовавшись ни с членами партии, ни с членами сельсовета. И знаешь ли ты, как называется этот метод руководства массой?

— И как?

— Это называется троцкизмом!

— Ты говори, да не заговаривайся. Ведь это я первым выступил на окружной партконференции с разоблачением Троцкого, а ты тогда мне помогал. Я за советскую власть кровь проливал. Я у Будённого служил, а ты называешь меня троцкистом!

— Как ты мог разоблачать Троцкого, если ты ни разу не прочитал его работ и даже их не видел. Ты никогда не читал труды Ленина, да и сейчас не читаешь газет. Это вы со своим Будённым просрали польскую компанию. Вы не воевали, а занимались грабежом, пьянством и насиловали полячек. Кровь проливали за Советскую власть Пономарёвы — Сергей и Никита. Ты же всю войну чистил сапоги у командира. А то, что я назвал тебя троцкистом, это правда. Ели бы ты читал его, то знал бы, что он требовал закручивать гайки для рабочего класса, а лучшим методом управления для крестьянства считал его нищету и голод.

— А причем тут я, если хочу добра нашим крестьянам, хочу вывести их из невежества векового, хочу чтобы они жили богато?

— Если это так, то тогда почему ты обираешь крестьян, обрекая их на голодную смерть? Какой дурак подсказал тебе собрать с села пять тысяч пудов зерна? Это значит, что ты не только заставишь голодать людей, но и сорвешь весенний сев, что в свою очередь повлечет новый голод. Так какая разница между тобой и Троцким?

— А им не придется сеять, ибо к весне мы создадим колхозы и покончим с проклятым прошлым!

— Ничего ты не понял. Недаром говориться, что если бог не

дал человеку ума, то это надолго!

Александр Иванович глядел на Митьку и ждал, что критика, доводы и прямая насмешка должны были бы вызвать у Митьки хотя бы вспышку гнева, но тот, было видно по всему, был далек от сказанного и не хотел принимать критики в свой адрес. Если бы Митька вспылил, нагрубил, начал бы стучать кулаками по столу или даже бросился в драку, то Александру Ивановичу было бы легче. А так он понял, что свой пыл потратил зря. Очевидно горбатого только могила исправит. Кипя от гнева, Александр Иванович вскочил на ноги и направился к дверям.

— Ты куда? — С тревогой в голосе спросил Митька.

— Домой, куда же еще! — ответил председатель от выхода.

— А я думал, что мы с тобой обойдем кулаков и вручим им повестки насчет налога.

— Наверное, Дмитрий, ты окончательно свихнулся! — Сказал в сердцах Александр Иванович, остановившись у дверей. — Но все, же скажи мне, зачем ты отправил людей по домам, а не собрал общее собрание жителей села? А теперь еще зовешь меня в поход?

— Во-первых, на такое собрание придет не более трети народа, а, во-вторых, теперь все будут знать, что с нами шутки плохи и мы сумеем заставить людей прислушиваться к нашему голосу.

— А в-третьих, я тебе не товарищ в этой авантюре!

— Ты что ж? Против линии партии в деле ущемлении кулака? Ведь за это можно лишить партбилета.

— А ты, гнида, мне его давал? Я не против линии ЦК, я против таких идиотов, как ты. А завтра я соберу членов сельсовета и заявлю, что снимаю с себя обязанности председателя!

Он хлопнул в сердцах дверью и быстро сбежал по ступенькам.

Александр Иванович Попов был старым большевиком и в партию вступил во время работы на заводе в Воронеже. При царе побывал в ссылке, провоевал всю Гражданскую войну, был ранен. После ранения приехал в свое родное село, да так и остался в нем, отказавшись от всех должностей, которые ему предлагали в Обкоме, сославшись на плохое здоровье. Митька понимал, что вступать в борьбу с Поповым ему было не по силам, а поэтому при разговоре с ним прикинулся дураком, зная, что спорить с грамотным и заслуженным партийцем было не только бесполезно, но и опасно. И когда Александр Иванович приписал ему троцкизм, он не на шутку перетрусил, зная, что стоило тому поднять этот вопрос в райкоме партии, как он, Митька, в два счета вылетит из партии. А поэтому, когда Александр Иванович

заявил, что уходит из сельсовета, Митька вздохнул свободно. Он молил бога, что в жизни ему встретился такой благородный и душевный человек.

Село гудело, как растревоженный улей. Люди ходили друг к другу, сбивались в стайки, наведывались в сельсовет, пытаясь развеять свои мнения по поводу дополнительного сельхозналога. Некоторые предлагали жаловаться в Обком и даже в ЦК партии. Все думали о незаконности вторичного налогообложения, но сходились в одном, что эта напасть исходит от местной власти. Александр Иванович отмалчивался и на все вопросы только пожимал плечами. Члены группы бедноты, принимавшие участие в принятии решения о дополнительном налоге, сами ничего не понимали в происходящем и ничего вразумительного тоже не могли пояснить.

Ничего не мог понять в этом и Сергей, хотя лучше других разбирался в сложившейся обстановке. Он был согласен, что продразверстка в период Военного коммунизма была вынужденной, необходимой, но теперь, когда крестьяне окрепли, крепко встали на ноги, когда у них появились излишки хлеба, не мог сообразить, зачем обирают крестьян. И после долгих сомнений решил обратиться к учителю Павлу Ивановичу Озерскому. Павел Иванович, на языке сельчан Палваныч, проживал в доме Сергея в маленькой отдельной комнатке за печкой вот уже год. За это время они так и не сблизились, не стали друзьями, хотя жили дружно. Постоялец был незаметен, редко выходил из своего помещения. Даже убирал он у себя сам. Встречались с ним, когда он уходил, или приходил из школы. Еду относили к нему в комнату, и детям заходить к нему было запрещено. Два раза в месяц он просил у Сергея лошадь и ездил в город. Оттуда он привозил книги, журналы и газеты. Привозил он из города сверток выстиранного белья и вычищенные костюмы. В церковь Палваныч не ходил, ни с кем в селе не дружил. Сергей, повидавший на своем веку представителей многих сословий, сразу, по некоторым чертам его поведения, признал в нем аристократа. По тому, как он обращался к человеку, его речь, его манера носить одежду, приверженность к чистоте и другие мелочи жизни, говорили о том, что он прошел основательную школу воспитания, которая присуща только высшему свету. Из немногих минут общения с ним Сергей понял, что учитель был высокообразованным человеком. Только одно смущало Сергея, что такие люди, как Палваныч, давно перебрались за границу, а этот укрылся в деревенской глуши и жил отшельником, не желая менять свой образ жизни. Почему? Какая причина? Зарплата учителя в деревне была мизерная, разве хватало только на

керосин и тетради, но у Палваныча деньжонки водились. Ему хватало и на книги, и на одежду и на еду. Откуда? Но эта сторона мало беспокоила Сергея. Ему не хотелось беспокоить своего постояльца своими проблемами, да и что сможет посоветовать в данном случае человек далекий от деревенской жизни. Но Сергею не с кем было поговорить, излить свою душу. И он решился поговорить просто с умным человеком. Набравшись духу, Сергей постучал в дверь и вошел в комнату. Увидев хозяина, учитель встал с венского стула, шагнул ему навстречу и пожал протянутую руку.

— Прошу, Сергей Егорович, к столу! — Постоялец указал рукой на стул, усаживаясь на топчан. — Мы так мало видимся, что я очень рад этой встрече. Очевидно, серьезные причины привели вас ко мне, иначе мы бы еще долго не смогли бы поговорить друг с другом.

Сергей, идя сюда, приготовил оправдание своему приходу, но учитель опередил его. Это сразу сняло напряжение и он почувствовал большое облегчение.

Павел Иванович был выше среднего роста, хорошо сложен. Такая фигура дается природой или длительной тренировкой. Его шикарная шевелюра с обильной сединой и такие же усики выгодно обрамляли благородные черты лица с гладко выбритым подбородком. Живые темные глаза светились умом и доброжелательностью. Он явно изучал Сергея, словно увидел его впервые.

— Надеюсь, Сергей Егорович, вы пришли не для того, чтобы справиться о моем здоровье. Привела вас ко мне более веская причина. А причиной тому является дополнительное налогообложение. Я не прав?

— Именно так. Я ничего не понимаю в происходящем, но уверен, что сегодня вечером ко мне придут мои кооператоры за советом, а что я им скажу, если я сам ничего не знаю? Вот я и решил посоветоваться с вами. Может что-нибудь да подскажите?

— Конечно! Самое дешёвое в жизни — это совет и, главное, сам советчик за это не отвечает и не несёт наказания. А вообще, что говорят люди на селе? Что они думают?

— Говорят разное, но, в основном, сходятся на том, что все это идет от местных властей, желающих выслужиться перед высшими начальниками.

— Извечное заблуждение русского народа. Злодей барин и добрый царь-батюшка! — Тихо проговорил, словно в раздумье, Павел Иванович и вновь умолк, собираясь с мыслями.

— Я, Сергей Егорович, давно наблюдаю за вами, и убедился, что вы человек честный, бесхитростный и деловой. Вы достаточно

грамотный и много видели на своем веку. Вы симпатичны мне, а поэтому жалко вас. Вам не место в деревне, здесь вас сгубят!

— А как же вы, Павел Иванович, живете здесь, хотя, уверен, не ваше это место?

— Мое дело другое. Меня здесь не удерживает ни земля, ни семья, ни родственные связи. Я вольная птица. Сегодня я здесь, а завтра, допустим, в Париже. Между тем хочу сказать, что скоро уеду. Меня зовут товарищи!

Для Сергея это была неожиданная новость. До сих пор, ни о каких знакомых, родственниках, близких людях не было даже речи. К нему никто никогда не приезжал, он даже не получал ни одного письма.

— А раз так, то я с вами буду откровенен, не боясь последствий, да и надеюсь на вашу честность, что вы никогда и нигде не упомянете моего имени. Хотя мне, между прочим, теперь безразлично. А теперь к делу, давайте разберёмся с тем, зачем вы ко мне пришли. Все, что творится в селе, не является выдумкой местной власти, а целенаправленная, хорошо продуманная акция большевистского руководства страны!

— Но, Павел Иванович! То, что делается, приведет к голоду. Вот заберут зерно у крестьян, отберут семенной фонд, а чем они будут сеять весной?

— А им плевать на всех! В свое время Троцкий утверждал, что усмирить крестьян и подчинить их себе можно только голодом. Поэтому голод тоже входит в расчеты правительства, поскольку взят курс на порабощение деревни. Коллективизация Сталину нужна по двум причинам. Иметь право отбирать хлеб у крестьян бесплатно — раз и монопольное право продавать этот хлеб — два. Это новое рабство в сталинском варианте. Рабы в Риме не имели ни земли, ни другой собственности, не имели гражданских прав, а имели единственное право — на труд. Вот Сталин и старается возродить рабство в России, а для этого необходимо ликвидировать крестьянство как класс. Не только кулаков, а именно все крестьянство, и лишить крестьян права распоряжаться плодами своего труда. Одним словом — сделать крестьян бесправными.

— А не случится ли то же самое, что было в Тамбовской губернии, ведь крестьяне окрепли, почувствовали вкус права распоряжаться, как вы сказали, плодами своего труда?

— Не думаю. Большевики научены восстанием тамбовских крестьян, и больше не допустят такой ошибки. Думаю, что они, прежде чем создавать колхозы, нанесут удар по прогрессивным, но еще слабым силам деревни. И не обязательно это будут кулаки. Вот в вашем селе много кулаков? Нет. С трудом можно

назвать одного мельника, но и он никого не эксплуатирует, работает один. А я уже слышал, что в кулаки у вас зачислено больше десятка семей. Это первый ход к разобщению людей и дальнейшего их покорения. Кулаки будут злиться на бедняков, бедняки будут злорадствовать над кулаками, а середняки притихнут, боясь попасть в число кулаков. Второй ход был сделан, когда прислали директиву о взимании дополнительного налога. Сделано все с той же целью — разобщение народа. Бедноту освободили от налога, на середняков наложили дополнительно по 30 пудов на семью, а на кулаков по 100 пудов на семью и по 100 рублей деньгами. А кто мешает тем же беднякам и середнякам жить зажиточно? Но не дай бог, где-нибудь люди станут возмущаться, а тем более выступать против коллективизации. Их согнут в бараний рог и не остановятся перед расстрелами. Недаром же укрепляют войска ОГПУ. У нас, говоря откровенно, нет боеспособной, кадровой армии, но зато имеются укомплектованные, хорошо вооруженные три дивизии чекистов, не считая милиции. Для какой надобности? Разве они будут воевать с агрессором? Нет, Сергей Егорович, их подготовили для борьбы с собственным народом. Думаете, что я преувеличиваю или это плод моего больного воображения? Нет. И чтобы вы убедились в правоте моих слов, я покажу вам один интересный документик, который затрагивает ваши интересы.

Павел Иванович взял со стола какую-то книгу, перелистал и достал из нее листок бумаги, протянул его Сергею и попросил прочитать написанное на нем. Текст гласил:

«**Всем парткомам.**

Центральный Комитет партии подверг специальному обсуждению вопрос о мероприятиях связанных с взиманием единого сельхозналога и констатировал крайнюю слабость работы по проведению налоговой компании. Принятое по этому вопросу Постановление Совета Народных Комиссаров от одиннадцатого сентября полностью совпадает с постановлением ЦК. Центральный Комитет партии предлагает принять к руководству все конкретные директивы, указанные в постановлении и добиться решительного усиления всех партийных, профессиональных и советских организаций по энергичному и правильному проведению налоговой компании. Проведение всех мероприятий по исправлению недочетов и извращений ни в коем случае не должно привести к ослаблению темпа взимания сельхозналога. Необходимо шире развернуть в среде

бедняцко-середняцкой массы политическую агитационную и организационную работу, особенно по разъяснению классного характера налога. Ввиду увеличения суммы налога известные трудности неизбежны, особенно в связи со злостным сопротивлением, которое оказывают кулацкие элементы. Тем более необходимо усилить политическую работу на селе и особенно организацию бедноты. Постановление СНК получите в исполнение.

Секретарь ЦК ВКП (б) Л. М. Каганович».

Сергей прочитал и надолго задумался. Директива была отпечатана на машинке, на тонкой бумаге и не вызвала сомнений в подлинности. Наконец он поднял глаза, и посмотрел в глаза учителю.

— Теперь мне все ясно. Только зачем отбирать хлеб, потом торговать, взваливать на себя эту обузу. Не лучше было бы оставить, как было, и пусть болит голова у крестьян? — Понимаете, Сергей Егорович, ради этого и революция делалась, чтобы в результате величайшего в мировом масштабе обмана, к власти пришла небольшая группа лиц, которая от имени государства будет продавать и выставлять на продажу все, что производится в стране, в том числе и хлеб. Большевики объявили, что одним из главных завоеваний социализма в России является национализация земли, а суть национализации, что бы ты знал, заключается в отмене частной собственности на землю и передаче земли в общенародную собственность без права продажи. То есть, сначала всю землю необходимо конфисковать у ее владельцев, а затем передать в управление колхозам, которые подчинены органам власти. Все делается по плану, которым предусмотрено во что бы то ни стало обеспечить в стране высокопроизводительный труд крестьян в организованной форме. Комиссия Политбюро во главе с членом ЦК Яковлевым, выполняя решения 15 съезда о коллективизации, предложили Сталину модель такой организованной формы в виде колхозов, по подобию кооперативов еврейских переселенцев в Палестину, так называемых кибуцев. Основным принципом таких кооперативов является отсутствие у членов частной собственности, вплоть до личных вещей. Сталину предложение понравилось. Особенно то, что крестьяне, не имея ничего за душой, за регламентированный, нормированный труд в колхозе будут получать ровно столько, сколько посчитают нужным большевики, а не купцы на хлебном рынке. Доходы должно считать Политбюро ЦК партии решил он. Ну, а если кто организовываться в колхоз не собирается, сам

решил хозяйничать, объявить кулаком и подвергнуть репрессиям в назидание остальным. Так что, Сергей Егорович, за что боролись, на то и напоролись!

Павел Иванович махнул рукой, как отрезал.

— Наверное, я надоел вам своими разговорами? Что ж поделаешь, обидно и стыдно за Россию. Проснется ли она исполненная сил?

— Что вы, Павел Иванович, я так вам благодарен, что даже не могу выразить. И все же последний вопрос: что нам делать?

— Могу посоветовать только одно: смириться и ждать лучших времен. Все авантюрные государства рано или поздно разваливались, а народы остались. Много еще выпадет лишений на долю русского народа, но он все перенесет, все переборет и широкую дорогу проложит себе. Вам лично, Сергей Егорович, я посоветовал бы продать все имущество, даже раздать и бежать отсюда, куда глаза глядят. Правда в городах все еще процветает безработица, но я помог бы с трудоустройством. Сгубите вы здесь себя, поверьте моему слову!

Павел Иванович встал и пожал Сергею руку. Через неделю после этого разговора он уехал в приехавшей за ним из города повозке.

До 1929 года посторонние люди в селе бывали редко. Даже в гражданскую войну красные и белые долго в селе не задерживались, правда, раза три побывал продотряд. Теперь же зачастили уполномоченные, которые вечно куда-то торопились, требовали немедленных собраний жителей села и грозили за невыполнение их требований суровыми карами. Одни создавали комсомольские ячейки и пионерские отряды, другие распространяли облигации займов, третьи читали лекции по антирелигиозной тематике, четвертые помогали группе бедноты. Они так надоели не только местной власти, но даже членами группы бедноты, что, заслышав о приезде очередного уполномоченного, все старались укрыться в безопасном месте. Обычно в сельсовете находился Петька Лобода, в виде бесплатного сторожа и рассыльного. Петька не был коренным жителем села. Откуда привез его барин Сомов, для односельчан оставалось тайной. Люди, хорошо знавшие барина, долго судачили о его странном приобретении. О жадности Сомова ходили анекдоты. Во-первых, он был не женатым и не нанимал прислуги, не имел ни сторожей, ни объездчиков, даже поваров. А тут привез сразу четыре рта. Впоследствии оказалось, что он привез только жену Петьки Ганну, по-русски Анну, которую в селе стали называть Нюркой. Муж и два сына были просто бесплатным

приложением к Анне в прямом и переносном смысле, ибо барин запретил ей тратить на них его продукты. Хотя бы бабой была видной, под стать барину, а то черт ее знает что. Длинная, как каланча, жилистая, словно свитая из веревок. Длинные ноги, длинные руки, длинный нос на узком лице и все это без заметных выпуклостей спереди и сзади. Ходила она, сутулясь, с опущенной головой, шагала размашисто, словно мерила землю и никогда не смотрела по сторонам. Всем своим видом она смахивала на колодезный журавль, и казалось, что как и он, скрипела всеми своими суставами. При всей своей несуразной фигуре, Ганна обладала нечеловеческой силой, в чем вскоре, после воцарения ее в барском имении, убедились местные мужики.

У Ивана Хохла подгнили вереи у ворот. Для их замены нужны были два дуба. Просить их у барина дело безнадежное, не даст. А так как барин никогда из-за своей жадности не держал сторожей, то все мужики пользовались этим самым бессовестным образом и брали все, что им требовалось, без спросу. Подгадав, когда барин уехал в город, Хохол кликнул брата и они, прихватив поперечную пилу с топором, нырнули в лес. Два подходящих дуба приметили загодя, и поэтому быстро принялись за дело. Только успели спилить один дуб и обрубить сучья, как перед ними, словно в сказке, возникло привидение в лице Ганны Лободы. Нужно сказать, что хотя братья были неробкого десятка, да и силой их бог не обидел, но в тот момент, как потом рассказывал Хохол, они лишились дара речи. Не потому, что их застали за воровством, а потому, что это была баба, осмелившаяся в одиночку выследить воров в глухом лесу. Ганна не стала ругаться, не стала стыдить, а показав на срубленный дуб, сказала, чтобы они отнесли его в имение. То ли дуб оказался неподъемным, то ли со страху у них подкосились ноги, но как они не старались, поднять его так и не смогли. Тогда Ганна подошла к дубу, отстранила мужиков, взялась за корень, подняла на колено, потом взвалила бревно на плечо и понесла. Братья, понурив головы, плелись следом. Подойдя к забору усадьбы, она сбросила дуб на землю, а мужикам сказала, чтобы они шли вон. Сильно переживали братья, боясь гнева барина, но проходили дни, недели, а никто их не вызывал, не требовал с них штрафа.

С тех пор Ганну стали не только бояться, но и уважать. Этот случай доказал, что не такой уж барин был дурак, поселив у себя приезжих людей. Пока управляющий имения был в силе, он сносно управлялся со своими несложными обязанностями, но болезни подкосили его здоровье, и требовалась замена. Вот барин Сомов и нашел ему замену в лице Ганны Лободы. Она была и экономкой, и горничной, и поваром, и прачкой, и дояркой, да к

тому же верным сторожевым псом. После Февральской революции барин Сомов покинул свое имение, куда ему больше не пришлось возвратиться. Поговаривали, что он уехал за границу, но перед отъездом, за верную службу, распорядился поставить Ганне на краю села пятистенок, снабдить ее скотом, семенами, инвентарем и посудой. То есть, всем, что необходимо было ей для жизни и работы. А работать Ганна умела. Она, как заправский мужик, сама пахала, сеяла, ездила на мельницу, на базар, ухаживала за скотиной, не ожидая помощи от своих мужиков. Ее муж, Петька Лобода, был противоположностью своей жены. Маленький, едва доставaвший ее до груди, пухлый, с заметным брюшком и шарообразной головой без шеи. Голова была совершенно голой, как колено и только за ушами далеко на затылке торчали во все стороны кустики сальных волос. На плоском его лице торчал пуговкой носик, под которым кустились жиденькие мочальные усы над толстыми губами, обрамленными снизу такой же, как и усы, растрепанной жиденькой бородкой. Но главной отличительной чертой Петьки от жены было то, что он был принципиальным бездельником. Он не только не хотел, но абсолютно не умел ничего делать. А так, как Петька принципиально не хотел работать, то Ганна перестала его кормить, обшивать и обстирывать. Воровать он не умел, да и боялся. И наступили для Петьки черные дни. Ходил он теперь немытым, нечесаным и голодным. Зимой и летом в своем неизменно рваном полушубке, в валенках разного цвета, из дыр которых торчала грязная солома. К своей одежде он привык, но привыкнуть к голоду не мог. Нет, он не стал наниматься на поденную работу, а стал ходить по чужим дворам в надежде поживиться едой.

Он не просил подаяния Христа ради, а решал эту проблему чисто философским путем. Зная сострадательный характер русского человека и его хлебосольство, Петька старался зайти в дом, когда хозяева садились за стол, будь то завтрак, обед или ужин. Как уж повелось на Руси, хозяева в этом случае обязаны были пригласить гостя к столу. Петька, поломавшись для приличия, снимал с головы облезлый треух, присаживался к столу и вылезал из-за него последним. А поскольку не все его кормили досыта, то при удаче он ел впрок, набивая живот про запас, и так раскормил свой желудок, что не знал в еде ни укорота, ни нормы. Он так наловчился, так привык к шатанию по дворам, что мог по запаху, поднимавшемуся из печной трубы, безошибочно определить, что готовят в том или ином доме. Однажды на пасху, когда многочисленная семья Пономарёвых пошла в церковь, в доме осталась только одна Дарья.

Праздничный стол она уже приготовила, и осталось только напечь блинов. Тесто в двухведерном чугунке подошло, печка разогрелась, и она стала печь блины двумя сковородками. В семье она тогда только появилась, боялась свекра и свекрови, да и не хотелось ей своей стряпней ударить в грязь лицом. Дрова горели дружно, из печки дышало жаром, блины хорошо снимались, и на душе было легко. И этот момент в избу зашел Петька Лобода. Дарья уже знала, что Пономарёвы всегда кормили чужих людей, а поэтому пригласила гостя отведать блинов. Она налила в чугунную миску сметаны и стала бросать на стол блины. Дарья пекла, Петька, макая блины в сметану, ел. Она кончила печь, Петька прикончил все блины, надел на голову облезлый треух и был таков. Когда Пономарёвы вернулись после обедни, то застали Дарью в слезах возле пустого чугунка.

Так и ходил бы Петька по дворам незваным гостем, но многочисленные уполномоченные требовали срочного созыва собраний и Петьку, ввиду его постоянного присутствия в сельсовете, тут же отправляли оповещать жителей села. Вначале это ему не нравилось, но вскоре он понял всю выгоду своего положения рассыльного. Теперь он входил в любой дом не как попрошайка, а как представитель Советской власти, тем более что его и сына, Семёна, зачислили в группу бедноты и избрали секретарём комсомольской ячейки. Времена были тревожные. Люди каждый день ждали неприятностей и очень нуждались в последних новостях. Петька, постоянно ошиваясь около начальства, первым узнавал новости, поэтому его повсюду принимали, если не с радостью, то с тревогой и волнением. Он очень быстро почувствовал интерес к своей особе со стороны крестьян и стал пользоваться этим для своей выгоды самым бессовестным образом. Зайдя в дом, он садился прямо к столу и ждал пока его не накормят, и только после этого сообщал хозяевам свежие новости, ценность которых, была прямо пропорциональна количеству и качеству еды. Когда крестьян повторно принудили сдать сельхозналог, то не все поспешили расстаться со своим хлебом. Пришлось для изъятия «излишков» зерна подключить не только группу бедноты, но и уездную милицию. Для счета сюда включили и Петьку. За активное участие в этой акции и успешное выполнение задания беднякам было выделено по одному мешку на каждого члена группы бедноты. Получил впервые в жизни, таким образом заработанный хлеб и Петька со своим сыном Семёном. Раздачу зерна обставили торжественно, с речами, красными флагами и доставкой зерна на дом. Сгрузили два мешка с зерном и у дома Ганны Лободы. Петька, уперев короткие руки в бока рваного полушубка и,

наступив ногой на мешок, с торжественным видом ждал жену, за которой пошел Семён. Вскоре она вышла, посмотрела на мужа, подняла мешок и взвалила его на спину Петьки. Второй мешок, не ожидая приказа матери, поднял на плечо Семён и шагнул к двери дома, но на его пути стала мать и приказала им отнести зерно туда, где они его взяли. Мужики, было, заартачились, побросали на землю мешки. Тогда Ганна, схватив сразу обоих за грудки, так встряхнула, что у них щелкнули зубы. При этом сказала, что если они не отнесут зерно назад добровольно, то она запряжет их вместо лошади в телегу и они повезут не только мешки, но и её. И вот с окраины села, к сельсовету, потянулась странная процессия. Впереди длинновязый Семён с мешком на горбу, за ним, поминутно спотыкаясь и скуля, тащился Петька, а следом, нагнув голову, размеренным шагом шла Ганна, глядя себе под ноги. Семён унаследовал не только облик матери, но ее силу и поэтому нес свою ношу легко, а Петька выбивался из последних сил, мешок поминутно сваливался со спины, ноги подкашивались, а пот с его одутловатого лица катился градом. Через каждые пять шагов он останавливался, подкидывал мешок задом, что не мешало тому опускаться ниже. Наконец его ноги заплелись, не выдержали ношу, и он упал на землю, придавленный мешком. Ганна подошла к мужу, встряхнула его за воротник, двинула кулаком в бок и поставила его на ноги. Он сразу перестал ныть и стоял перед женой с опущенной головой, маленький и жалкий. Это был воскресный день. Один из тех осенних дней, когда природа дарит свое последнее тепло, тишину и радость. Люди, уставшие от полевых работ, наслаждались прекрасной погодой. Старались хорошо отдохнуть, с пользой провести свободное время.

Все, от малых и до старых, высыпали на улицу, весело общались друг с другом и поэтому стали невольными зрителями разыгравшейся комедии. Одни смеялись, другие удивленно покачивали головами, не зная как реагировать на эту сцену. Ребятишки увязались за процессией, и шли следом на некотором расстоянии, сопровождая до самого сельсовета. Семен на крыльцо поднялся легко и быстро скрылся за дверью, а отец, едва ступив на первую ступеньку, споткнулся, упал и не пытался больше подняться. Ганна сняла со спины мужа мешок, поднялась на крыльцо, распахнула ударом ноги дверь и с такой силой бросила его внутрь, что опрокинула стол и сбила Митьку вместе со скамьей, на которой тот сидел. Следом за мешком в сельсовет влетела Ганна и, встав перед валявшимся на полу Митькой, грозно его предупредила, что если ее идиоты опять привезут домой зерно, то он, Митька, выбьет своим лбом двери с обратной

стороны.

В этот год зима пришла к Михайлову дню. Почти две недели падал снег, покрыв окрестности толстым покровом. Потом ударили крепкие морозы, заковав стужей всю деревенскую жизнь. Уполномоченные перестали приезжать. Митька Жук молчал, не собирал собраний. Даже Петька не ходил по дворам. Мужики говорили, что это не к добру и надо ждать какой-нибудь пакости. И они не ошиблись. В святочный вечер Егор Иванович в избе был один. Сноха Дуня ушла проведать родителей. Яшка убирался во дворе, бабушка Вера на женской половине была чем-то занята с правнучкой Варей. Ничто не предвещало нарушить внешний покой и благополучие, но что-то неладно было на душе у Егора Ивановича. Вроде и войны не предвиделось, власть затаилась и не напоминала о себе, но предчувствие нехорошего, неотвратимого, как призрак витало в воздухе. Это неотвратимое появилось в лице Петьки Лободы. Он уверенно вошел в избу, без спроса сел у стола, не сняв шапки, и уставился своими оловянными глазами на Егора Ивановича, словно спрашивая, будут его кормить или нет? Правда на этот раз, он еще с порога прекрасно понял, что кормить точно не будут, так как хозяин был один и не станет угощать незваного гостя. Поэтому Петька, выждав некоторое время, достал из-за пазухи несколько бумажек, перебрал их пальцами и положил одну из них на стол перед Егором Ивановичем.

— Крышка вам, Егор, пришла! Хватит вам, кулакам, жиреть, теперь мы будем править, а вас, как вошь под ноготь!

Не сразу дошли до Егора Ивановича Петькины слова. Он хотел что-то спросить, но тот уже хлопнул дверью. Егор Иванович взял со стола бумажку, поднес ее к лампе и прочитал, что ему, в порядке самообложения, надлежит на следующий день сдать дополнительно сто пудов зерна, обеспечив доставку на своей поводе. В противном случае, было написано дальше, зерно будет изъято силой. Егор Иванович перевернул бумажку, посмотрел на чистую сторону, покачал головой и в недоумении пошел к матери узнать, что она на это скажет.

— Ну и чего тебе здесь не понятно, Егор? — спросила мать, возвращая ему бумагу. — Тут сказано, что ты должен завтра отвезти в сельсовет сто пудов зерна!

— Я же выплатил сельхозналог, сдал дополнительно сто пудов зерна, а теперь требуют еще сто. Так их у меня нет. Если я попрошу хлеба у Сереги и Никиты, то мы все равно останемся без семян. Что ж нам сидеть на одной картошке, и чем сеять весной?

— Не знаю, что и сказать тебе, Егорка. Нужно узнать, кому еще принесли такие бумажки. Если их разнесли по всем дворам,

то это одно дело, если их опять принесли состоятельным мужикам, то дело другое. Может сходить к Митрошке?

— Мне кажется, что отдуваться придется только нам!

— Это почему же?

— Так Петька сказал мне, что мы теперь всех кулаков основательно прижмем к ногтю!

— Ах, вон оно что! У Петьки, правда, мозги набекрень и говорит он постоянно только о чувстве голода. А эти слова, видимо услышал в сельсовете от Митьки. Значит, Жук основательно взялся за вашего брата и делает все для того, чтобы заставить мужиков вступать в колхоз.

— Удивляюсь тому, что у Митьки хоть и не намного больше ума, чем у Петьки, а сумел все село скрутить в бараний рог.

— Да и у вас ума не больше ихнего. Вы думаете, что все это Митькины выдумки? Отнюдь, за его спиной стоят очень умные люди. Он только исполнитель, он марионетка, которую дергают за ниточки. Все вы вклюнулись в землю и не можете поднять от нее своё рыло, чтобы поглядеть, что же делается вокруг. Если бы вы огляделись, то давно бы поняли, что не только Митька, но даже Обком партии сам нечего не выдумывает. Ничего в стране не делается без воли главных руководителей партии. Ведь Совет народных комиссаров не принимал решения о коллективизации крестьян — это было решением партийного съезда. В газете так прямо и написали. Значит, правит страной не правительство, а партия. Так что шутки в сторону. У неё в руках не только партийные органы, но и армия, и НКВД, и милиция. И прав был Сергей, когда предлагал уехать в Москву!

— Легко сказать в Москву, а что бы я там делал?

— Ты, Егорка, всю жизнь строил из себя хлебороба, хотя в сельском хозяйстве ничего не понимаешь. Все, что ты сейчас имеешь, нажито благодаря мне и Сергею. «Что я делал бы в Москве?». Да у тебя же золотые руки, а ты никогда не понимал и сейчас не понимаешь, что это дороже любого богатства. Ты же стал посмешищем для людей. Ты не только не учил своих сыновей ремеслу, но даже не допускал их к верстаку. Ты не только ничего не делал для людей, но и сам нанимал Егора Бендерешу, чтобы тот тебе набил обручи на бочку. Ты сделал великолепную пролетку графу Толстому и в тоже время нанимал плотников поставить курятник. Если бы ты жил в Москве, да делал бы пролетки для лихачей, собирал шкафы, другую мебель, да тебе бы цены не было, перед тобой бы господа снимали шляпы. Но ты своим упрямством и недалеким умом сгубил жизнь себе и своим сыновьям. А теперь согни спину и иди сдавать свой хлеб в сельсовет!

— Так у меня нет такого количества!

— Продай всю скотину, купи у людей зерно и отвези туда, куда покажут. Оставь одну лошадь, корову, десять овец и столько же кур, сделайся середняком или бедняком, авось бог тебя помилует. А теперь иди, Егорка, и думай!

Не успел Егор Иванович вернуться от матери, как в избу вбежал Митрофан.

— Ты знаешь, что принес мне этот ублюдок? — с порога выпалил брат, протягивая Егору Ивановичу бумагу.

— Я получил такую же, — ответил тот.

— Что будем делать, Егор? — усаживаясь на коник, спросил Митрофан, — Может быть посоветоваться с Серёгой?

— Не спеши! Нужно сначала узнать, кто ещё получил эти бумажки? Ты сбегай к Рыбиным, а я к Чульневым!

Но идти некуда не пришлось. В избу ввалились глухой Митрон с двумя сыновьями, потом пришли Чульневы, появился Дымков с сыновьями и братья Хохлы. Когда все расселись и закурили, молчание прервал Иван Хохол:

— Ну, мужики, что будем делать? Я вижу, что Митька решил нас доконать. Не наберу я столько хлеба, если даже отдам семенной фонд. А чем я буду кормить семью, скотину, что будем сеять весной?

— Не только у тебя так, — подал Григорий Чульнев, мужик тихий, степенный, рассудительный, — у всех нас то же самое.

— Где Серёга, Егор Иванович? — спросил Иван Рыбин, — Может быть, он что посоветует?

— Придушить этого гада Жука, чтобы не смердел на селе, — сказал всегда осторожный Хохол.

— Нет, Иван, не дело ты говоришь. Ну, убьешь ты Митьку, поставят Гришку, а то из района партийного пришлют, а тебя к стенке. Вспомни, как потрошил нас продотряд. Семен Поляков с сыном заартачились было, а кончилось тем, что их шлёпнули во дворе и дело с концом.

— Не знаю, мужики, как вы, — вновь заговорил Хохол, — а я не сдам ни зернышка, хоть десять Митек приходи. А милицию позовут, то я при них оболью зерно керосином, и пусть везут. Ишь, какую моду взяли — хлеб не покупают, а отбирают.

— Может быть, спрятать хлеб или по соседям раздать? — высказал свое мнение Дымков, — Ведь прятали же от продотряда?

— Поляковы тоже прятали, — опять напомнил Егор Иванович. — Хорошо если не найдут, а вдруг? Расстрелять, может быть, не расстреляют, а в тюрьме точно сгноят или всю скотину отберут.

— А что бабушка Вера советует? — спросил Дымков.

— Что советует? — Ответил вопросом на вопрос Егор Иванович. — А советует она, отдать хлеб и, если не хватит, то продать часть скотины, а может быть всю и купить его у людей, добро, что хлеб у них имеется.

— А как же жить без скотины? Ну, уж нет, без нее совсем жизни не будет, — возразил Хохол. — Вы как хотите, но я не дам ни фунта, что хотят со мной пусть делают. Весной засею в обрез, чтобы только хватило до урожая.

Все согласились с Хохлом и решили завтра хлеб не отдавать, а подождать немного и посмотреть, чем все это закончится.

В эту ночь Егор Иванович спал тревожно. Ему снились кошмарные сны. Снился командир продотряда Коробов, который в восемнадцатом году лично расстрелял Семена Полякова с сыном за то, что тот не хотел отдавать последние крохи хлеба. Снился Митька Жук, нагло требовавший четверть самогона и, напившись, плясал среди улицы. Снился Иван Хохол, бегавший по селу с окровавленным топором и, ворвавшись в дом Егора Ивановича, стал крушить все, что попадало под руку. Егор Иванович в испуге закричал и проснулся. Сильно билось сердце, готовое выскочить из груди. Пели третьи петухи, но было еще темно. Он хотел полежать, но давняя привычка вставать с петухами заставила его слезть с печи. От бессонницы у него звенело в ушах, и кружилась голова. Внизу на лавке, спал Яшка с женой. Егор Иванович, держась за дрогу, стал спускаться с печки, но в темноте наступил на растянувшуюся во весь рост свинью, которая мирно спала возле печки, окруженная многочисленным потомством. Огромная свиноматка вскочила на ноги и Егор Иванович, не удержавшись, грохнулся на скопище завизжавших поросят. Боясь оказаться посмешищем в своем нелепом положении, он встал на четвереньки и стал быстро выбираться на свободное место. И ему почти удалось, но овца, бдительно охранявшая от поросят своих ягнят, очевидно, почувствовала угрозу со стороны ползущего человека и, недолго думая, что было силы, ударила лбом Егора Ивановича в лицо. От этого удара он перевернулся на спину, в глазах засверкали искры, во рту стало сухо, к горлу подкатилась тошнота, и он потерял сознание. Тянувшийся по полу холод быстро привел его в сознание. Он поднялся, нащупал рукой скамейку, сел и, убедившись, что никто из спящих не поднялся, а следовательно не видел его позора, успокоился и стал ощупывать свой лоб. Кожа на лбу саднила и стала вздуваться шишка. Но вскоре эти неприятности опять вытеснили думы о хлебопоставках. Эти думы не давали ему

покоя, и он решил пойти к Сергею, разбудить и еще до наступления утра посоветоваться. Обувшись и надев полушубок и шапку, Егор Иванович отправился к сыну. Пройдя через двор, гумно и сад, вошел в поле. До дома сына было каких-нибудь шагов двести, и по плотному насту он быстро дошел до усадьбы Сергея. Этому способствовал свежий морозный ветер, забиравшийся по полушубок, обжигавший лицо и заставлявший Егора Ивановича быстрее добраться до тепла. Как было принято на Руси, дома никогда не закрывались на замок. Не был исключением и дом Сергея Пономарева. Егор Иванович открыл двери и сразу почувствовал удушливый угар. Он нашел спички, зажег лампу, огляделся и увидел, что вся семья угорела, и никто не обращает на него никакого внимания. Он поспешно стал перетаскивать всех к настежь открытой двери. Приведя всех в чувство и убедившись, что беда прошла мимо, Егор Иванович, так и не посоветовавшись, ушел домой. Сколько раз уже потом вспоминали, что если бы Егор Иванович в ту ночь не спас семью Сергея от гибели, то он бы спас ее от будущих невзгод, выпавших на их долю.

Наступил день. Люди ездили на Пристинок за ключевой водой, топили печки, и никто не нарушал обыденной жизни села. Вечером к Егору Ивановичу пришел Петька, и сказал, что того вызывают в сельсовет. Егор Иванович чувствовал себя неважно, а тут совсем расклеился. От удара раскалывалась голова, да очевидно, еще нанюхался угарного газа, а поэтому окончательно вышел из строя. С трудом одевшись, он в полуобморочном состоянии добрался до сельсовета, едва поднялся на крыльцо и, войдя в помещение, тяжело опустился на широкую скамейку. Перед глазами все плыло словно в тумане, и он плохо узнавал людей, заполнивших сельсовет. За столом сидел Митька Жук, рядом с ним развалился Гришка Казак, только что назначенный председателем сельсовета и принятый кандидатом в члены ВКП (б). Митька, с каким-то торжественным выражением на лице, пристально вглядывался в каждого входящего и что-то отмечал в бумажке. Убедившись, что все бунтовщики собрались, он бросил карандаш на стол, сурово оглядел зал и с металлическими нотками в голосе сказал:

— Ну, что, саботажники, мать вашу в душу, решили бастовать? Да знаете ли вы, кулацкое отродье, что срываете задание партии по обеспечению города хлебом? Вы что хотите? Задушить рабочий класс голодом? Да знаете ли вы, что за это положена тюрьма?

Все молчали, но в гнетущей тишине чувствовалась напряженность, готовая взорваться и вылиться в непредсказуемые

последствия. Первым нарушил молчание Иван Хохол. Он не стал возмущаться, кричать и оправдываться, а, подперев широкой спиной дверной косяк, с насмешкой сказал:

— Ты чего, Митька, слюной брызжешь и материшься, как последний байбак? Ты кого материшь и пугаешь? Ведь половина из них тебе в отцы годиться, хотя никто не захочет иметь в сыновьях такого дурака, как ты. Ты требуешь с нас сто пудов зерна, хотя мы все уже расплатились с продналогом и сдали уже сверх по сто пудов. Если мы выскребем все до зерна у себя, да еще займем у соседей, то и тогда мы не наберем столько, сколько ты просишь. Нам нужно кормить семью, скотину, да еще оставить на весенний сев. Значит, рабочий класс я должен кормить, а своих детей посылать побираться? Ты же хорошо знаешь, а не знаешь, то спроси у своего отца, что хлеб имеется у мужиков, и если бы ты взял с каждого двора всего по десять пудов, то ты бы отвез рабочему классу в три раза больше хлеба, чем сдали бы мы!

— Ты меня не учи, как и что делать! — Заорал Митька, стукнув кулаком по столу. — Я вас спрашиваю, повезете ли вы хлеб или вас нужно заставлять?

Мужики молчали. Мужики думали. Митька выждал минутку, повернулся в пол-оборота и сухо произнес:

— Товарищ Грибанов, прошу всех этих саботажников в кутузку, авось на морозе одумаются!

Из темного угла у печки поднялся высокий милиционер, прибывший из уезда накануне, поправил на боку револьвер и попросил всех следовать за ним.

Кутузкой служил пустой амбар Мишки Жогова. Как и у всякого нерадивого хозяина, у Мишки в хозяйстве все было наперекосяк. У повозки одна оглобля была тоньше другой и обычно короче, обод всегда соскакивал с колеса и его привязывали веревкой, плетень больше лежал на земле, чем находился в вертикальном положении, хотя его все время подпирали кольями. В таком же виде был и амбар, торчавший на улице перед окнами дома. Обычно амбары ставили на высокие камни или дубовые сваи, чтобы пол амбара обдувало ветром. У Мишки амбар хотя и был рубленным, но стоял прямо на земле и без пола. Знал Митька об этом амбаре хорошо, ибо в этот злополучный амбар обычно запирали дебоширов и пьяниц, чтобы они на холодной земле опомнились и набрались ума. Вот в этот амбар и посадили двенадцать взбунтовавшихся мужиков, повесив снаружи амбарный замок. К их удивлению в амбаре нашлось немного соломы, хотя во дворе у Мишки она была редким гостем. Все они расселись на соломенной подстилке, прижавшись друг к другу, закурили. Шло время и, несмотря на овчинные полушубки

и валенки, мороз начал донимать мужиков основательно. Первым не вытерпел глухой Митрон. Он встал, зажег спичку и стал ходить вокруг стен амбара. Найдя в одном месте под нижним венцом углубление, просунул туда руку, дернул, но амбар не поддался, видимо примерз к земле. Тут к нему подошел Хохол, встал рядом с ним на колени и общими усилиями они приподняли стенку и, подставив под нижний венец колени, позвали других мужиков. К ним на помощь подошли другие арестанты и общими усилиями подняли одну сторону. Амбар заскрипел, наклонился и все увидели снег. Еще немного усилий и амбар, повалившись на бок, с гулом ударился о землю и развалился.

— А теперь, мужики, марш по домам и ложитесь спать! — Спокойно сказал Хохол и зашагал по Большаку к своему дому.

Утром, на следующий день, когда Пономаревы позавтракали, и Егор Иванович прилег отдохнуть на печке, в избу ввалился Гришка Казак с милиционером и двумя членами группы бедноты. Он прошелся по избе, подошел к печке, заглянул на нее и насмешливо скривив губы, сказал:

— Ты глянь! Кулак лежит на кулаке, забыв, что для этого имеется подушка. Вот что значит привычка! Хватит дрыхнуть. Вставай, одевайся!

Потом сел на лавку, закурил и стал ждать.

— Это куда одеваться?

— После расскажем, а теперь поспеши! — Процедил сквозь зубы Гришка Казак.

Весь его облик, начиная со щеголеватых усов, ладной невысокой фигуры и ног с небольшой кривизной, действительно напоминал донского казака. Да и кличку Григорий Федорович Лавлинский получил недаром. Его отец, Федор Лавлинский, женился перед самой русско-японской войной. Взял девку из рода Жирковых, но не успел намиловаться с ненаглядной, как забрали его в солдаты и отправили в далекую Маньчжурию воевать за веру, царя и отечество. Много слез пролила молодка, ворочаясь по ночам в пустой постели. Свекор и свекровь жалели ее, работой особенно не загружали, и она понемногу стала отходить. В Воронежской губернии, как нигде, всегда было засилье помещиков. Тучные черноземы, благоприятная природа, центральное положение тянуло сюда, как мух на мед, всевозможных господ. Поэтому самая густонаселенная губерния в России страдала острым недостатком пахотных земель. Крестьяне владели разрозненными лоскутками земли, да и те иногда располагались на десятки верст друг от друга. Поэтому тысячи крестьян иногда целыми семьями снимались с родных мест и

уезжали на Дон к казакам на заработки в сенокос и жатву, получая за это натурой, реже деньгами.

В тот год прошел слух, что казаков призвали на войну и на усмирение взбунтовавшихся рабочих, а поэтому на Дону не хватало рабочих рук на покосе. Желая заработать сена или пшеницы, собрался на заработки и Василий Лавлинский. Ехать с ним попросилась и молодая сноха. Свекровь согласилась с этим, сославшись на то, что им вдвоем будет легче, веселее, да и постирать на мужика будет кому. Недалеко от Усть-Хоперской станицы, нанялись они к молодой казачке, муж которой где-то справлял службу. Как не тяжело было на жатве, но молодость брала свое и сноха с казачкой собрались на гулянку.

Окончилась страда. Вернулись свекор со снохой домой с неплохим заработком. Шло время, и свекровь стала замечать, что с невесткой что-то неладное. Она поделилась своими подозрениями с мужем, а тот с пристрастием допросил сноху. Та в слезах призналась, что ее попутал бес, и она согрешила с одним казаком. Так как свекор в этой беде обвинил себя за то, что не досмотрел за снохой, то было решено пока сыну на фронт не писать, а ждать его приезда. А через месяц пришло извещение, что их сын Федор Лавлинский погиб смертью храбрых. После этого отношение к невестке резко изменилось. Свекровь почему-то вбила себе в голову, что господь наказал их за ее грехи. Начались придирки, упреки, скандалы и наконец, невестка не выдержала и ушла к родителям, тем более что незадолго до этого умерла ее мать, а отец остался один и часто прихварывал. Родила вдовушка крепкого, здорового мальчика, дав ему имя Григорий, очевидно в честь своего чубастого казака, ибо в ее роду, ни в роду мужа Григориев не было. Рос Гришка бойким и настырным, за это ему частенько перепадало от ребят. Его не то что не любили, а просто презирали. Большую роль сыграли пересуды взрослых о его матери, как о распущенной девке. Ему был объявлен негласный бойкот, выражавшийся в том, что его не принимали ни в одну компанию, не допускали к играм, не брали его с собой в лес, на речку, на рыбалку. Даже став парнем с привлекательной внешностью, он не находил отзыва в сердцах девчат. Кличка Казак выводила Гришку из равновесия, ибо всякий раз напоминало ему не только о его незаконном рождении, но и распутстве матери. Мать на злые языки не обращала никакого внимания, стойко переносила свою отверженность, сносно вела хозяйство и после смерти отца, растила сына и цвела неувядаемой красой. Видно сильно запал ей в сердце бывалый казак, если она так и не вышла замуж, да кто бы взял ее, помеченную печатью порока, в жены. И вдруг всем на удивление,

после большого перерыва она родила девочку, которую люди тут же прозвали Казачкой. Поговаривали, что она вновь повстречала своего казака в корпусе Шкуро, проходившего через село. Другие утверждали, что она спуталась с первым попавшимся, чтобы отомстить людям за презрение к себе и своему сыну. Но никто так и не узнал всей правды, а она никому ее не открыла. Гришку поступок матери окончательно подкосил, он замкнулся в себе и возненавидел весь мир, перестал разговаривать не только с людьми, но и с матерью. Так и рос Гришка нелюдимым, отвергнутым людьми и обществом. Неизвестно как сложилась бы дальше судьба Гришки, если бы не началась ломка деревни. Он вступил в группу бедноты, и с этого момента началось его сближение с Митькой. Они потянулись друг к другу, почувствовав родство душ. Их отличало только то, что Митька рвался в диктаторы, в Наполеоны, а Гришка мечтал о том, что войдя во власть, отомстит всем, кто презирал и насмехался над ним. Вот и сейчас, пока Егор Иванович одевался, Гришка упивался своей властью над этим беспомощным стариком. Нет, он ничего не имел против его, не таил на него зла, ибо Пономарёвы никогда ему лично ничего плохого не делали. Просто, наконец, он понял, что такое власть и что на его улице наступил праздник. Теперь можно приказывать людям, распоряжаться их судьбой и они никуда не денутся. Когда Митька назначил его председателем сельсовета, он рассудил, что может наступить время и вся власть на селе окажется у него в руках. А пока будет смотреть в рот секретарю партячейки и все его распоряжения выполнять ревностно, со всей душой. Когда Егор Иванович оделся, Гришка распорядился, чтобы он следовал за ними. В сельсовете уже толпились все, кого сажали в амбар. Увидев вошедших, Митька встал из-за стола, сказав, что арестованные все в сборе, и попросил милиционеров отправляться с ними в дорогу. Милиционер скомандовал выходить. Все встали и вышли на улицу, где их уже ожидали пять повозок. Через несколько минут по Большаку потянулся обоз с арестованными под охраной милиционера.

В сельсовете остался только секретарь Мишка Жогов, да несколько баб, пытавшихся узнать судьбу мужей. Мишка молчал и делал вид, что ничего не знает. Яшка Пономарёв, узнав о случившемся, прибежал тоже и без толку покрутившись в сельсовете, кинулся к Сергею рассказать об аресте отца и мужиков. Когда они, уже с Сергеем, пришли в сельсовет, то Мишка рассказал, что арестовали всех, кто не сдал дополнительного налога, и повезли в город. А накануне Митька ездил в уездком партии, где, очевидно, получил на это

разрешение, так как иначе не прислали бы с ним милиционера. Из их разговоров Мишка знал, что мужиков повезли в городскую тюрьму. Через час Сергей выехал со двора на облучке и кинулся вслед за арестованными.

Было пасмурное сырое утро. Мороз спал, потеплело, и в воздухе висела морозящая мгла. От сырого пронизывающего ветерка Сергея стало бить озноб. Его трясло, как в лихорадке, хотя и был одет тепло. Когда в горячке он гнал лошадь в город, в голове вертелось единственное — как попасть к Варейкису, которого совсем недавно утвердили в роли первого секретаря Областного комитета партии, и что ему сказать? Уже на постоялом дворе, напротив Щепного базара, куда он поставил лошадь, его охватило сомнение в том, что стоило ли ему вообще приезжать сюда? Да и вообще, станет ли секретарь Обкома разговаривать с ним? Допустят ли его к нему? А может быть, его в Воронеже нет? Он чуть было не собрался ехать домой, но обида на самоуправство Митьки, обида за стариков, над которыми тот издевается, обида за себя, ставшего калекой в борьбе за Советскую власть и вынужденного теперь терпеть унижения, заставило его, во чтобы — то ни стало, добиться приема у Варейкиса. И неважно, сколько для этого потребуется времени — неделя или целый месяц. Принятое решение немного успокоило и придало уверенности.

Когда Сергей вошел в вестибюль, он окончательно успокоился и только молил, чтобы Варейкис был на месте. Милиционер, стоявший у стола, приложил ладонь к виску и вежливо спросил, что ему нужно. — Мне необходимо встретиться с Иосифом Михайловичем! — ответил Сергей, поздоровавшись с милиционером.

— Он вас вызывал?

— Нет, не вызывал, но мне очень нужно его увидеть!

— У вас есть партийный билет?

— Нет, я не член партии!

— Тогда я ничем не могу вам помочь!

Сергей помялся, хотел было уйти, но увидев на стене за спиной милиционера телефон, спросил, можно ли позвонить.

— Нет, это служебный телефон!

— Тогда позвоните вы и скажите Варейкису, что его хочет увидеть Сергей Егорович Пономарёв, товарищ по Восточному фронту, старый его знакомый!

Милиционер с любопытством посмотрел на Сергея, словно не веря сказанному, но все же взял трубку и, позвонив куда-то, точно, слово в слово, передал его просьбу. Прошло немного

времени, телефон зазвонил и постовой, приложив трубку к уху, сказал: «Слушаюсь!» Затем попросил Сергея раздеться в загородке, где стояли деревянные вешалки и, когда он разделся, объяснил, что нужно подняться на второй этаж и найти дверь с табличкой «Приемная», где его встретят. В просторной приемной стоял кожаный диван, несколько венских стульев и массивный резной стол, на котором стояло несколько телефонов и лежало стопкой несколько разноцветных папок. На стене висел небольшой портрет Ленина, который смотрел на входящих прищуренным, насмешливым взглядом. Из-за стола поднялся молодой человек в военной форме и то ли спросил, то ли утвердил:

— Сергей Егорович?

— Да!

— Иосиф Михайлович вас ждет! — сказал он и распахнул обитые кожей высокие двери.

Сергей перешагнул порог и увидел идущего к нему навстречу Варейкиса. Он был одет в защитную, полувоенного покроя гимнастерку, стянутую широким ремнем, и в хорошо начищенных, хромовых сапогах. Пока они шли друг другу навстречу, Сергей отметил, что Варейкис за эти годы почти не изменился. Та же легкая походка, та же элегантность, те же смеющиеся темные глаза. И та же пышная темно-каштановая шевелюра, слегка подернутая легкой сединой.

— О, Сергей Егорович, сколько лет, сколько зим! — Широко расправив руки для объятий, приветливо улыбаясь, воскликнул Варейкис. Секретарь с недоумением посмотрел на эту умилительную сцену и тихонько прикрыл дверь.

— Ну, что же, садись, коли пришел! — Указал на стул хозяин кабинета и пригласил гостя к столу. Усадив его, Варейкис взял другой стул и уселся напротив.

— Это сколько же мы с тобой, Сергей Егорович, не виделись? Наверное, с той поры, когда я тебя отправил на лечение в Москву, — сразу перешел на «ты» Варейкис, тем самым давая знать, что между старыми друзьями не должно быть никаких барьеров. От этого Сергей как-то сразу почувствовал себя раскованно и уютно.

— Как твои руки?

— Руки, Иосиф Михайлович, как руки, грех жаловаться, могло быть и хуже. Вот пальцы левой руки не сгибаются, но работает большой палец. Правая рука лучше и я могу работать топором, косой, лопатой, одним словом, особых затруднений не испытываю и привык обходиться тем, что есть.

— А как вообще-то живешь? Как детишки, как жена? У тебя

их, кажется, двое?

— Четверо, Иосиф Михайлович!

— О, да ты молодец, а у меня двое. Ну, а вообще-то, как идут у тебя дела в селе? Какое настроение у крестьян? — Глядя темными, с лукавинкой, глазами на своего собеседника, как бы мимоходом поинтересовался Варейкис, и тем самым затронул тот вопрос, с который Сергей приехал в город.

— Дела, Иосиф Михайлович, идут хорошо, грех жаловаться. Землю дали, люди работают, село стало жить богаче, но нужно многое менять.

— А что именно?

— Селу нужна техника, нужны агрономы, нужна грамотность во всем. Но о какой технике можно говорить, если несчастный плуг стоит столько же, сколько стоят двести пудов хлеба, не говоря уже о сеялке, косилке, а тем более молотилке. Вроде я не глупый человек, читаю газеты, но ничего не могу понять в этой жизни. Говорят, что стране нужен хлеб, но государство его не покупает, хотя у крестьян он есть.

— Но для того, чтобы купить, нужны деньги, а их у государства нет. А деньги нужны не только для закупки хлеба, но и для закупки за границей оборудования для развития промышленности, строительства фабрик, заводов, железных дорог, жилья для рабочих, одним словом, нужны деньги и большие.

— Выходит, чтобы иметь деньги, нужно грабить крестьян? Но, это же порочный путь! Я так понимаю, что наше правительство хочет сначала ограбить крестьян, на эти деньги построить фабрики и заводы, которые потом снабдят село техникой. Но этого нельзя сделать, ни за год, ни за два. Боюсь, что когда наша промышленность начнет выпускать технику, то в селе некому будет работать. А не лучше ли бы было сначала поддержать крестьян, дать им кредиты, добиться расцвета сельского хозяйства, а потом уже на этой базе развивать промышленность?

— Может быть ты и прав, но ты не учитываешь того, что нам нужны не только косилки и сеялки, но и самолеты и пулеметы, пушки и другое оружие, а для этого нужны и заводы, и шахты и доменные печи, а этого нам никто не даст.

— А зачем нам нужны сейчас пушки? В газетах пишут, что весь запад сейчас находиться в кризисе, фабрики и заводы закрываются, миллионы рабочих выброшены на улицу, так что сейчас не до войны. У нас в России, кризис начался с началом первой мировой войны, и длиться больше десяти лет. У них тоже продлиться не меньше. А чтобы поставить на ноги сельское хозяйство, нам потребуется самое многое четыре года, если,

конечно, поможет государство. Возьмем, к примеру, наш кооператив. Он существует пятый год и результаты налицо!

— Впервые слышу об этом. Интересно узнать поподробнее. Расскажи, Сергей Егорович, что это такое — кооператив? — Глаза у Варейкиса загорелись и он, откинувшись на спинку стула, скрестил руки и приготовился слушать.

— Собственно говоря, тут и рассказывать нечего. Вы, конечно, слышали о товариществах по совместной обработке земли? То же самое и у нас, но мы не только совместно обрабатываем землю, но еще продаем общий урожай и делим уже деньги, которые выручили после продажи продукции. Даже совместно возим на мельницу зерно.

— А как вы делите, если у вас разные семьи?

— Мы делим по количеству рабочих душ.

— Землю вы тоже объединили?

— Нет, хотя и хотелось бы уничтожить межи.

— А то же вам мешает?

— Чтобы иметь единое поле, необходимо новое межевание, а на это крестьяне не пойдут!

— Это почему же?

— Мужик подозрителен, недоверчив, боясь, что его обманут и вместо хорошей земли нарежут плохой.

— Выходит, что землю нужно объединить в единое поле?

— Хотелось бы, но не вижу в этом никакого смысла!

— Как так?

— Тут дело не в объединении земли, а характере мужика. Он никому не верит, уж очень долго его обманывали и не в его пользу. Если на Западе крестьяне владеют землей уже сотни лет, то у нас сотни лет мужик под гнетом. При татарах все, что выращивал крестьянин, отбиралось, при крепостном праве лучшие земли присвоили себе помещики, выделив мужику лоскутки земли, да еще он должен был платить тому же помещику подати. Советская власть дала землю крестьянам, а теперь хотят ее объединить, то есть опять отобрать у них. У нас мужика называют сермяжным, серым, но когда его грабят, он прекрасно понимает откуда это зло идет и кто за этим стоит. Тогда он берется за топор и примером тому служат восстания Разина, Пугачева, тамбовских крестьян. Живу я среди крестьян и хорошо знаю их натуру. Говорят, что у нас мужик забитый, не образованный, но он не умом, а нутром чувствует, откуда ему ждать беды. А беду и подвох он ждет от нашего правительства. Вот вы, Иосиф Михайлович, сказали, что нам нужна промышленность, нужны предприятия, нужно вооружение, а вот мои мужики, когда я им также стал объяснять, задали мне вопрос.

Они спросили: «Если государству нужны деньги, то куда же делись те деньги, золото и бриллианты, когда грабили помещиков и купцов, фабрикантов, дворянство, разрушали храмы и монастыри? Растащили, а теперь, выходит, грабить некого, остались только крестьяне?» Даже для меня такие откровения стали полной неожиданностью. Вот эти вопросы я и адресую вам — руководителю областной партийной организации. Вы извините меня, Иосиф Михайлович, за прямоту, но я не могу поступить иначе. Вы меня знаете давно, вы в свое время назвали меня своим другом, я и говорю вам это, как другу. Колхозы, о которых последнее время так много говорят, не что иное, как новая грабиловка. И еще я не верю, что наш сельский секретарь партячейки творит все безобразия по своему произволу. Для этого ему не хватит мозгов. Ему дает установку и во всем консультирует уездком, а он, в свою очередь, получает указания из обкома, то есть от вас. Неужели, Иосиф Михайлович, вы не видите, что такая политика ведет нашу страну к краху?

— Если бы, Сергей Егорович, все зависело от меня, то было бы немного по-другому. Но я не могу противопоставлять свое мнение политбюро!

— Я понимаю, что спорить с политбюро вы не в силах, но в области вы можете кое-что сделать?

— А что именно?

— А хотя бы оградить мой кооператив от произвола нашего секретаря партячейки!

— А как именно?

— Во-первых, всех членов кооператива, исключая меня и моего брата — кавалера ордена Красного Знамени, зачислили в кулаки. Во-вторых, на них наложены непосильные налоги. Они раз выплатили налоги, потом дополнительно наложили на каждый дом еще по сто пудов зерна и сто рублей, а потом наложили еще по сто пудов.

— И как же мужики реагировали на это?

— Очень просто — отказались платить. И что вы думаете сделал наш партийный руководитель? Вызвал милицию, арестовал членов кооператива, включая стариков, отвез в город и посадил в тюрьму. Собственно ради них я и приехал к вам!

Варейкис быстро поднялся со стула, зашел за стол и громко окликнул своего секретаря. Тот, такой же подтянутый и аккуратный, тут же появился в кабинете и встал навытяжку, держа в руках блокнот с карандашом.

— Саша, соедини меня с прокурором! — тихо распорядился Варейкис и Сергей увидел, как на его лице заходили желваки. Когда секретарь удалился, Варейкис сел за стол, облокотился на

него, зажав голову руками. Так он просидел несколько минут и когда поднял голову, то глаза его приняли обычное выражение лукавинки и доброты.

— Не знаю, Сергей Егорович, что тебе сказать, да и не могу я всего, что знаю, рассказывать. А как бы ты поступил с деревней, если бы все зависело от тебя?

— Я бы запретил создавать крупные колхозы, объединяя в них целые деревни. Колхозы должны быть маленькими, в десять-двенадцать дворов и по родственным связям. Еще я прекрасно знаю, что государство выделяет для колхозов миллионы рублей, а зря! Крестьянам и особенно колхозам денег давать нельзя. Нужно давать банковские кредиты под залог имущества и земли, что бы каждый знал, что долги нужно платить. А так они эти деньги проедят, пропьют и опять станут просить. Крестьянин сам должен покупать технику, удобрения, семена и, обрабатывая землю, зарабатывать для этого деньги. В противном случае, он кое-как поковыряет землю, кое-как и скосит. Урожаи начнут падать, земля тощать, и останемся мы без земли и хлеба. Вот мои мнения, Иосиф Михайлович!

— Таковы, как ни странно, мнения и мои. У нас в Черноземье самые тучные черноземы, во всем мире нет таких земель. Кроме того Курская аномалия — это мировые запасы железной руды, в Липецке имеется металлургический завод, заложенный еще Петром Первым, и при этом люди живут по — нищенски. Об этом я говорил на Пленуме ЦК, но меня раскритиковали и сказали, что я последователь Бухарина!

В это время в кабинет вошел секретарь и доложил, что прокурора на месте нет, и приедет он, примерно, через час. Варейкис кивком головы отпустил его, встал из-за стола, подошел к Сергею и подал ему для пожатия руку. Обменявшись рукопожатием, он похлопал Сергея по плечу и сказал:

— Спасибо, Сергей Егорович, что навестил старого друга, спасибо за беседу. Будешь в городе, заходи. А насчет твоих мужиков не беспокойся — все уладится, а вашим партработникам я намылю голову. Счастливого тебе пути, передавай привет семье!

— Извини, Иосиф Михайлович, что по пустякам отнял у тебя столько времени. Поклон от меня и твоей семье!

На прощанье они обнялись, еще раз пожали друг другу руки и разошлись, чтобы больше никогда не встретиться.

Варейкиса расстреляли в 1939 году на Дальнем Востоке, а в тот день, после ухода Сергея, в Москве, на стол секретарю ЦК партии Кагановичу Л.М. легла телеграмма с просьбой направить для борьбы с кулачеством в Воронеж дополнительные вооруженные формирования. Телеграмму подписал секретарь

ВКП (б) Центрально-Черноземной области Иосиф Михайлович Варейкис.

Пока Сергей мирно беседовал с Варейкисом, в тюрьме происходили иные события. Арестованных мужиков принимал сам начальник тюрьмы, крупный мужик, с оплывшим лицом и явно с похмелья. Развалившись на венском стуле, в расстегнутой шинели, он тупо смотрел в поданную Митькой Жуком бумагу, плохо соображая и с трудом вникая в текст. Потом поднял осоловевшие глаза на толпившихся возле дверей мужиков и охрипшим голосом спросил:

— Кто такие?

Митька ответил, что это саботажники, кулаки, направленные в тюрьму, где они должны ждать суда и приговора.

— Василенко! — Прохрипел начальник тюрьмы куда-то в пустоту и вновь погрузился в изучение бумажонки.

Вошел мужчина в годах, в ладно пригнанной шинели, с пышными фельдфебельскими усами на круглом лице и остановился перед начальником.

— Вот, Василенко, всех этих саботажников в двадцать первую камеру, — указывая на бумажку, прохрипел начальник.

— Так там сидят веселые ребята! — заметил Василенко, стараясь просветить своего начальника.

— Я и без тебя это хорошо знаю. Вот поэтому и нужно их поселить туда, чтобы вместе повеселились для пользы дела.

О пользе дела мужики узнали в камере. Дело было в том, что в этой камере зимовали воры в законе и воры всех мастей помельче. Летом они промышляли сбором всего, что плохо лежит, а на зиму, дав себя поймать на мелкой краже, садились в тюрьму на три-четыре месяца, где им был готов и стол и дом. Возглавлял эту шайку Иван Жандар, земляк арестованных Митькой мужиков. Вот и на этот раз Жандар со своими приближенными зимовал в тюрьме, в двадцать первой камере. Милиция города считала, что эту шайку легче держать под замком, чем гоняться за ними по злачным местам. В тюрьме они вели себя хорошо, с охраной были вежливы и покладисты. Других заключенных к ним не подсаживали, за исключением тех случаев, когда тюремному начальству нужно было избавиться от неугодного им арестанта. То ли с похмелья, то ли по злому умыслу, но начальник тюрьмы поместил арестованных мужиков именно в камеру к Жандару.

Жандар в это время сидел на верхних нарах, в окружении своих подручных, и играл в карты. На нем была чистая белая рубашка и новые шерстяные брюки. Он был босым и огромные лапищи ног лежали на животе пьяного Ваньки Клина,

неизменного адъютанта. Вчера они от дружков с воли получили богатую передачу, были сыты и навеселе. Слабаки, охмелевшие после вчерашней попойки, валялись там, где их свалила водка, остальные же продолжали опохмеляться, распевая песни. И вот в почти семейную идиллию неожиданно вторглись незнакомые люди в лице арестованных деревенских мужиков. Воровская шайка вначале была потрясена бесцеремонным вторжением в их владения посторонних лиц. Мужики, сбившись в кучку около входа, молча озирались вокруг, не зная, что делать. Довольно большое помещение с одним тусклым, зарешеченным оконцем под самым потолком произвело на них удручающее впечатление. Справа и слева, во всю камеру, тянулись двухъярусные деревянные нары. Слева, в углу, стояла довольно вместительная «параша», накрытая деревянным кругом, справа, на табуретке, железный бак с кружкой. На нарах, под нарами, да и просто на полу, валялись странные люди. Все они были босыми, многие без рубашек и в одних подштанниках. Воровская аристократия, увидав новосёлов, удивленно и с интересом стали рассматривать толпившихся у дверей мужиков. Но немая сцена длилась не долго. С верхних нар слез верзила, голый по пояс, с большим крестом на шее и серебряной серьгой в мочке уха. Он упругой кошачьей походкой подошел к столпившимся мужикам, обошел всех по очереди, словно принюхиваясь к ним, и повернувшись к своим дружкам, процедил сквозь зубы:

— Братва, перед вами явно представители сельского кулачества, одним словом, мироеды. Посмотрите, как они одеты, как обуты, а мы, посмотрите на себя, ходим голые, без рубах и даже штанов. Справедливо ли? Нет несправедливо. Поэтому предлагаю реквизировать частную собственность и разделить между членами нашего благородного сообщества. Кто, за? Единогласно!

Сидевшие на нарах молчали, с улыбками наблюдая за комедией, разыгрываемой их товарищем. Очевидно, этот верзила не в первый раз потешал своими выходками теплую компанию, и она с нетерпением ждала от него нового номера. А он, войдя в раж, продолжал кружиться перед растерявшимися мужиками.

— Вот ты, дядя, — подойдя вплотную к Хохлу и, указывая на него грязным пальцем, процедил верзила, — скажи нам, зачем тебе шикарный клифт с белым воротником и опушкой? Тебе больше подойдет серый арестантский халат, а я скоро выйду на волю, и ходить по городу без прикида мне будет как-то неудобно, да и неприлично. Вот и скажи мне, что я не прав? Возражений нет, а коли так, то прошу одолжить мне на время свои шмотки. Ты сам изволишь раздеться или пригласить камердинера? Ты не

стесняйся, говори! И я к твоим услугам приставлю всю братву вон с того балкона. Они тебя и разденут и разуют, и спать уложат. Да я вижу, что ты, брат, стесняешься, ну что ж, тогда я сам окажу тебе услугу и не стану упрекать себя в этом, ибо почту за честь!

Если бы верзила не был под хмельком или обладал бы более проницательным умом, он бы не стал паясничать, а избрал бы другую тактику. Но потакание шайке со стороны охраны, беззаконность и всевольность сыграли с ним плохую шутку. Он был так уверен в солидарности и поддержке своих дружков, что даже не ожидал получить отпор со стороны мужика. Хохол, по своей натуре, был человеком хладнокровным, мирным, мягким, но не терпел хамства, лжи и насилия. Тут он становился яростным и неудержимым. Пока верзила выламывался и паясничал, Хохол молчал, наливаясь ненавистью к этому клоуну и, когда тот протянул грязные руки к вороту полушубка, то получил такой удар в грудь, что нелепо подпрыгнул, взмахнув длинными ногами, перелетел через всю камеру и растянулся на полу. К его чести нужно отметить, что он тут же в горячке вскочил на ноги и словно разъяренный бык бросился на Хохла. Верзила был на голову длиннее и поэтому Хохол, пригнув голову, не видел его искаженного лица, но заметил, что по широкой груди верзилы стекала струйка крови, а массивный крест был помят и впился в тело. Второй удар Хохла вновь пришелся в крест верзилы и тот, взмахнув руками, навзничь свалился на пол. На этот раз он уже не поднялся.

Мужики, конечно, хорошо знали Хохла, хорошо знали его силу и возможности, но для ворья это было полной неожиданностью. Когда они увидели плачевный итог скоротечной схватки, то тут же спрыгнули с нар и бросились к мужикам, но в драку не полезли, боясь встретиться с кулаком Хохла. Кроме того, рядом с ним теперь возникла квадратная фигура Митрона Глухого. Но замешательство длилось не долго. Растолкав своих дружков, вперед вышел Ванька Клин, в его руке блеснуло тонкое лезвие, и он кинулся на Митрона. Клин был долговяз, жилист и подвижен, но Глухой ловко перехватил его руку и сжал с такой силой, что тот от боли присел, выпустил нож и стал на колени перед Митроном. Потом он поднял Клина над своей головой, размахнулся и словно бревно бросил его в кучку ворья. Удар был настолько сильным и неожиданным, что вся компания не удержалась на ногах и повалилась на пол, не в силах выбраться из этой кучи. Жандар, между тем, сидел на нарах и благодушно взирал всю эту кутерьму. Он сам не принимал участия в этой стычке потому, что считал ниже своего достоинства вмешиваться в эту разборку. Где-то в его сознании вдруг возникли видения из

далекого детства, когда он наблюдал деревенские драки и особенно драки в семье Рыбиных, смотреть на которые собиралось чуть ли не все село. Когда ряды шпаны полегли на полу, Жандар, к своему удивлению, узнал в силаче бывшего своего односельчанина Рыбина Митрона. Если бы он узнал Митрона раньше, то, может быть, все сложилось бы иначе, но Жандар давно порвал с деревней и многих мужиков, стоявших около дверей, уже не помнил. И как только Жандар узнал бывшего своего соседа, он поднял руку и крикнул:

— Ша, братва, кончай базар!

Почему-то все, и мужики, и жулики, сразу притихли и повернули голову в сторону Жандара. Он легко спрыгнул с нар, шагнул навстречу мужикам, подошел и обнял широкие плечи Митрона, прижал его к своей груди и весело воскликнул:

— Дядя Митрон, да ты ли это? Сколько лет, сколько зим прошло, но тебя нельзя ни с кем спутать. Ты один такой на Руси, ты — же наш Илья Муромец!

Митрон тоже не признал в Жандаре своего бывшего соседа, шустрого и хулиганистого подростка. Теперь его обнимал огромный детина, на целую голову длиннее даже самых высоких мужиков Чульневых. Митрон в первый момент растерялся, посмотрел на мужиков и спросил:

— Кто он такой и что он говорит?

Егор Иванович успел перед этим шепнуть Хохлу, что начальником этой банды был ни кто иной, как Иван Поляков, племянник Нюрки Поляковой, спаливший её дом.

— Это, Митрон, Иван Поляков, твой бывший сосед. Он узнал тебя и хочет поговорить с тобой! — кричал Хохол в ухо Митрону. Тот, приложив ладонь, внимательно выслушав его, повернул голову к Жандару, и его лицо расцвело радостной улыбкой.

— Он что, совсем глухой? — Спросил Жандар мужиков.

— Да, маленько оглох, — ответили они.

— Ну ладно, земляки, раздевайтесь, а то тут у нас жарко. Сложите одежу вон там в угол и садитесь на нары. Нужно отметить встречу, поговорить. Да вы не бойтесь, никто ничего у вас не украдет, всё будет в целостности! — ободрил их Жандар, видя замешательство мужиков. — А ну, кишь отсюда!

Всех, сидевших на нарах, словно сдуло ветром. Мужики, видя доброжелательное отношение к ним главаря шайки, немного пришли в себя, успокоились и стали раздеваться. Когда по приглашению Жандара все расселись, вдруг, словно по волшебству появились несколько бутылок водки и богатая закуска. Тут были колбаса, пахнувшая чесноком, жареная рыба, ломтики сыра, балык, сало и даже икра. Мужики, было, полезли в

свои узелки, но Жандар прикрикнул на них, чтобы не смели этого делать, пояснив, что они у него в гостях, а хозяин их обязан угостить.

— Выходит, что если я приеду к вам в гости, то должен буду привозить с собой еду? Так в высшем свете не делают!

Когда выпили по первой, мужики после всех переживаний накинулись на добротную еду и скоро подмяли всю подчистую. Жандар махнул рукой, и тут же вновь возникла гора закуски и водка. После второго круга мужики осоловели, языки развязались, и они наперебой стали изливать душу атаману шайки воров и грабителей. Выслушав рассказ о сельских новостях и страданиях мужиков в своей родной деревне, Жандар сказал:

— Вот, что вам, земляки, я скажу. Ваше дело, конечно, швах, но не смертельное. Все будет зависеть от судьи. Если попадется гад, то вам за саботаж могут припаять по два, три годика, а если попадется умный человек, то вас поругают, попугают и отпустят на все четыре стороны. Но не тужите и не переживайте, ведь в тюрьме сейчас живется лучше, чем на воле. Небось, не часто у себя дома вы едали такой закусон? Чем не жизнь? Тепло светло и мухи не кусают, да к тому же еда бесплатная. Выпил, нажрался и хочешь, спи, хочешь в карты играй. Нет тут ни Митьки Жука, ни хлебопоставок, ни партии!

— А скажи, Иван! — обратился к нему добродушный и бесхитростный Митрофан Пономарёв, показывая на остатки пищи, — это все тюрьма дает?

— Чудак ты, дядя Митрофан! Конечно, тюрьма. Ведь не могу же я сходить в магазин, вот и приносят охранники всё, что мы закажем!

— И бесплатно?

— А где мы деньги возьмем, если сидим в тюрьме. Мы не сами пришли, нас сюда привели, вот и пусть кормят!

— И то правда! — согласился Митрофан.

Неизвестно сколько бы времени еще потешался Жандар над доверчивым Митрофаном, если бы внезапно, с лязгом, не отворились двери, и в камеру влетел взъерошенный начальник караула. То ли от беготни по этажам тюрьмы, то ли от взбучки начальства, он в первый момент не мог вымолвить и слова, а только пялил глаза на притихших арестантов. Переведя дыхание, он прошелся взад — вперед по камере и, остановившись у двери, приказал:

— Немедленно навести порядок! Скоро здесь будет прокурор. Да смотрите мне, чтобы было тут без выкрутасов. Иначе вы у меня по-другому запоете!

И с этими словами он, как влетел, так и вылетел из камеры.

При этом явлении Христа народу, никто из шпаны даже не шевельнулся. Очевидно начальник караула был для них не указ, но редкое появление прокурора в тюрьме было чрезвычайным происшествием и от этого визита ничего хорошего ждать не приходилось. Вся шайка боялась, что прокурор в гневе выгонит их из тюрьмы, и тем самым лишит всех теплого приюта. Мужики, видя беспокойство своих сокамерников, растерялись. Жандар распорядился навести порядок и, в первую очередь, затолкать под нары всех, кто не держался на ногах и прикрыть их тряпьем. Остальным было указано умыть пьяные рожи и надеть штаны и рубахи. Едва успели навести относительный порядок, как двери вновь отворились, и в камеру вошел начальник тюрьмы, прокурор и несколько охранников. Прокурор был высокого роста, в годах. На нем было дорогое драповое пальто с каракулевым воротником, на ногах ботинки с галошами. На голове очки и шляпа. Шею обвивал яркий шерстяной шарф, из которого проглядывал белоснежный воротничок рубашки с бабочкой. Во всем его облике, манере говорить и держаться, чувствовалась аристократическая косточка, что передается из поколения в поколение.

— Встать! — Прохрипел начальник тюрьмы.

Шпана по привычке, быстро вскочила и построилась в две шеренги, а мужики замешкались, не зная, что делать. Наконец они пристроились к своим сокамерникам, затаив дыхание. Прокурор окинул взглядом это сборище и, повернувшись к начальнику тюрьмы, спросил:

— Кто такие?

— Вот это уголовники, — указал он на шеренгу воров, а это саботажники из деревни, сегодня утром пригнали!

— Ясно, — тихим, спокойным голосом проговорил прокурор. — Жалобы имеются?

— Никак нет, гражданин начальник! — Дружно гаркнули грабители.

— Вот и хорошо, прошу пройти в следующую камеру!

Прокурор повернулся и вышел. За ним стайкой потянулись сопровождающие его лица.

Не успели арестанты разойтись по углам и обсудить внезапный визит прокурора, как двери вновь отворились, пропустив в камеру начальника тюрьмы. Все обернулись к нему.

— А ну, деревня, собирайте свои шмотки, и уматывайтесь отсюда, чтобы вашего духу здесь не было!

Мужики ошалело смотрели на начальника и ничего не понимали. Им казалось, что тот узнал про драку и выпивку, и ждали самого худшего.

— Ну чего выпучили глаза? — прикрикнул на них Жандар, — Сказано вам, чтобы убирались, вот и собирайтесь домой, а то начальник передумает, и будете здесь еще долго загорать!

Наконец, до мужиков дошло, что их отпускают, и стали поспешно собираться. Через минуту все были одеты и толпились у дверей, Жандар подошел, каждому пожал руку и пожелал доброго пути. Егору Ивановичу он наказал, чтобы тот поклонился бабушке Вере и пожелал ей здоровья. Начальник тюрьмы пересчитал мужиков, вывел в коридор и передал начальнику караула. Выйдя из тюрьмы, они потянулись на хлебный базар, надеясь найти там кого-нибудь из сельских и с ними вернуться домой, а Егор Иванович решил пойти к дочке.

Никто из них не знал, что своему освобождению они обязаны секретарю Обкома партии Варейкису Иосифу Михайловичу, который выполнил свое обещание, данное Сергею.

Конец первой части